E 61/48
кн. 4

61/48

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ИСТОРІИ

РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

ПОГАШЕНО

ГРАФА М. ТОЛСТАГО.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1870.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
10439-69

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, октября 22 дня 1869 г.

Цензоръ Протоіерей *С. Зерновъ*.

2007043335

МОСКОВСКАЯ СИНОДАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

ГЛАВА I.

Малолѣтство царя.—Изгнаніе двухъ митрополитовъ.—Внезапное исправленіе молодаго самолержца.—Вѣнчаніе Іоанна на царство и первый бракъ его.—Соборы 1547—1554 года.—Стоглавъ.—Ересь Башкина и Косаго.—Дѣло о дьякѣ Висковатомъ.—Покореніе Казани и учрежденіе Казанской епархіи.—Болѣзнь Іоанна.—Кончина царицы Анастасіи.

Воцареніе государя-младенца было не на радость Церкви и государству. Недолго власть оставалась въ рукахъ правительницы - матери [а]. Послѣ преждевременной смерти Елены, начались необузданныя смуты бояръ, которые принялись управлять государствомъ и безпощадно губили другъ друга. Въ этихъ крамолахъ не уважалась и святость сана первосвятителей: митрополитъ Даніилъ былъ сверженъ съ митрополіи указомъ боярскимъ и заточенъ въ Іосифовъ монас-

(а) Правленіе Елены было ознаменовано развратомъ и жестокостью. Она уморила въ темницѣ (голодомъ, по увѣренію современниковъ) шурина своего князя Юрія. Родной дядя, замѣнявшій ей отца, знаменитый измѣнникъ князь Михаилъ Глинскій, смѣло обличалъ правительницу въ зазорномъ ея поведеніи, и за то былъ замученъ въ тюрьмѣ. Сама Елена, послѣ пятилѣтняго правленія, умерла скоропостижно, отъ яда, какъ свидѣтельствуетъ современникъ Герберштейнъ.

тырь [6]. Преемникъ его Іоасафъ, поставленный изъ игуменовъ Сергіевой Лавры, мужъ богоугодный и добродѣтельный, не болѣе трехъ лѣтъ занималъ каѳедру первосвятительскую; крамольники низвергли его еще съ большею наглостію и буйствомъ. На мѣсто его возведенъ владыка Новгородскій Макарій, святитель просвѣщенный, усердный ко благу Церкви и отечества.

Между тѣмъ возрасталъ юный самодержецъ - сирота. Рожденный съ отличными способностями, но предоставленный съ дѣтства своимъ природнымъ влеченіямъ, лишенный всякаго воспитанія, онъ развивался во злѣ, а не въ добрѣ. Можетъ быть предрасположеніе къ жестокости онъ всосалъ въ себя съ молокомъ матери, но бояре, на бѣду самимъ себѣ, постарались усилить въ немъ это предрасположеніе до страсти: они тѣшили его звѣриною охотою, любовались когда онъ убивалъ животныхъ и мучилъ ихъ разными муками. «Пусть веселится державный» — говорили они. Отрокъ-государь уже разумѣлъ, что верховная власть, которою такъ дерзко злоупотребляли князья Шуйскіе и другіе бояре, принадлежитъ ему, а не имъ; видѣлъ, что они пренебрегаютъ имъ, позволяя себѣ всякое безчиніе и наглость, даже въ присутствіи государя. Въ душѣ отрока возникла и росла ненависть къ боярамъ-крамольникамъ.

Іоанну исполнилось 17 лѣтъ. Онъ объявилъ митрополиту и боярамъ волю свою — вѣнчаться на царство и вступить въ бракъ. Торжество царскаго вѣнчанія совершено митрополитомъ Макаріемъ въ Успенскомъ соборѣ 16 января 1547 г.,

(б) Бояре взяли съ Даніила запись, будтобы онъ добровольно отказался отъ святительства, желая окончить жизнь въ той обители, гдѣ принялъ постриженіе. Тамъ онъ загладилъ грѣхи своего честолюбія, человѣкоугодія и участія въ козняхъ вельможъ строгою жизнію подвижника.

на Іоанна возложенъ былъ крестъ царскій, вѣнецъ Мономаховъ и бармы (ожерелье) [в]. Съ того времени самодержцы Русскіе начали не только въ сношеніяхъ съ иными державами, но и внутри государства, во всѣхъ актахъ, именоваться царями, сохраняя и древній титулъ великихъ князей. Въ 1561 году, патріархъ Константинопольскій Іоасафъ, въ знакъ усердія къ вѣнценосцу Русскому, соборною грамотою утвердилъ его въ санѣ царскомъ [г].

Со всѣхъ краевъ Россіи привезли въ Москву красавицъ-дѣвицъ благородныхъ. Іоаннъ выбралъ изъ нихъ дѣвицу Анастасію Романовну, дочь вдовы Захарьиной [д]. Совершая бра-

---

(в) Вѣнчаніе Іоанна IV было совершено по тому же обряду, какъ и вѣнчаніе несчастнаго Димитрія, внука Іоанна III. (См. Душеп. Чтенія 1867 г.) главу XVIII-ю нашихъ разсказовъ.

(г) Въ грамотѣ Патріарха за подписью его и 36 святителей греческихъ, сказано: «нынѣшній властитель Московскій происходитъ отъ незабвенной царицы Анны, сестры царя Багрянороднаго, и митрополитъ Ефесскій, нарочно присланный изъ Византіи вѣнчалъ на царство великаго князя Русскаго Владиміра.» По изслѣдованіямъ А. Ѳ. Вельтмана, слова эти относятся къ Владиміру не «Мономаху», а «монарху», т.-е къ Владиміру Равноапостольному, а потому и древняя утварь царская ошибочно называется Мономаховою. (Чтенія Общ. Ист. и Древн. 1860 г. кн. I стр. 38—44.) За соборною грамотою посланъ былъ въ Царьградъ блаж. Ѳеодоритъ, просвѣтитель Лопарей. По возвращеніи, царь подарилъ ему соболью шубу и 30 рублей, изъ которыхъ подвижникъ взялъ только 25. Подлинная грамота сохраняется въ Моск. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

(д) Отецъ Анастасіи, Романъ Юрьевичъ, былъ окольничимъ, а дѣдъ—бояриномъ Іоанна III. Но не знатность рода, а личныя достоинства невѣсты оправдывали царскій выборъ; современники приписываютъ Анастасіи всѣ женскія добродѣтели: искреннее благочестіе, смиреніе, цѣломудріе, милосердіе, доброту души, соединенныя съ умомъ основательнымъ и твердостію воли, которыя нечувствительно укрощали пылкія страсти супруга. Лѣтописцы свидѣтельствуютъ, что «добрая» царица «наставляла и приводила царя на всякія добродѣтели.»

косочетаніе царственной четы, первосвятитель Макарій, въ краснорѣчивомъ словѣ, поучалъ новобрачныхъ творить правду и милость, посѣщать темницы, чтить духовенство, жаловать бояръ и народъ, не слушать клеветниковъ, святить дни воскресные и праздничные молитвою и добрыми дѣлами и соблюдать посты, воздерживаясь на это время отъ плотскихъ удовольствій.

Но совѣты мудраго первосвятителя и вліяніе добродѣтельной супруги не могли вскорѣ исправить царя, приученнаго къ шумной праздности, къ забавамъ грубымъ, неблагочиннымъ. Нуженъ былъ сильный урокъ, и этотъ урокъ ниспосланъ въ страшномъ пожарѣ, опустошившемъ Москву. На пепелищѣ столицы кипѣлъ мятежъ народный, Іоаннъ трепеталъ въ недоумѣніи на Воробьевыхъ горахъ. Тамъ предсталъ царю Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и сильнымъ словомъ пробудилъ заснувшую совѣсть юноши. Угрозы суда Божія, въ минуту гнѣва Божія, потрясли сердце, не совсѣмъ еще ожесточенное. Іоаннъ сталъ какъ бы другимъ человѣкомъ. Онъ призвалъ митрополита и святителей, торжественно каялся имъ въ грѣхахъ своихъ, собралъ и народъ на Лобномъ мѣстѣ, оплакалъ предъ нимъ свои заблужденія, слагая вину на недостойныхъ пестуновъ. Съ чуднымъ исправленіемъ царя все приняло вокругъ него иной видъ: удалились преступные бояре; Адашевъ, новый добродѣтельный другъ царя, не знатный родомъ, но благонамѣренный и вѣрный, сталъ на ближней ступени престола, и процвѣло государство; нашлись въ думахъ мужи совѣта, въ битвахъ — вожди. На законы гражданскіе вначалѣ обратилось вниманіе новаго правительства; опытная дума бояръ, разсмотрѣвъ уложеніе Іоанна III, составила новый судебникъ.

Созвавъ Соборъ епископовъ Русскихъ, царь открылъ его трогательною рѣчью, въ которой изложилъ бѣдствія первыхъ

лѣтъ своихъ. «Отцы наши, пастыри и учители, говорилъ онъ, внидите въ чувства ваши, прося у Бога милости и помощи, истрезвите умъ и просвѣтитесь во всякихъ богодухновенныхъ обычаяхъ, какъ предалъ вамъ Господь, и меня сына своего наказуйте и просвѣщайте на всякое благочестіе, какъ подобаетъ быть благочестивымъ царямъ, во всѣхъ праведныхъ царскихъ законахъ, во всякомъ благовѣріи и чистотѣ, и все православное христіанство нелѣностно утверждайте, да непорочно сохранитъ истинный христіанскій законъ. Я же единодушно всегда буду съ вами исправлять и утверждать все, чему наставитъ васъ Духъ Святый; если буду вамъ сопротивляться, вопреки божественныхъ правилъ, вы о семъ не умолкайте; если же преслушникъ буду, воспретите мнѣ безъ всякаго страха, да жива будетъ душа моя и всѣ сущіе подъ властію нашею». На этомъ Соборѣ установлено празднованіе угодникамъ Божіимъ, новымъ чудотворцамъ Русской земли, отъ которыхъ царь желалъ призвать благословеніе на свой царскій санъ; постановлено составить имъ новыя службы и пересмотрѣть житія ихъ (e). Тотъ же Соборъ утвердилъ и предложенный ему на разсмотрѣніе новый судебникъ.

(e) Опредѣлено праздновать по всѣмъ церквамъ Россіи слѣдующимъ двѣнадцати чудотворцамъ: св. митрополиту Іонѣ, св. Іоанну архіепископу Новгородскому, св. князю Александру Невскому, преподобнымъ: Никону «Сергіеву ученику,» Пафнутію Боровскому, Макарію Калязинскому, Михаилу Клопскому, Зосимѣ и Савватію Соловецкимъ, Павлу Обнорскому, Діонисію Глушицкому и Александру Свирскому. Празднованіе только на мѣстѣ подвиговъ и прославленія назначено девяти угодникамъ Божіимъ, а именно: въ Москвѣ, — блаж. Максиму, въ Устюгѣ Великомъ — блаж. Прокопію и Іоанну, въ Муромѣ — благов. князьямъ Константину съ сыновьями Михаиломъ и Ѳеодоромъ, князю Петру и супругѣ его Февроніи. Впрочемъ двумъ послѣднимъ назначено и повсемѣстное празднованіе. (Грамота митроп. Макарія въ Акт. Археограф. Экспед. Т. I. № 213.)

Въ 1551 году, снова собрались святители Русскіе въ Москву, по желанію государя [ж]. Положеніе не только государства, но и самой церкви требовало соборныхъ совѣщаній. Безпорядки государственные, развившіеся отъ мятежнаго духа бояръ, и нравственной порчи самого юнаго самодержца, не могли не вредить и благоустройству Церкви. Церковь на восточной окраинѣ Русскаго Царства испытывала внѣшнія бѣдствія отъ враговъ иноплеменныхъ, которые при вторженіяхъ своихъ грабили и разрушали храмы, попирали святыню, отводили въ плѣнъ священнослужителей, и многихъ плѣнныхъ христіанъ доводили до измѣны вѣрѣ и отечеству.

Во внутреннемъ своемъ состояніи, Церковь страдала отъ буйства правителей государства, которые, (какъ мы уже видѣли) низвергли, въ теченіи трехъ лѣтъ, двухъ первосвятителей. Когда царь, еще юный, но совращенный съ добраго пути тѣми же боярами, уже терялъ уваженіе къ постановленіямъ церковнымъ, когда и сами пастыри увлекались смутами правленія, неизбѣжно возникали важныя опущенія и безпорядки во внутренней жизни церкви [з]. Въ самомъ

ж) На Соборѣ присутствовали архіепископы: Новгородскій Ѳеодосій и Ростовскій Никандръ, епископы: Суздальскій Трифонъ, Смоленскій Гурій, Тверскій Акакій, Коломенскій Ѳеодосій, Сарскій Савва, Пермскій Кипріанъ и Рязанскій Кассіанъ, (въ послѣдствіи лишенный епархіи за ересь) съ архимандритами, игуменами и другими духовными лицами. Въ разсмотрѣніи соборныхъ постановленій принимали участіе бывшій митрополитъ Іоасафъ, жившій на покоѣ въ Сергіевой Лаврѣ, и бывшій архіепископъ Ростовскій Алексій.

(з) Самъ Іоаннъ, въ рѣчи къ Собору, свидѣтельствовалъ, что многіе священные обычаи въ церкви «поизшаталися», многія преданія нарушены, многое введено своевольно, вопреки древнимъ, священнымъ установленіямъ; появились «безумные человѣки», готовые поносить всякое доброе предпріятіе въ пользу Церкви.

дѣлѣ, явное пренебреженіе обязанностей христіанскихъ, нарушеніе уставовъ церковныхъ, нравственные безпорядки въ духовенствѣ, взаимное невниманіе и презрѣніе между духовенствомъ и мірянами, — все это ясно и сильно представляетъ самъ Стоглавый Соборъ. Народъ, по легкомыслію и невѣжеству, легко могъ увлекаться въ заблужденія, своевольничать въ дѣлахъ вѣры, и предаваться всей грубости своихъ нравовъ. Таковы были дѣйствія невѣжества, при отсутствіи способовъ къ просвѣщенію народа, при отсутствіи даже самаго попеченія объ этомъ важномъ предметѣ!

Предметы разсужденій Собора раздѣлены на сто главъ, откуда и самый Соборъ получилъ имя Стоглаваго. Въ этихъ главахъ изложены вопросы царскіе Собору, отвѣты на нихъ Собора, и нѣкоторыя соборныя постановленія. Соборъ разсуждалъ, обличая безпорядки и безчинія, о богослуженіи и уставахъ церковныхъ, объ устройствѣ храмовъ, объ иконахъ [и], о книгахъ богослужебныхъ [і], о просфорахъ и прос-

---

(и) Соборъ требовалъ отъ иконописцевъ, кромѣ искусства въ иконописаніи, неукоризненной жизни, и поручалъ ихъ надзору духовныхъ отцевъ; епископамъ вмѣнялъ въ обязанность надсматривать за иконописаніемъ, лучшихъ иконописцевъ отличать вниманіемъ любви, а неискуснымъ и людямъ худой жизни запрещать писать св. иконы. Онъ же совѣтовалъ слѣдовать въ иконописаніи лучшимъ древнимъ образцамъ, указывая въ особенности на иконы блаж. Андрея Рублева.

(і) Порча богослужебныхъ книгъ чрезъ переписываніе ихъ невѣжественными, полуграмотными писцами, была очевидна для всѣхъ. Соборъ горько жаловался на неисправность книгъ церковныхъ, и вмѣнилъ въ обязанность протопопамъ и благочиннымъ (поповскимъ старостамъ) исправлять церковныя книги по хорошимъ спискамъ, и книгъ не пересмотрѣнныхъ не пускать въ употребленіе, но не могъ дать имъ надлежащаго руководства и нужныхъ пособій для выбора лучшихъ списковъ. Тогда же возникло убѣжденіе, что вмѣсто писцовъ, необходимо завести типографію и печатать книги. Это было приведено въ

форницахъ [к], о благочиніи въ храмахъ, о чинѣ совершенія таинствъ, о крестномъ знаменіи, о произношеніи аллилуіи, объ избраніи и поставленіи священнослужителей, о благочиніи чернаго и бѣлаго духовенства, о судѣ церковномъ или святительскомъ, о содержаніи храмовъ и причтовъ, объ исправленіи общественныхъ правовъ и обычаевъ [л]. Догматовъ вѣры Соборъ не касался, и не имѣлъ въ виду опроверженія какой-либо ереси.

Что сказать о достоинствѣ постановленій Стоглаваго собора? Справедливость требуетъ сказать, что многія постановленія собора были полезны для церкви, и имѣютъ свое несомнѣнное достоинство. Таковы его опредѣленія о заведеніи училищъ при церквахъ, объ учрежденіи старостъ для надзора за благочиніемъ духовенства [м], защищеніе судебныхъ правъ клира, мысль объ исправленіи церковныхъ книгъ, объ истребленіи соблазнительныхъ пороковъ духовенства, сує-

---

исполненіе, но, по неудачности первыхъ опытовъ, первая книга Московскаго «печатнаго двора»—Апостолъ, напечатана не ранѣе 1564 года.

(к) Просфорницы (просвирни) при церквахъ, по опредѣленію Собора, должны быть «чистыя вдовицы, единобрачныя, а не второбрачныя», не моложе 40 или 50 лѣтъ. Черницамъ не дозволено быть просфорницами при мірскихъ храмахъ.

(л) Соборъ разсуждалъ о выкупѣ плѣнныхъ христіанъ изъ неволи, о необходимости богадѣленъ и другихъ благотворительныхъ учрежденій, строго вооружался противъ клятвопреступленія, волшебства и разныхъ суевѣрныхъ обычаевъ.

(м) Десятильники или старосты поповскіе (нынѣшніе благочинные) существовали и прежде въ Новгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ, но Стоглавому Собору принадлежатъ правила для повсемѣстнаго назначенія этихъ лицъ. Церкви города Москвы раздѣлены были на семь соборовъ, и подчинены семи старостамъ по одному при каждомъ соборѣ. Замѣчательно, что избраніе «поповскихъ старостъ» Соборъ предоставилъ самому духовенству. (Акты Археограф. Экспед. Т. 1 № 238).

вѣріи и зловредныхъ обычаевъ народныхъ. Заботливость о избраніи достойныхъ служителей алтаря, о точности въ соблюденіи церковнаго устава въ богослуженіи, о благочиніи христіанскомъ въ храмахъ, благоустроеніе монастырей, попеченіе о содержаніи церквей, ограниченіе мзды въ церковныхъ сборахъ, приведеніе въ порядокъ судопроизводства епископскаго: все это показываетъ въ членахъ Собора пастырскую ревность о благоустроеніи Церкви отечественной. Нѣкоторыя особенныя постановленія Собора были весьма полезны для жизни общественной, какъ напримѣръ постановленія о богадѣленныхъ домахъ, о выкупѣ плѣнныхъ, о принятіи въ церковныя училища дѣтей гражданскихъ сословій; съ добрымъ намѣреніемъ соборъ предохранялъ отечество отъ иноземныхъ обычаевъ, съ доброю мыслію обращалъ вниманіе на крестьянъ (епископскихъ и монастырскихъ) и людей скитающихся по міру для собиранія милостыни, — открывая послѣднимъ способы получать пропитаніе честными трудами, облегчая состояніе первыхъ чрезъ ограниченіе роскоши и корыстолюбія въ монастыряхъ. Вообще видна благонамѣренность рѣшеній Собора и усиліе основывать ихъ на правилахъ Вселенской Церкви. Но при всемъ томъ, нельзя не замѣтить и тѣхъ недостатковъ, и даже погрѣшностей въ рѣшеніяхъ Собора, которые унижаютъ его достоинство и лишаютъ его канонической важности въ Церкви.

Такъ въ особенности главы о двуперстномъ сложеніи для крестнаго знаменія и сугубомъ аллилуіи, потворствуютъ неразумной привязанности къ мнимой старинѣ. Впрочемъ въ разныхъ, дошедшихъ до насъ, спискахъ Стоглава крестное знаменіе и іерейское благословеніе «двума персты» изложено не одинаково и не ясно (н).

(н) Въ 1554 году, игуменъ Сергіевой Лавры Артемій отозвался, что на Стоглавомъ Соборѣ о крестномъ знаменіи «слово

О сугубой аллилуіи особаго вопроса на соборѣ предложено не было. Но въ одной изъ главъ Стоглавника помѣщено свѣдѣніе о явленіи будто бы пресв. Богородицы преп. Евфросину, Псковскому чудотворцу (о) съ повелѣніемъ произносить сугубое аллилуія (т. е. аллилуія дважды, а въ третій разъ: слава тебѣ, Боже). Эта мнимая заповѣдь Божіей Матери, изложенная въ житіи преп. Евфросина, въ видѣ весьма важнаго догмата вѣры, введена въ Стоглавникъ какъ правило для

было, да не доспѣли ничего,» т. е. ничего не успѣли рѣшить опредѣленно. (Акты Арх. Экси. 1. № 239.) Этотъ отзывъ доказываетъ, что положеніе о двуперстіи въ Стоглавникѣ должно почитаться частнымъ мнѣніемъ, а не постановленіемъ соборнымъ.

(о) Преп. Евфросинъ, въ мірѣ Елеазаръ, Псковскій чудотворецъ, основатель Спасо-Елеазаровскаго монастыря въ 25 верстахъ отъ Пскова, преставился 15 мая 1481 года, 95 лѣтъ отъ рожден'я. Житіе его, бывшее на разсмотрѣніи Собора, передѣлано, съ болѣе древней редакціи, около 1547 года, извѣстнымъ попомъ Василіемъ. Здѣсь сообщается длинный разсказъ о путешествіи преп. Евфросина въ Царьградъ: рѣчь о томъ, будто Евфросинъ, видя «великъ расколъ посредѣ Христовой Церкви, овѣмъ бо двоящимъ, овѣмъ же троящимъ пресвятую аллилуію, сѣтовалъ безмѣрною печалію предъ Богомъ.» Такъ какъ никто изъ Русскихъ пастырей не могъ «протолковать преподобному Евфросину тайну о божественной аллилуіи», то онъ отправился въ Царьградъ къ патріарху Іосифу, который будто бы протолковалъ ему тайну аллилуіи такъ, что ее нужно двоить, или сугубить; для большаго подтвержденія, патріархъ будто бы далъ Евфросину «писаніе,» которымъ уполномочилъ его завесть въ своемъ монастырѣ сугубую аллилуію. Затѣмъ идетъ рѣчь о возстаніи противъ преп. Евфросина всѣхъ пяти соборовъ Псковскихъ, особенно нѣкоего священника Іова. Далѣе говорится, будто бы первому списателю житія преподобнаго Евфросина, являлся два раза во время тонкаго сна преподобный Евфросинъ вмѣстѣ съ преподобнымъ Серапіономъ и говорилъ: «опиши сію тайну святыя аллилуіи»; наконецъ явилась ему сама Пресвятая Богородица съ архангеломъ и тѣми же преподобными, изъяснила ему тайну сугубой аллилуіи и повелѣла написать объ ней для общаго вѣдѣнія. Какъ

всеобщаго употребленія, и сопровождается толкованіемъ, наполненнымъ самыми странными заблужденіями и нелѣпостями, жалкими плодами невѣжества.

Должно полагать, что ученіе объ аллилуіи не принадлежитъ цѣлому Собору, но есть частное мнѣніе одного изъ членовъ его, внесенное въ Стоглавникъ позднѣе переписчиками. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что еще въ 1419 году первосвятитель Фотій грамотою къ Новгородцамъ предписывалъ «тре-

---

будто дѣло шло о какомъ-то всемірномъ переворотѣ, или о столь великой тайнѣ, безъ которой не возможно спасеніе человѣчества! Кромѣ того Василій въ своихъ разсказахъ помѣстилъ много противорѣчій и несообразностей историческихъ съ жизнію преподобнаго Евфросина, которому усвояетъ слишкомъ узкій взглядъ на аллилуію, и произнесъ хулу на Пресвятую Богородицу, приписавъ Ей понятія темныя и даже еретическія (Исторія Русск. Церкви преосв. Филарета Черниговскаго, пер. III. прим. 306). Недавно отыскался, въ библіотекѣ покойнаго В. М. Ундольскаго единственный и никѣмъ не описанный экземпляръ житія преп. Евфросина первоначальной редакціи, принадлежащій первой половинѣ XVI-го в. (Житіе и жизнь и подвизи преп. отца нашего Евфросина, трудолюбца и пустынножителя. Полуставъ XVI в., на 117 листахъ, въ 4-ку. Библ. Унд. № 306). Здѣсь нѣтъ разсказа о явленіи Божіей Матери и чудотворцевъ списателю житія. Откуда же могъ почерпнуть этотъ разсказъ Василій, не заставшій въ живыхъ перваго, неизвѣстнаго ему даже и по имени жизнеописателя? Нелѣпое сужденіе о важности сугубой аллилуіи изложено также, какъ и у Василія, только короче и темнѣе. И здѣсь также немало невѣжественныхъ лжеученій. Но всѣ эти «сонныя мечтанія» (по выраженію осудившаго ихъ Собора 1667 года) достаточно опровергаются уставомъ, который составленъ преп. Евфросиномъ для основанной имъ обители, и завѣщаніемъ его. И уставъ и завѣщаніе сохранились въ Спасо-Елеазаровомъ монастырѣ, но ни въ томъ, ни въ другомъ документѣ нѣтъ ни слова объ аллилуіи. Могъ ли бы Евфросинъ не преподать братіи своей особаго подробнаго постановленія о такомъ мнимо-важномъ предметѣ, составлявшемъ будто-бы, по словамъ обоихъ списателей житія его, главную цѣль его дѣятельности?

губить аллилуія» (какъ и нынѣ соблюдается при православномъ Богослуженіи) и самъ предсѣдатель Стоглаваго Собора, митрополитъ Макарій, помѣстилъ такое же распоряженіе въ одной изъ книгъ своей великой Четь-Минеи, съ строгимъ обличеніемъ противъ «сугубящихъ» аллилуія [п].

Подлинныхъ актовъ Стоглаваго Собора не сохранилось въ лѣтописяхъ; даже ни въ одномъ изъ списковъ сборника, называемаго Стоглавникомъ, не видимъ подписей лицъ, бывшихъ на Соборѣ, даже подписи самого митрополита Макарія. Можетъ быть недостатокъ единомыслія между членами Собора въ опредѣленіяхъ, или общая неувѣренность въ правильности и твердости соборныхъ постановленій были причиною того, что онѣ не были утверждены общимъ согласіемъ, и не могли имѣть законной силы. Во всякомъ случаѣ Соборъ Стоглавый не имѣетъ каноническаго значенія для Церкви Русской, какъ допустившій заблужденія, сдѣлавшіяся впослѣдствіи опорою суевѣрія и расколовъ, и въ особенности, какъ не утвержденный Греческою Церковью и позднѣе отвергнутый бо́льшимъ Соборомъ не только Русскихъ святителей, но и патріарховъ восточныхъ.

Спустя два года, созванъ былъ снова Соборъ по слѣдующему случаю: появилась, особенно въ сѣверныхъ монасты-

---

(п) «Указъ о трегубомъ аллилуія» помѣщенъ въ книгѣ великихъ Четь-Миней за мѣсяцъ августъ (экземпляръ Успенскаго Собора, пожертвованный митроп. Макаріемъ, подъ 31 августа стр. 3126). Тотъ же «указъ» помѣщенъ полнѣе въ экземплярѣ Синод. Библ. (л. 815 — 816). Въ тѣхъ же Великихъ Миneяхъ находится ясно выраженное мнѣніе о правильности крестнаго знаменія тремя перстами (въ августовской книгѣ соборнаго экземпляра стр. 2772 и въ декабрьской стр. 1907). Неоспоримое доказательство, что предстоятель Стоглаваго Собора не принималъ ни двуперстія, ни сугубой аллилуіи!

ряхъ [p] ересь Матвѣя Семенова Бакшина (или Башкина). Вотъ сущность этой ереси:

1. Бакшинъ хулилъ Іисуса Христа, отрицая Его равенство Отцу.

2. Тѣло и Кровь Господа называлъ простымъ хлѣбомъ и виномъ.

3. Не признавалъ таинства покаянія по чину православной Церкви. «Какъ престанетъ грѣхъ творити, говорилъ еретикъ, аще и у священника не покается, то нѣсть ему грѣха.»

4. Отвергалъ достоинство внѣшнихъ учрежденій церковныхъ; «что такое Церковь? — говорилъ онъ. Собраніе вѣрныхъ? Итакъ эти храмы — ничто, иконы — идолы,» и проч.

5. Отеческія преданія и жизнеописанія Отцевъ называлъ баснословіемъ и обвинялъ въ властолюбіи Отцевъ Вселенскихъ Соборовъ; «все для себя они писали, говорилъ Бакшинъ, чтобъ имъ всѣмъ владѣть, и царскимъ и священническимъ». Кромѣ этого Бакшинъ разсѣвалъ много и другихъ плевеловъ, подкрѣпляя свое ученіе неправильнымъ толкованіемъ разныхъ мѣстъ св. Писанія.

Ересь Бакшина очевидно сходна съ ересью жидовствующихъ; но по сознанію самаго ересеучителя, наставниками его были Литовскіе протестанты: аптекарь Матвѣй и Андрей Хотѣевъ [c].

Бакшинъ наименовалъ своими послѣдователями многихъ, между прочими — Артемія, отказавшагося предъ тѣмъ отъ

(p) Именно въ Заволжскихъ. По выраженію Курбскаго, тогда «за Волгою провзбоша руганія.»

(c) Соборъ дѣйствовалъ противъ новыхъ еретиковъ снисходительнѣе, нежели прежде противъ жидовствующихъ. Бакшинъ былъ заточенъ въ Іосифовъ монастырь; нѣкоторые изъ послѣдователей его отданы подъ присмотръ въ отдаленные монастыри «да не сѣютъ злобы своея роду человѣческому;» другіе подвергнуты церковной эпитиміи. Гражданскихъ казней не было.

игуменства Сергіевой Лавры, которому Бакшинъ отданъ былъ на увѣщаніе. На Артемія явились и другіе доносители. Но обвиненія въ хулѣ Артемія на св. Троицу, на таинства, на иконы, Соборъ призналъ не доказанными; а за неосторожность отзывовъ его о нѣкоторыхъ предметахъ священныхъ, лишили его сана и заточили въ Соловецкій монастырь (т).

Между зараженными вольномысліемъ Бакшина особенно извѣстны стали Ѳеодосій Косой, распутный бродяга, и такой же товарищъ его Игнатій. Ѳеодосій былъ слугою одного боярина въ Москвѣ, но обокравъ его, бѣжалъ на Бѣлоозеро и тамъ постригся въ монашество. За распространеніе нечестивыхъ мыслей онъ (въ 1555 г.) былъ взятъ въ Москву, но и отсюда бѣжалъ вмѣстѣ съ Игнатіемъ, и оба скрылись въ Ли-

---

(т) По свидѣтельству Курбскаго, Артемій «преподобный и премудрый,» пустынникъ Заволжскій, взятый за святость жизни въ игумены Сергіевой лавры, удалился оттуда снова въ пустыню, противъ воли царя, «многаго ради мятежа и любостяжательныхъ, искони законопреступныхъ мниховъ» (лаврскихъ); потомъ заподозрѣнный въ соучастіи съ еретиками, подвергнутъ истязаніямъ, и сосланъ, отягченный цѣпями, въ Соловецкій монастырь (Сказ. Курбскаго изд. 2-е, стр. 134—135). На Соборѣ обвиняли его въ томъ, что онъ хулилъ крестное знаменіе, считалъ безполезнымъ поминовеніе усопшихъ, унижалъ чтеніе акаѳистовъ. Но Артемій отвѣчалъ, что порицалъ не крестное знаменіе, а наглое маханіе рукою, при небрежномъ осѣненіи себя крестомъ, что безполезнымъ считалъ поминовеніе только для грѣшниковъ нераскаявшихся, а чтеніе акаѳистовъ — для тѣхъ, которые, называя Іисуса «сладчайшимъ,» и взывая къ Богородицѣ «радуйся», презираютъ законъ Іисусовъ и нерадятъ о своемъ спасеніи.— Всѣ новѣйшіе писатели по исторіи Русской Церкви налагаютъ на Артемія печать ереси, и утверждаютъ, что онъ, бѣжавъ изъ Соловковъ въ Литву, дѣйствовалъ тамъ заодно съ Косымъ. Но нельзя не замѣтить: 1) что Артемій былъ въ числѣ судей Бакшина и опровергалъ на соборѣ его лжеученія, весьма сходныя съ ученіемъ Косаго; 2) что онъ, когда былъ игуменомъ лавры, испросилъ дозволеніе перевести въ обитель преп. Сергія

твѣ. Здѣсь, сбросивъ съ себя монашество, оба женились: Косой на жидовкѣ, Игнатій на полькѣ, и стали новыми проповѣдниками.

Косой оставилъ и въ сѣверной Россіи сѣмена своихъ лжеученій. Мысли его довольно тревожили крылошанъ Хутынскаго монастыря. Ученіе Косаго было совершенно сходно съ ересью Башкина. Только Косой былъ наглѣе Башкина, и начитавшись соцініанскихъ книгъ, дерзко высказывалъ самыя дерзкія выходки Социна. Онъ прямо выставлялъ только одинъ разумъ источникомъ знанія человѣческаго; прямо говорилъ, что смерть человѣку естественна, а не есть плодъ вольнаго грѣха, троичности Лицъ въ Божествѣ, воплощенія Сына Божія рѣшительно не допускалъ; надъ всѣмъ внѣшнимъ устрой-

---

праведнаго узника Максима Грека, котораго глубоко почиталъ и старался успокоить его старость, чего никакъ нельзя было ожидать отъ еретика; 3) извѣстный писатель Захарій Копыстенскій утверждаетъ, что «преподобный инокъ Артемій въ Литвѣ отъ ереси ар'анской и лютеранской многихъ отвернулъ» (Палинодія, рукопись библ. Ундольскаго № 425 л. 377). Всего же болѣе служитъ къ оправданію Артемія весьма рѣдкая, или лучше сказать единственная, никому не извѣстная рукопись: «Артемія старца посланія противъ Буднаго и другихъ еретиковъ, полууст. Бѣлорусскій конца XVI вѣка». Въ этихъ посланіяхъ, на имя князя Чарторисскаго и другихъ лицъ, излагается ученіе чистоправославное, безъ всякихъ примѣсей ереси и опровергаются лжеученія Лютера и Кальвина. Въ замѣчательномъ посланіи къ царю Іоанну, Артемій упоминаетъ о епископѣ, который совѣтовалъ ему: «не чти много книгъ, да не во ересь впадеши» (л. 151. Въ другомъ мѣстѣ оправдываясь отъ нареканій въ ереси, проситъ не вѣрить на слово ни ему самому, ни другимъ, «кромѣ вѣрнаго свидѣтельства богодухновенныхъ писаній. На убійство и изгнаніе — говоритъ онъ — устремляются царскою помощію, яко и древніе мучители, ничто же имуще глаголати, точію: еретикъ! указати же явственно ереси не могутъ.» (л. 162).—Вообще въ личности Артемія скорѣе можно видѣть жертву невѣжества того темнаго времени, нежели соумышленника еретиковъ.

ствомъ церковнымъ, надъ св. иконами и проч. насмѣхался нагло.

Монахъ Зиновій, даровитый ученикъ преп. Максима Грека, сосланный въ Отенскій монастырь (въ 50 верст. отъ Новгорода), послѣ заточенія его учителя, написалъ здѣсь цѣлую книгу противъ ереси Косаго (у).

Около того же времени на Соборѣ разсматривалось дѣло дьяка Висковатаго. Послѣ страшнаго пожара 1547 года, возобновлялось стѣнное писаніе въ придворномъ Благовѣщенскомъ соборѣ; иконописцы, вызванные изъ Новгорода, изобразили на стѣнахъ храма, вмѣсто прежнихъ предметовъ, исторію творенія міра, символъ вѣры, содержаніе нѣкоторыхъ церковныхъ стиховъ въ лицахъ, или какъ говорили тогда, «во притчѣ». Когда окончено было стѣнное письмо, начались толки о новости; отставленные иконописцы явились первые съ судомъ надъ новостію и распространяли между простодушными подозрѣніе. Дьякъ Висковатый, какъ вѣроятно, по особеннымъ видамъ противъ любимца царскаго Сильвестра, поднялъ открытое волненіе, шумѣлъ, бранилъ новыя иконы, а еще болѣе надзиравшихъ за работою. Онъ указывалъ народу въ Сильвестрѣ и Благовѣщенскомъ же священникѣ Симеонѣ сообщниковъ Башкина. Поднялось волненіе. Висковатый устно и письменно изложилъ предъ Соборомъ сомнѣнія о новостяхъ, гово-

---

(у) «Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи.» Монахъ Зиновій писалъ въ назиданіе монахомъ, которые спрашивали его объ ученіи Косаго. Онъ разсматриваетъ мысли Косаго въ томъ порядкѣ, въ какомъ передавали ему клирошане Хутынскіе, присовокуплявшіе по мѣстамъ и свои мнѣнія. Разсужденія его спокойны, отвѣты обдуманны, опроверженія отчетливы, свѣдѣнія удивляютъ обширностію. Зиновію извѣстенъ былъ «просвѣтитель» Іосифа, и сочиненіе его показываетъ, что онъ выполнилъ свое дѣло далеко лучше своего предшественника (Обзоръ русск. Дух. Литературы ч. 1. стр. 216).

рилъ, что другія изображенія, кромѣ показанныхъ седьмымъ Вселенскимъ Соборомъ, запрещены; позволилъ себѣ даже говорить, что лице Бога Отца—лице неизобразимое. Митрополитъ Макарій, которому вѣроятно, извѣстны были иконописцы и ихъ работа еще въ Новгородѣ, словесно и письменно разрѣшилъ сомнѣнія Висковатаго. Священники Сильвестръ и Симеонъ оправдались въ взведенныхъ на нихъ подозрѣніяхъ, и первый присовокуплялъ: если нѣкоторыя изображенія соблазняютъ народъ, то благоволитъ Соборъ разсудить, не должно ли запретить ихъ. Соборъ показалъ, что ни на какомъ другомъ не было запрещенія новымъ иконамъ, а потому нѣтъ нужды запрещать новыхъ иконъ за то, что онѣ новы, указалъ въ Ветхомъ Завѣтѣ явленіе Бога Отца въ образѣ Ветхаго деньми, поставилъ на видъ Висковатому и правило Трульскаго Собора: «не подобаетъ предъ людьми простымъ учительнаго слова подвигнути, или учити, самъ себѣ учительство усвояя, по внимати отъ Господа преданному чину.» Висковатый принесъ раскаяніе. Соборъ за то, чтоонъ произвелъ волненіе въ народѣ и несправедливо говорилъ, особенно объ изображеніи Бога Отца, наложилъ на него духовную епитимію. (Ф).

Между тѣмъ внутреннее благосостояніе государства отозвалось побѣдами врагамъ; царства и области постепенно падали къ ногамъ юнаго царя; обломки Золотой Орды, разсыпавшейся при Іоаннѣ III, вошли въ державу его внука.

(Ф) Въ Благовѣщенскомъ соборѣ изображены тогда въ лицахъ церковные стихи: «пріидите людіе, тріипостасному Божеству поклонимся; Единородный Сыне; Во гробѣ плотски.» Въ Новгородѣ символическія изображенія появились еще ранѣе. Весьма вѣроятно, что Новгородскіе и Псковскіе иконописцы переняли ихъ у западныхъ художниковъ, съ которыми имѣли сношенія.

Еще недавно грозились Крымъ и Казань взаимно поддерживать свои силы, и ханъ Девлетъ-Гирей, опустошительнымъ набѣгомъ, приближался къ столицѣ, приводя въ трепетъ думу боярскую и отрока Іоанна; въ свою очередь бѣжалъ онъ въ степи при одномъ слухѣ о вооруженіи возмужавшаго царя. Въ послѣдній разъ взволновалась Казань и возбудила гнѣвъ Іоанна. Сильныя приготовленія воинскія предшествовали величайшему изъ ратныхъ подвиговъ того времени. На пути къ мятежному городу заложена была Свіяжская крѣпость; увѣщательныя грамоты митрополита возбудили ея новыхъ поселенцевъ и собравшіеся полки къ святому исполненію своего долга (x). Наконецъ поднялся самъ Іоаннъ; блистательный походъ его имѣлъ совершенное подобіе крестоваго; торжественность обрядовъ церковныхъ мѣшалась съ упражненіями во-

(x) Еще до похода Іоанна на Казань, великій заступникъ земли Русской, преп. Сергій Радонежскій назначеновалъ благословеніемъ своимъ мѣсто для христіанскаго города Свіяжска. Когда былъ основанъ Свіяжскъ, и въ немъ монастырь съ храмомъ чудотворца Сергія, тогда отъ храмовой иконы его совершились многія исцѣленія. Старшины горныхъ Черемисъ, пришедши въ Свіяжскъ, сказывали: «лѣтъ за пять до основанія сего города, когда мѣсто сіе было еще пусто, когда Казань была спокойна, мы часто слыхали здѣсь Русскій церковный звонъ. Удивляясь, и приходя въ страхъ, мы посылали легкихъ молодыхъ людей къ сему мѣсту посмотрѣть, что такое происходитъ; и они слышали голоса прекрасно поющихъ какъ будто въ церкви, а никого не видали, кромѣ одного вашего стараго инока, который ходилъ съ крестомъ, благословлялъ на всѣ стороны, какъ будто размѣрялъ мѣсто, гдѣ теперь городъ; и все то мѣсто наполнялось благоуханіемъ. Когда посланные нами покушались ловить его: онъ становился невидимъ. Когда пускали въ него стрѣлы: стрѣлы не ранили его, а летѣли вверхъ, падали на землю, и ломались. Мы сказывали о семъ нашимъ князьямъ, а они царицѣ и вельможамъ въ Казани» (Нѣкоторыя черты житія преп. Сергія послѣ смерти, собр. Филаретомъ, митропол. Московскимъ стр. 58.)

инскими; молебствія начинали и заключали каждый подвигъ. Въ виду Казани расположился необъятный станъ Русскій и близъ шатра царскаго разбитъ шатеръ церковный. Предъ началомъ приступа, все войско очистило совѣсть исповѣдью. Царь молился въ походномъ храмѣ, при совершеніи литургіи. готовясь къ пріобщенію св. таинъ. Когда діаконъ возгласилъ слова евангелія: «будетъ едино стадо и единъ пастырь!» грянулъ громъ перваго взрыва подкоповъ; при словахъ ектеніи: «покорити подъ позѣ его всякаго врага и супостата,» второй взрывъ поднялъ на воздухъ стѣны Казанскія. Сѣча закипѣла, но царь причастился и дождался конца литургіи. Едва успѣлъ онъ сѣсть на коня, какъ принесли ему вѣсть: «Казань взята!» Это событіе совершилось 1 октября 1553 г. и сопровождалось избавленіемъ 60 тысячъ христіанъ, томившихся въ неволѣ мусульманской.

Торжествующій побѣдитель самъ водрузилъ первый крестъ посреди покореннаго города и обойдя по стѣнамъ, съ хоругвями и иконами, посвятилъ пресвятой Троицѣ бывшую столицу царства Казанскаго. Въ нѣсколько дней создана имъ малая церковь Благовѣщенія, начатокъ просвѣщенія сѣверо-востоку. Неисчислимы были счастливыя послѣдствія взятія Казани, прославившей имя Іоанна въ Европѣ и Азіи: владѣтель Сибирскій предложилъ ему дань, князья Горскіе и Черкаскіе — подданство. Скоро пало предъ его оружіемъ и другое царство татарское — Астрахань, хотя съ меньшими усиліями. Козаки, новый народъ, образовавшійся еще при его дѣдѣ, изъ разнородныхъ племенъ, съ однимъ лишь условіемъ православія, на верховьяхъ Дона и на порогахъ Днѣпра, тревожили Крымъ и Литву, и соединились подъ предводительствомъ вождей Русскихъ, чтобы наступить на Хана. Стоило одной воли Іоанновой, и послѣдній остатокъ силы Батыевой изчезъ бы въ предѣлахъ нашихъ, но царь не послушалъ совѣта

благоразумныхъ вельможъ, обратилъ честолюбивый взоръ на Ливонію, и Крымъ ожилъ для бѣдствій Русской земли.

Торжественно и радостно возвращаяся царь - побѣдитель изъ покоренной Казани; рожденіе сына Димитрія, возвѣщенное ему на пути, еще болѣе усугубило эту радость. Онъ направилъ путь въ лавру дивнаго чудотворца Сергія, чтобы принести тамъ благодарственное моленіе; два святые мужа, какъ жильцы иныхъ временъ, встрѣтили его у гроба Сергіева: святитель Іоасафъ, пострадавшій во дни его юности, и преп. Максимъ Грекъ, доживавшій въ заточеніи многострадальную старость. Другая болѣе торжественная встрѣча ожидала его въ Москвѣ: митрополитъ Макарій со всѣмъ духовенствомъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда предмѣстникъ его Кипріанъ принималъ икону Владимірскую, какъ залогъ спасенія Москвы отъ Тамерлана. Въ умиленной рѣчи изложилъ царь всѣ свои побѣды, смиренно относя ихъ къ молитвамъ святителей, и въ избыткѣ чувствъ простерся предъ соборомъ. Въ свою чреду привѣтствовалъ его Макарій, благодаря отъ лица всей земли Русской, и палъ къ ногамъ его съ духовенствомъ и безчисленнымъ народомъ. Послѣдняя сладостная встрѣча была въ Кремлѣ— супруга Анастасія съ младенцемъ. Крещеніе его ознаменовалось припятіемъ въ нѣдра Церкви царицы и двухъ царей Казанскихъ: — Митрополитъ самъ испытывалъ искренность обращенія. Въ новопокоренномъ царствѣ Казанскомъ открыта, по опредѣленію собора 1555 года, новая архіепископія, къ которой причислена Казань, Свіяжскъ, нагорная сторона, Василь и вся Вятская земля Для устроенія церквей въ новопросвѣщенной странѣ и на содержаніе причтовъ царь сдѣлалъ значительныя пожертвованія изъ казны; тоже вмѣнено въ обязанность монастырямъ и святителямъ. Пастыремъ по жребію избранъ

былъ Гурій, игуменъ Селижаровскій, а въ помощники ему даны архимандриты Германъ и Варсонофій. Царь, отправляя Гурія въ Казань, вмѣнялъ ему въ обязанность приводить къ вѣрѣ съ любовію и не противъ воли, лучшихъ изъ крестившихся наставлять при своемъ домѣ, другихъ посылать въ монастыри, не отвергать и тѣхъ, которые искали бы крещенія съ сознаніемъ въ винѣ гражданской, и ходатайствовать за подсудимыхъ (ц). Новый первопрестольникъ Казанскій былъ торжественно отпущенъ изъ Москвы на судахъ, сопровождаемый крестами и хоругвями.

Подвигъ сокрушенія царства Казанскаго былъ дѣломъ достославнымъ не только для государства, но и для свободы и успѣховъ вѣры православной, страдавшей отъ татаръ цѣлыя столѣтія. Памятникомъ покоренія Казани сохранился для насъ воздвигнутый по повелѣнію Іоанна, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ храмовъ Московскихъ, соборъ Покрова Богородицы, поражающій взоры своею необычайною, полувизантійскою, полуготическою громадою (ч).

Обращеніе царя Іоанна на путь благочестія, правды и добра казалось искреннимъ и прочнымъ. Но мало по малу обстоятельства стали возбуждать въ немъ чувства недовѣрія

(ц) Въ такомъ духѣ написана была «память» святителю Гурію (Акты археограф. экспед. т. I № 241.)

(ч) Покровскій соборъ, что на рву, болѣе извѣстный подъ названіемъ храма Василія блаженнаго, на площади близъ Лобнаго мѣста, заложенъ «на казенныя деньги» въ 1554; довершенъ уже по кончинѣ Іоанна, сыномъ его царемъ Ѳеодоромъ. Строилъ «фрязинъ», т. е. одинъ изъ западныхъ художниковъ; имя зодчаго не сохранилось, но по народному преданію (впрочемъ неимѣющему достовѣрныхъ основаній) и по отзывамъ иностранныхъ писателей, царь Іоаннъ такъ былъ доволенъ зданіемъ, что велѣлъ выколоть глаза зодчему, дабы онъ не могъ произвести ничего подобнаго.

къ добрымъ совѣтникамъ. Жестокая болѣзнь едва не свела въ могилу молодаго вѣнценосца и послужила началомъ грядущихъ бѣдствій Русскаго царства: на смертномъ одрѣ, Іоаннъ испыталъ опять смуты боярскія, которыя, еще въ дѣтствѣ и отрочествѣ, были ему такъ горьки. Бояре въ его присутствіи спорили между собою, и что́ наиболѣе поразило умирающаго—самые близкіе къ нему люди, изъ страха безначалія при государѣ-младенцѣ, или изъ зависти къ родственникамъ царицы, не хотѣли присягать законному наслѣднику, малолѣтнему царевичу Димитрію и желали видѣть на престолѣ двоюроднаго брата царскаго, князя Владиміра Андреевича [ш]. Въ какомъ волненіи была душа Іоанна, когда онъ, на порогѣ смерти, видѣлъ непослушаніе, строптивость въ безмолвныхъ дотолѣ подданныхъ, въ усердныхъ любимцахъ, когда онъ, государь самовластный и вѣнчанный славою, долженъ былъ смиренно молить тѣхъ, которые еще оставались ему вѣрными, чтобъ они охраняли семейство его, хотя бы въ изгнаніи? Іоаннъ перепесъ ужасъ этихъ минутъ, выздоровѣлъ и всталъ съ одра, повидимому исполненный милости ко всѣмъ боярамъ. Казалось, онъ не хотѣлъ помнить того, что происходило во время его болѣзни, но могъ ли пылкій самодержецъ забыть мятежъ крамольниковъ и муки души своей, разтерзанной ими въ минуты борепія съ ужасами смерти?

Съ этого времени начался гибельный переворотъ въ чувствахъ и дѣлахъ царя, уже остывшаго въ любви къ ближ-

---

(ш) Ѳедоръ Адашевъ (отецъ любимца) сказалъ умирающему государю: «мы, до своего возраста, уже испили чашу бѣдъ отъ правленія боярскаго. Не хотимъ служить Захарьинымъ-Юрьевымъ!» Священникъ Сильвестръ также клонился на сторону князя Владиміра.

нимъ своимъ совѣтникамъ [щ]. Отправляясь на богомолье въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь съ царицею и младенцемъ царевичемъ, Іоаннъ посѣтилъ на Пѣсношѣ бывшаго Коломенскаго епископа Вассіана Топоркова, друга отца его, лишеннаго епархіи въ боярское правленіе за лукавство и жестокосердіе. Маститая старость не смягчила въ немъ души: склоняясь къ могилѣ, онъ еще питалъ мірскія страсти въ груди, злобу, ненависть къ боярамъ. Іоаннъ желалъ лично узнать человѣка, заслужившаго довѣренность его родителя; говорилъ съ нимъ о временахъ Василія и требовалъ у него совѣта, какъ лучше править государствомъ. Вассіанъ сказалъ ему: «если хочешь быть истиннымъ самодержцемъ, то не имѣй совѣтниковъ мудрѣе себя; держись правила, что ты долженъ учить, а не учиться — повелѣвать, а не повиноваться. Тогда будешь твердъ на царствѣ и грозою вельможъ. Совѣтникъ мудрѣйшій государя неминуемо овладѣетъ имъ.» Эти ядовитыя слова проникли въ глубину Іоаннова сердца. Схвативъ и поцѣловавъ руку Вассіана, онъ съ живостію сказалъ: «самъ отецъ мой не далъ бы мнѣ лучшаго совѣта!» — Въ лаврѣ Сергіевой, царь бесѣдовалъ въ послѣдній разъ съ преп. Максимомъ Грекомъ. Страдалецъ за правду не похвалилъ богомольнаго путешествія царскаго: «пристойно ли тебѣ, государь — говорилъ угасающій старецъ — скитаться по дальнимъ монастырямъ съ юною супругою и съ младенцемъ? Вездѣсущаго не должно искать только въ пустыняхъ: весь міръ исполненъ славы Его. Если желаешь изъявить ревностную признательность къ небесной благости, то благотвори на престолѣ. Завоеваніе Казанскаго царства, сча-

(щ) Іоанну внушали, что не только Сильвестръ, но и Алексѣй Адашевъ тайно держали сторону князя Владиміра. Всего хуже было то, что ближніе совѣтники царя подверглись непріязни царицы, которая думала, что они хотѣли пожертвовать ею, сыномъ и братьями ея своему честолюбію.

стливое для Россіи, было гибелью для многихъ христіанъ; вдовы, сироты, матери избіенныхъ льютъ слезы: утѣшь ихъ своею милостію. Вотъ дѣло царское». Іоаннъ не принялъ его совѣта, и преп. Максимъ сказалъ ему чрезъ бояръ послѣднее слово, что если онъ не попечется объ устройствѣ сиротъ и вдовъ, то Богъ у него самого отниметъ сына [ъ].

Предсказаніе Максима сбылось: царевичъ Димитрій скончался въ дорогѣ. Онъ былъ замѣненъ царю двумя сынами — Іоанномъ и Ѳеодоромъ, но ничто не могло замѣнить царицы Анастасіи. Ранняя кончина ея, послѣ краткой болѣзни, отняла у неутѣшнаго супруга послѣднюю подпору на пути къ добру. Никогда общая горесть не изображалась умилительнѣе и сильнѣе. Не дворъ одинъ, а вся Москва погребала свою первую, возлюбленную царицу. Когда несли тѣло въ дѣвичій Вознесенскій монастырь, народъ не давалъ пути ни духовенству, ни вельможамъ, тѣснясь со стопами ко гробу. Всѣ плакали, и всѣхъ неутѣшнѣе бѣдные, нищіе, называя Анастасію именемъ матери. Имъ хотѣли раздавать обыкновенную въ такихъ случаяхъ милостыню: они не принимали, чуждаясь всякой отрады въ день печали. Но еще не знали тогда, что Анастасія унесла съ собою счастіе царя и царства Русскаго!

(ъ) Преп. Максимъ Грекъ переведенъ въ 1651 году изъ Тверскаго Отроча монастыря въ лавру Сергіеву, наслаждался здѣсь полною свободою, но былъ изможденъ недугами старости, послѣ долгихъ страданій. Здѣсь онъ пробылъ на покоѣ еще 5 лѣтъ, преставился въ 1556 году и погребенъ у сѣверозападнаго угла церкви сошествія св. Духа. Часовня надъ гробницею его сооружена митрополитомъ Московскимъ Платономъ. Святость страдальца за вѣру и правду ознаменована чудесами: 20 исцѣленій описаны въ одной рукописи библіотеки В. М. Ундольскаго (Максима грека житіе и избранныя творенія, полуустав. XVIII вѣка, № 338). Послѣднее изъ описанныхъ здѣсь чудесъ относится къ 1721 году.

ГЛАВА II.

Святители, современные первой половинѣ царствованія Іоанна IV: митрополиты св. Іоасафъ и Макарій; святитель Гурій Казанскій и сотрудники его Варсонофій и Германъ. Преп. иноки-подвижники: Даніилъ Переславскій, Герасимъ Болдинскій, Арсеній Комельскій, Адріанъ Ондрусовскій, Геннадій и Никифоръ Вожеозерскіе, Антоній Сійскій, Илъ Столбенскій. Св. Василій, юродивый Московскій.

Обозрѣвъ церковныя событія въ первой, достославной половинѣ царствованія перваго царя Московской Руси, обратимъ благоговѣйный взоръ на тѣ благодатныя звѣзды, которыя свѣтили тогда на небосклонѣ Русскомъ, озаряя собою тьму глубокаго невѣжества. Въ числѣ ихъ были великіе святители, право-правившіе слово истины, — были и смиренные отшельники, уединенно подвизавшіеся въ пустыняхъ.

Митрополитъ Іоасафъ, изъ дворянскаго рода Скрипицыныхъ, принялъ постриженіе въ лаврѣ Сергіевой и съ 1529 года былъ тамъ игуменомъ. Близкій къ любителю иноковъ и иночества в. к. Василію Іоанновичу при жизни его, онъ крестилъ сына и наслѣдника его Іоанна, у раки преп. Сергія. Во время малолѣтства царя, при буйномъ управленіи бояръ,

митрополитъ Даніилъ принужденъ былъ сложить съ себя санъ первосвятительскій и на мѣсто его избранъ игуменъ Іоасафъ. Въ своемъ исповѣданіи вѣры, нареченный митрополитъ писалъ: «во всемъ слѣдую святѣйшимъ патріархамъ, соблюдающимъ истинную непорочную вѣру христіанскую, установленную св. апостолами и преданную богоносными отцами, а не ту, которую принесъ Исидоръ съ несвященнаго латинскаго собора, просіявшаго злочестіемъ. Ктому же обѣщаюсь не дѣлать ничего изъ одного угожденія в. князю или многимъ князьямъ, хотя бы грозили мнѣ смертію, принуждая сдѣлать что либо вопреки божественнымъ и священнымъ правиламъ.» Блаж. Іоасафъ выполнилъ обѣщаніе свое съ полною твердостію.

Въ эту эпоху совершеннаго безначалія и неистовыхъ злодѣйствъ, которыми особенно отличались Шуйскіе, — новый первосвятитель, заботясь о прекращеніи безпорядковъ, испросилъ свободу заточенному князю Бѣльскому, и дѣйствительно добрый бояринъ, занявъ мѣсто въ думѣ правителей государства, умѣлъ остановить грабежи и насилія. Но князь Иванъ Шуйскій схватилъ и отправилъ Бѣльскаго на Бѣлоозеро, гдѣ его удушили. Тогда толпы неистовыхъ едва не убили святителя: въ келью его бросали камни; во дворцѣ самаго в. князя онъ не нашелъ защиты; на Троицкомъ подворьѣ готовы были растерзать его. Именемъ пр. Сергія игуменъ Алексій умолилъ пощадить жизнь первосвятителя. Св. Іоасафъ выпросилъ себѣ милость провесть послѣдніе годы на мѣстѣ иноческаго обѣта. Ему и здѣсь были непріятности: съ нимъ жили тогда люди, которые сами по себѣ мало хотѣли жить въ монастырѣ и которыхъ загнали туда только бѣды жизни мірской; они часто оскорбляли блаж. Іоасафа припадками своего мірскаго своеволія. Невольными и вольными скорбями, святи-

тель очищалъ душу свою для свѣтлыхъ радостей неба и мирно почилъ 27 іюля 1555 года [а].

Въ уединеніи, блаж. Іоасафъ еще потрудился для Церкви, разсматривая присылаемыя къ нему разсужденія Стоглавнаго Собора [б] и усердно занимался исправленіемъ книгъ для пользы общей. Въ сборникѣ его читаемъ: «Божіею благодатію и пречистыя Богородицы помощію переписалъ житіе св. преп. отецъ. Писалъ же съ разныхъ списковъ, тщася обрѣсти правый. И обрѣтохъ въ спискахъ много не исправлено. И елика возможна моему худому разуму, сія исправлялъ, а яже невозможна, сія оставихъ, да имущіи разумъ большій насъ, тіи исправятъ неисправленная и пополнятъ недостаточная [в].»

Достойный преемникъ его, митрополитъ Макарій, поставленный изъ архимандритовъ Лужецкаго монастыря на каоедру Новгородской архіепископіи (въ 1526), былъ избранъ на митрополію въ 1542 году и, какъ мы уже видѣли прежде, предсѣдательствовалъ на нѣсколькихъ Соборахъ. Забота его объ уменьшеніи заблужденій и суевѣрій въ народѣ и о распространеніи просвѣщенія одна уже даетъ ему почетное мѣсто между великими учителями Церкви. Множество письменныхъ трудовъ, учрежденіе типографіи, попеченіе о лучшемъ устройствѣ иноческой жизни, о распространеніи христіанства на сѣверныхъ и восточныхъ окраинахъ Руси,

---

(а) Мощи св. митрополита Іоасафа почиваютъ подъ спудомъ въ южномъ притворѣ Троицкаго Собора, въ Серапіоновской палаткѣ, прямо противъ входа. Память празднуется въ день преставленія.

(б) Замѣчанія святителя Іоасафа помѣщены особою главою въ книгѣ такъ называемаго Стоглавника.

(в) Истор. описаніе Лавры стр. 157.— Въ патріаршей (Синодальной) ризницѣ хранится алтабасный саккосъ св. митрополита Іоасафа.

наконецъ благотворное вліяніе на молодаго царя — дѣлаютъ навсегда незабвеннымъ имя первосвятителя Макарія.

Опредѣленіе Собора 1551 года о необходимости пересмотра книгъ, очевидно, вело къ тому, чтобы большинство людей сознало на опытѣ, въ какомъ печальномъ положеніи находятся богослужебныя книги. Послѣ такого опыта должно было согласиться, что противъ поврежденія книгъ рукописныхъ надобно воспользоваться тѣмъ средствомъ, которымъ давно уже пользовались въ южной Русской Митрополіи — надобно ввести печатаніе книгъ. Царь Іоаннъ просилъ Датскаго короля прислать въ Москву книгопечатниковъ, и въ 1552 г. присланъ былъ королемъ типографъ Гансъ. Впрочемъ и въ Москвѣ святитель Макарій нашелъ Русскихъ, знающихъ дѣло типографское. Діаконъ Іоаннъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ приняли на себя приготовить все нужное для типографіи. Въ Новгородѣ сыскался рѣзчикъ буквъ Василій Никифоровъ. Первые опыты печати, какъ и во всемъ, были неудачны: не прежде, какъ въ 1564 г. напечатана была первая книга — Апостолъ [г], уже по кончинѣ Макарія.

Обратимся къ словеснымъ произведеніямъ приснопамятнаго святителя. Онъ владѣлъ блистательнымъ даромъ краснорѣчія. Рѣчи его къ Царю — при бракѣ его, предъ походомъ Царя на Казань, и по возвращеніи изъ Казани, написаны съ одушевленіемъ и краснорѣчиво. Таковы же: увѣщательное его посланіе къ войску въ Свіяжскъ предъ началомъ Казанскаго похода, и пространное посланіе къ царю отъ 17 іюля 1552 г. съ увѣщаніемъ идти смѣло противъ враговъ Христовыхъ [д],

---

(г) При печатаніи Апостола не пользовались греческимъ текстомъ, а потому не могли выбрать лучшаго списка. Издатели называютъ текстъ Новаго Завѣта текстомъ 70 толковниковъ (!).

(д) Древн. Вивліоѳ. XIV стр. 227. Царств. книга. Ист. Акты 1. № 159, 160.

учительныя посланія о молитвѣ, противъ разныхъ ересей, въ Водскую пятину объ искорененіи язычества (е) и многія другія. Глубоко — умилительно духовное завѣщаніе святителя (ж).

Весьма замѣчательны труды блаж. Макарія на поприщѣ исторіи. Краснорѣчивый слогъ, какимъ описаны въ Степенной книгѣ 26 лѣтъ царствованія Іоанна, скромность, съ какою коснулись здѣсь дѣйствій митроп. Макарія и опустили рѣчи и посланія его къ Царю, показываютъ, что трудъ митроп. Кипріана въ составленіи Степенныхъ книгъ продолженъ былъ самимъ Макаріемъ. Несомнѣнно и то, что онъ дополнилъ трудъ Кипріана внесеніемъ житій святыхъ(з). — «Великая книга Минеи-Четьи» — блистательный памятникъ трудовъ Макарія и самый богатый подарокъ для исторіи. Это цѣлая библіотека сочиненій историческихъ поучительныхъ и назидательныхъ, состоящая изъ 12 огромныхъ фоліантовъ. Надъ составленіемъ ея проведено двѣнадцать лѣтъ. За основаніе приняты синаксари, или, какъ несправедливо называли ихъ, прологи; потомъ помѣщены не только полныя жизнеописанія, не только слова

(е) Востокова опис. Румянц. музея стр. 626. Дополн. къ истор. актамъ 1.№ 28. Послѣднее посланіе — памятникъ апостольскихъ трудовъ Макарія, еще архіепископа Новгородскаго, для распространенія свѣта Христова между оставшимися язычниками. Мы упоминали объ этихъ трудахъ въ VI главѣ III части «Разказовъ.»

(ж) Истор. акты I. № 172.

(з) Святитель Макарій заботился о составленіи житій и службъ Русскихъ святыхъ, которымъ установлено праздновать на Соборѣ 1547 года (имена ихъ исчислены нами въ предъидущей главѣ). Изъ біографовъ и пѣснопѣвцевъ того времени извѣстны: Михаилъ Тучковъ, бояринъ, въ иночествѣ Илія; блаж. Продіонъ, ученикъ преп. Александра Свирскаго; Хутынскій игуменъ Маркеллъ, Владимірскій инокъ Михаилъ, Псковскій священникъ Василій и другіе. Сочиненія Василія отличаются отъ всѣхъ прочихъ скудостію смысла и обиліемъ басней.

на дни святыхъ и на праздники, но и цѣлыя обширныя сочиненія учителей Церкви (и).»

Незабвенны для иночества заботы Макарія объ устройствѣ общежитія въ обителяхъ. Тогда какъ многіе изъ Московскихъ монастырей, по учрежденію свят. Алексія и преп. Сергія сохраняли чинъ общежитія, почти всѣ Новгородскіе монастыри, въ томъ числѣ и Антоніевъ, до 1527 года не имѣли сего чина. «Каждый, говоритъ лѣтопись, въ своей кельѣ имѣлъ трапезу, всѣ отягчались житейскими печалями.» Нѣкоторые монастыри имѣли у себя приходы наравнѣ съ церквами приходскими. Въ 1528 г. архіеп. Макарій собралъ къ себѣ игуменовъ обителей Новгородскихъ и предложилъ имъ принять уставъ строгаго общежитія. Изъ 18 обителей, въ Новгородѣ и близъ него, только двѣ отказались принять этотъ уставъ:» въ томъ безчиніи обыкоша жити». Во всѣхъ прочихъ стали вводить строгое общежитіе. Слѣдствія сего скоро замѣчены.» Когда устроились общежитія, говоритъ лѣтописецъ, тогда начала умножаться благодать Божія, благочиніе усилилось, число братій увеличилось! Тогда же Владыка назначилъ для инокинь

(и) «Писалъ есми (говоритъ самъ Макарій) сія книги въ великомъ Новгородѣ, какъ есми тамъ былъ архіепископомъ, а писалъ есми и собиралъ и во едино мѣсто ихъ совокуплялъ двянадесять лѣтъ, многимъ имѣніемъ и многими различными писари, не щадя сребра и всякихъ почестей, наипаче же многіи труды и подвиги подъяхъ отъ исправленія иностранныхъ и древнихъ пословицъ, переводя на Русскую рѣчь..... иная же и доднесь въ нихъ неисправлена пребысть и сія оставихомъ по насъ могущимъ съ Божіею помощію исправити.» Князь М. А Оболенскій отъискалъ книгу великихъ миней за августъ, съ собственноручными поправками Макарія (Москвитян. 1850. т. V.) Видно, что великія минеи окончены уже въ Москвѣ. Полный экземпляръ, отданный святителемъ въ Моск. Успенскій соборъ, хранится въ Синод. библіотекѣ. Сверхъ того тамъ же и въ другихъ библіотекахъ находятся экземпляры неполные.

особые монастыри, поставивъ надъ ними игуменій, а игуменовъ, дотолѣ завѣдывавшихъ женскими обителями, вывелъ въ мужскія обители. Тѣмъ монастырямъ, которые изъявляли желаніе принять строгое общежитіе, архіепископъ давалъ грамату благословенія, съ объясненіемъ чина общежитія (i).

Когда Макарій возведенъ былъ на митрополію, онъ сталъ заботиться, чтобъ и во всеи митрополіи обители иноческія подчинились уставу общежитія. Намѣренія святителя были приведены въ исполненіе, но не повсюду: привычка къ старому обычаю была слишкомъ сильна.

Наконецъ попеченія объ исправленіи юнаго царя и о руководствѣ его на пути правды и добра составляютъ также великую заслугу преспопамятнаго святителя. Священникъ Сильвестръ, пробудившій совѣсть Іоанна послѣ великаго пожара и съ того времени имѣвшій сильное вліяніе на царя, былъ безъ сомнѣнія извѣстенъ Макарію еще въ Новгородѣ и имъ переведенъ въ Москву. Блаженная кончина великаго святителя послѣдовала 31 декабря 1563 года, когда царь Іоаннъ уже совратился съ добраго пути, но не успѣлъ еще здѣлаться ужасомъ человѣчества (к).

Ко времени первосвятительства Макарія относится начало апостольскихъ трудовъ въ покоренномъ царствѣ Казанскомъ.

(i) Извѣстна грамота митр. Макарія со благословеніемъ на общежитіе (у Востокова въ описс. Румянц. музея стр. 780.)

(к) Митр. Макарій погребенъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, у сѣверной стѣны. Современники глубоко чтили память святителя, какъ мужа богоугоднаго. Въ «книгѣ о Россійскихъ святыхъ» имя его поставлено между святыми, съ прозваніемъ «чуднаго» (чудотворца). Въ сборникѣ Румянц. музея, скорописс. XVII в. № 364 помѣщено сказаніи о жизни «иже во святыхъ отца нашего чуднаго Макарія митрополита» (л. 319) и «сказаніе о явленіи преп. отца Александра Свирскаго и съ нимъ во святыхъ чуднаго отца Макарія митрополита (л. 322.)

Нѣтъ сомнѣнія, что выборъ архипастыря для новой паствы и достойныхъ его сотрудниковъ принадлежитъ митроп. Макарію. Святитель Гурій въ крещеніи Григорій, родился въ Радонежскомъ городкѣ, гдѣ жилъ нѣкогда преп. Сергій, въ родной семьѣ своей, до удаленія въ пустыню. Родители Григорія были дворяне Руготины, бѣдные и мало извѣстные. Въ домѣ благочестиваго отца, сынъ получилъ благочестивое воспитаніе и обученъ былъ читать и писать. Сыновья незнатныхъ дворянъ обыкновенно служили тогда если не въ службѣ в. князя, то при домахъ богатыхъ княжескихъ фамилій. — Такъ служилъ въ домѣ князя Ивана Пенькова и Григорій Руготинъ. Григорій былъ уменъ и дѣятеленъ, нрава кроткаго и послушливаго, честности неподкупной; онъ любилъ ходить въ храмъ Божій на молитву, молился и въ домѣ; любилъ цѣломудріе и охраняя его держалъ постъ; подавалъ нищимъ милостыню, какую только могъ. Умъ, строгая честность и благочестивая жизнь Григорія пріобрѣли особенную довѣренность къ нему князя и его супруги: Григорію поручено было все правленіе по княжескому дому. Товарищи Григорія стали завидовать его счастію и оклеветали чистаго юношу въ преступной связи съ княгинею. Гнѣвный князь придумалъ жестокую месть: была выкопана яма и въ нее опущенъ срубъ; сюда заперли Григорія. Только малое отверстіе сверху темницы пропускало въ нее свѣтъ и въ то же окошко бросали Григорію на пять дней по спопу овса и опускали немного воды. Тяжко было положеніе невиннаго страдальца: природа отвращается отъ страданія и неправды. Но благочестивая душа его скоро помирилась съ темницею.» Мученики, думалъ Григорій, терпѣли и не то, при всей своей святости: темница избавила меня отъ соблазна и тревогъ мірскихъ. Это уединеніе оставляетъ мнѣ полную свободу готовиться къ вѣчности, а для чего и жить на землѣ, если не для вѣчности?» И вотъ

блаженный Григорій «въ таковой бѣдѣ наипаче простирается на славословіе Божіе, терпя и благодаря Бога о всемъ!»—Уже проходилъ второй годъ заключенія, когда одинъ изъ товарищей по княжескому дому, бывшій другомъ Григорію, упросилъ суроваго сторожа дозволить подойти къ окну темницы и поговорить съ заключеннымъ; разспросивъ о состояніи заключеннаго, онъ вызвался доставлять ему приличную пищу. Григорій поблагодарилъ друга за участіе и сказалъ: «безъ наказанія, которое терплю я, душа моя могла остаться неисцѣленною; благодареніе Богу за все! Въ пищѣ не имѣю я нужды; а прошу тебя приносить чернила и бумаги: я стану писать азбуки, а ты будешь продавать ихъ и деньги, послѣ покупки бумаги, станешь раздавать нищимъ». Такъ Григорій и въ темницѣ хотѣлъ, чтобы дѣти учились закону Божію, также какъ хотѣлъ помогать бѣднымъ, самъ терпя крайнюю нужду. — Спустя два года, неожиданно въ дверяхъ темницы блеснулъ свѣтъ. Григорій, сотворивъ молитву, толкнулъ дверь, — она отворилась. Страдалецъ понялъ, что Господь посылаетъ ему свободу. Онъ взялъ икону Божіей Матери, бывшую съ нимъ въ темницѣ и пошелъ оттуда прямо въ обитель преп. Іосифа Волоколамскаго, извѣстную тогда по строгой жизни иноковъ. Тамъ онъ и постригся съ именемъ Гурія.

Послѣ многолѣтнихъ подвиговъ въ постѣ, безмолвіи и богомысліи, къ которымъ пріучился еще въ темницѣ, Гурій былъ возведенъ на игуменство въ Іосифовомъ монастырѣ; потомъ, по волѣ царя, принялъ на себя настоятельство Селижаровской обители [а].

Для завоеваннаго Казанскаго царства Соборъ опредѣлилъ избрать архіепископа. Это мѣсто служенія въ тогдашнее вре-

(а) Селижаровъ Троицкій монастырь, Тверской епархіи, находится въ Осташковскомъ уѣздѣ, при впаденіи рѣчки Селижаровки въ Волгу. Время основанія его неизвѣстно.

мя было чрезвычайно важно: здѣсь надлежало быть мужу съ апостольскою ревностію и чистотою души, чтобы благоплодно проповѣдывать св. вѣру незнающимъ ея. Потому и избраніе архипастыря происходило необыкновеннымъ образомъ. По совершеніи молебнаго пѣнія митрополитомъ, изъ четырехъ жребіевъ взятъ былъ съ престола одинъ и это былъ жребій Гурія; потомъ взятъ одинъ изъ двухъ и это былъ опять жребій того же избранника. Въ 1555 г. св. Гурій соборомъ архипастырей рукоположенъ въ архіепископа Казанскаго. Отправясь изъ Москвы водою, архипастырь въ каждомъ городѣ встрѣчаемъ былъ молебствіями и самъ совершалъ молебствія, такъ что все путешествіе святителя до Казани, продолжавшееся два мѣсяца, было почти непрерывнымъ молепіемъ.

Первопрестольнику Казанскому даны были два достойные помощника для многотруднаго его служенія: Германъ, бывшій архимандритъ Старицкаго монастыря, жившій на покоѣ въ Іосифовомъ монастырѣ (м), и Варсонофій, игуменъ Пѣсношскій; первый опредѣленъ архимандритомъ въ Успенскій монастырь, города Свіяжска, а послѣднему предназначена была архимандрія въ новой обители Преображенской, которую долженъ былъ самъ еще основать въ Казани. Варсонофій былъ сынъ серпуховскаго іерея Василія и самъ получилъ въ

(м) Св. Германъ, въ крещеніи Григорій, былъ изъ знаменитой фамиліи Полевыхъ, происходившей отъ князей Смоленскихъ. Въ ранней юности постригся онъ въ обители Іосифовой, гдѣ отличался строгою жизнію родной дядя его Нилъ (въ мірѣ Никифоръ Васильевичъ Полевъ); тамъ пользовался онъ наставленіями богомудраго страдальца Максима Грека и добродѣтельнаго игумена св. Гурія Руготина, для котораго трудился въ списываніи книгъ. Назначенный на игуменство въ Старицкій монастырь, блаж. Германъ настоятельствовалъ только два года и удалился на безмолвіе въ Іосифову обитель, а оттуда отправился на апостольскіе подвиги въ Казань, съ наставникомъ своимъ св. Гуріемъ.

крещеніи тоже имя: Въ 1512 году сыновья хана Менгли-Гирея опустошили берега рѣки Оки и захватили многихъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ и юнаго Василія. Горько было положеніе плѣнника. Зная на память псалмы Давидовы, онъ взывалъ къ Богу отцевъ своихъ: «Отецъ мой еси Ты, Богъ мой и заступникъ спасенія моего (Псал. 88, 27); избави мя отъ руки чуждихъ.» (Псал. 143, 7). Молитва и богомысліе не только облегчали скорбь его, но доставляли сердцу его такое утѣшеніе, какого не чувствовалъ онъ въ домѣ родительскомъ. Въ немъ росла любовь къ Богу, а съ нею и преданность волѣ Его. Въ такомъ расположеніи души, молодой Василій работалъ невѣрнымъ со всѣмъ усердіемъ и обучался послушанію безотвѣтному, терпѣнію и незлобію. Постъ, сперва невольный, обратился въ дѣло воли его. Утомительныя работы невольника занимали у него все время дня и онъ посвящалъ ночь молитвѣ. Всегдашняя готовность къ услугамъ, вѣрность и жизнь чистая смягчили сердце варваровъ; на другомъ году плѣна облегчили ему тягость трудовъ и дали нѣкоторую свободу. Василій изучилъ разговорный языкъ татарскій; по своей даровитости онъ узналъ его столько, что могъ излагать мысли свои на письмѣ, изучалъ основанія магометанскаго зловѣрія, такъ что могъ отчетливо говорить о заблужденіяхъ ученія Магометова. Основательнымъ познаніемъ языка и вѣры татаръ исполнилась премудрая цѣль, для которой Господь попустилъ рабу Своему быть въ плѣну. И, вотъ спустя три года плѣна, отецъ нашелъ средства выкупить дорогаго сына изъ неволи татарской.

Василій возвратился на родину, но сердце его уже не могло увлечься земными радостями. Рабъ Божій покорилъ самъ себя игу Христову въ Андроньевской обители и въ монашествѣ нареченъ Варсонофіемъ. Потомъ жилъ онъ при Тверскомъ епископѣ Акакіѣ въ санѣ іеродіакона. Тамъ и здѣсь совершаемы имъ,

были иноческіе подвиги съ полнымъ усердіемъ. Слухъ о его духовной жизни дошелъ до митроп. Макарія и въ 1544 г. посвященъ онъ въ игумена Пѣсношской обители.

Много трудовъ предстояло на новомъ поприщѣ святителю Гурію, бодрому духомъ, но изнуренному плотію (темничная жизнь навсегда разстроила его здоровье). Хотя существовали начатки Христіанства въ землѣ Казанской, уже напоенной кровію мучениковъ Христовыхъ [н], но ревностный святитель и сотрудники его должны были неусыпно трудиться: прежде всего поучать духовенство, новокрещенныхъ утверждать въ вѣрѣ и благочестіи, магометанъ и язычниковъ обращать къ св. вѣрѣ убѣжденіями, не прибѣгая къ насиліямъ, за магометанина и язычника, осуждаемаго судомъ за преступленіе, но принимающаго св. вѣру, ходатайствовать предъ начальствомъ о прощеніи вины его. Святитель, выполняя эти правила, присовокуплялъ для успѣховъ вѣры молитву и милосердіе: въ домѣ его находили себѣ пищу и помощь всякая бѣдность и нужда. Невѣрующіе видѣли, что вся жизнь его — любовь святая, любовь благотворительная для всѣхъ безъ различія. На второмъ году служенія своего святитель началъ строить близъ Казани Зилантовъ монастырь. По уставу святителя, иноки этой обители занимались обученіемъ дѣтей чтенію и письму, преимущественно же закону Божію. Благочестивое желаніе знакомить дѣтей съ вѣрою и правилами христіанскими, пробудившееся еще въ темницѣ, теперь развилось съ св. Гуріи съ особенною силою [о]. И тру-

---

(н) Въ Казани пострадали за вѣру Христову: въ 1529 году Русскій плѣнникъ Іоаннъ, а въ 1552 году Стефанъ и Петръ, уроженцы Казанскіе, обратившіеся изъ магометанства въ Свіяжскѣ.

(о) Донынѣ жители Казани, начиная учить дѣтей своихъ грамотѣ, испрашиваютъ благословенія св. Гурія при ракѣ мощей его. Такъ памятна въ томъ краѣ любовь святителя къ дѣлу образованія дѣтей!

ды евангельскаго проповѣдника въ странѣ мрака были благоплодны: «божественный мужъ, какъ свидѣтельствуетъ Гермогенъ, одинъ изъ преемниковъ его, ученіемъ своимъ привелъ ко Христу множество душъ».

Ревностно помогалъ наставнику своему блаж. Варсонофій. Вмѣстѣ съ добрыми иноками, взятыми имъ изъ Пѣсноши, онъ устроилъ въ Казани новую, общежительную обитель Преображенскую [п] и неутомимо трудился въ обращеніи магометанъ. Въ этомъ подвигѣ помогали ему знаніе языка и вѣры татаръ и искуство врачевать болѣзни.— Знаніе татарскаго языка доставило ему удобства входить въ близкія сношенія съ татарами, а основательное знаніе ученія магометова, при его глубокомъ умѣ, представляло обличенія его магометанству неотразимыми. — Умѣнье лѣчить болѣзни привлекало къ нему больныхъ всякаго рода, тогда какъ болѣзнь сама отворяетъ душу для лучшихъ чувствованій, а слѣдовательно и для принятія мыслей христіанскихъ; къ тому же терпѣливое и безкорыстное леченіе со стороны Варсонофія внушало довѣріе къ безмездному врачу не только въ больныхъ, но и въ здоровыхъ.

Другой сотрудникъ св. Гурія, блаж. Германъ устроилъ обитель иноческую въ Свіяжскѣ, училъ дѣтей, во множествѣ крестилъ магометанъ и язычниковъ въ струяхъ Волги и усердно выполнялъ порученія святителя по епархіи. Съ своей стороны св. Гурій оказывалъ ему особенное довѣріе, поручилъ суду его всѣ сельскіе церковные причты Свіяжскаго уѣзда, а монастырь его освободилъ отъ своего суда.

Послѣдніе три года жизни святитель Гурій лежалъ на одрѣ болѣзни, не могъ совершать служеніе и даже ходить въ храмъ.

(п) Еще цѣлъ тамъ уставъ, данный «въ общій монастырь Спаса многогрѣшнымъ черницемъ архимандритомъ Варсонофіемъ, что былъ игуменъ на Пѣсношѣ; а писанъ уставъ съ Пѣшношскаго.»

Но духъ его молился и молитвою низводилъ благодать небесную на его паству. Въ великіе праздники носили его къ литургіи въ соборный храмъ Благовѣщенія Богоматери, построенный имъ; здѣсь сидѣлъ онъ или даже лежалъ, слушая службу Божію; душа его горѣла желаніемъ молиться вмѣстѣ съ паствою своею въ дни общей хвалы и молитвы. —Блаженная кончина его послѣдовала 4 декабря 1563 г. Преемникомъ его каѳедры былъ св. Германъ.

Вскорѣ послѣ того, (въ 1567 г.) св. Варсонофій рукоположенъ былъ въ санъ святительскій на Тверскую каѳедру; но спустя четыре года, отягченный старостію, отказался отъ управленія епархіею и возвратился въ Казанскій Преображенскій монастырь.

Въ обители продолжалъ онъ подвижническую жизнь. Когда, отъ дряхлости, не могъ онъ ходить въ церковь, ученики возили его на телѣжкѣ къ богослуженію; такъ любилъ онъ молитву и славословіе храма! Блаженная кончина его послѣдовала 11 апрѣля 1576 г. на 86 году жизни его (р).

Между тѣмъ какъ равноапостольные святители Казанскіе просвѣщали свѣтомъ истиннаго богопознанія страну, погру-

---

(р) Мощи св. Варсонофія были погребены въ храмѣ обители его, подлѣ мощей св. Гурія. Въ 1596 году, при построеніи каменнаго Преображенскаго храма на мѣстѣ деревяннаго, обрѣтены гробы обоихъ святителей. «Вся рака св. Гурія, говоритъ очевидецъ (святитель Гермогенъ), наполнена была благоуханнымъ муромъ и мощи плавали; св. тѣло было нетлѣнно; только верхней губы нѣсколько коснулось тлѣніе. Самъ я недостойный, грѣшною моею рукою, коснулся св. тѣла и чувствовалъ, какъ оно плавало; осязалъ и погребальныя ризы и онѣ были цѣлы; прикасался къ мантіи и сильно тянулъ ее, но она была крѣпче новой.» Мощи святителя Гурія почиваютъ открыто въ Казанскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, а св. Варсонофія—въ Преображенскомъ монастырѣ.

женную во мракъ язычества и магометанства, въ пустынныхъ обителяхъ земли Русской ярко сіяли свѣтильники благочестія, а на стогнахъ Москвы одинъ дивный труженикъ подвизался въ юродствѣ Христа ради.

Преп. Даніилъ, Переяславскій чудотворецъ, въ мірѣ Димитрій, еще въ юныхъ лѣтахъ обнаруживалъ порывы души къ строгимъ подвигамъ. Услышавъ, при чтеніи житія преп. Симеона Столпника, что тотъ тайно обвилъ себя веревкою для усмиренія плоти, отрокъ отрѣзалъ себѣ конецъ веревки, которою рыбаки привязывали къ берегу ладью, обвилъ сю станъ свой и такъ крѣпко, что веревка по времени стала въѣдаться въ тѣло, родители увидѣди у спящаго мучительный поясъ и поспѣшили снять его. Воспитанный потомъ для жизни иноческой въ Никитскомъ монастырѣ, онъ тайно ушелъ въ обитель преп. Пафнутія Боровскаго и принявъ постриженіе съ именемъ Даніила, пользовался наставленіями опытнаго старца Левкія (с).

По смерти родителей, блаж. Даніилъ возвратился въ Переяславль и поселился въ Успенской обители, что на Горицахъ; архимандритъ Антоній, родственникъ его, зная чистоту его жизни, убѣдилъ его принять санъ священства. Тутъ совершалъ онъ особенный подвигъ любви къ ближнимъ: умершихъ странниковъ, убитыхъ, замерзшихъ, утопшихъ бѣдняковъ на своихъ рукахъ переносилъ онъ въ скудельницу; онъ просилъ и другихъ сказывать ему, если увидятъ гдѣ застигнутаго внезапною смертію и ночью шелъ отпѣвать покойнаго. Такъ продолжалъ онъ не одинъ годъ. По ночамъ смотря изъ Горицкой келліи на скудельницу (божедомье), онъ думалъ: «сколько тайныхъ рабовъ Божіихъ лежитъ, быть мо-

(с) Блаж. Левкій былъ основателемъ Успенской пустыни на рѣкѣ Рузѣ, въ Волоколамскомъ уѣздѣ. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ Успенской церкви, нынѣ приходской.

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина

жетъ, въ этой скудельницѣ, попавъ туда только отъ того, что не хотѣли они быть извѣстными міру, ни при жизни, ни по смерти»! Эта мысль особенно часто стала посѣщать его послѣ того, какъ одинъ странный человѣкъ, несказавшій о себѣ, кто онъ, но часто находившій у Даніила въ келліи покой себѣ, зимнею ночью найденъ былъ имъ уже умершимъ и былъ похороненъ въ скудельницѣ. По временамъ преп. Даніилъ видѣлъ на скудельницѣ огонь и до слуха его оттуда доносилось пѣніе. Въ блаж. подвижникѣ родилась мысль построить храмъ въ божедомьѣ и Богу угодно было желаніе смиреннаго раба Его. Бояре Челяднины, избавленные молитвами преп. Даніила отъ княжеской опалы, представили его лично великому князю Василію Ивановичу, выпросили ему дозволеніе имѣть въ своемъ распоряженіи все божедомье и построить тамъ храмъ. Тогда же стали поступать приношенія для построенія храма и появились желающіе поселиться при немъ, такъ что на божедомьѣ неожиданно составилась обитель иноческая. Новые подвижники стали жить подъ руководствомъ преп. Даніила. Онъ обнесъ божедомье оградою, далъ правила монашескаго житія и каждый день ходилъ изъ Горицъ совершать службу въ божедомскомъ храмѣ. В. к. Василій, уважавшій преп. Даніила, воспріемника отъ св. купели сына его Іоанна, посѣтивъ бѣдную обитель, назначилъ для нея ежегодный отпускъ хлѣба.

Между тѣмъ иноки Горицкіе упросили преп. Даніила быть архимандритомъ ихъ обители. «Если настояли вы на томъ, чтобы былъ я вашимъ настоятелемъ, говорилъ Даніилъ братіи, то должны слушаться меня.» Желаемъ повиноваться, отвѣчали иноки. «У васъ есть обычай, говорилъ настоятель, ходить изъ монастыря на торгъ, безъ благословенія настоятеля; хóдите въ мірскіе домы и тамъ пируете и почуете по нѣскольку сутокъ. Прошу васъ впередъ не дѣлать такъ.» Ино-

ки обѣщались исполнять волю настоятеля. «Вы ходите въ бани, продолжалъ настоятель, и тамъ бываете вмѣстѣ съ мірскими людьми. Этому не должно быть». Согласились и на то иноки. Преп. Даніилъ продолжалъ: «Въ праздники, имянины, въ поминовеніе родныхъ, созываете вы къ себѣ родныхъ, друзей, знакомыхъ съ женами и дѣтьми и они гостятъ у васъ по нѣскольку дней и ночей. Впередъ не только не должно быть пировъ, не только не долженъ никто изъ женскаго пола ночевать въ келліяхъ вашихъ, но женщинъ никогда не должны вы принимать въ келліи». Тяжело было на это согласиться монахамъ, но согласились. «Кельи у васъ очень высоки, съ высокими крыльцами, какъ у вельможъ, сказалъ еще преподобный, это не прилично монашескому смиренію». Братіямъ непріятно было это замѣчаніе, но прекословить не могли. Впрочемъ не прошло и года, какъ преп. Даніилъ отказался отъ настоятельства Горицкаго и перешелъ жить въ новую свою обитель на божедомьѣ, гдѣ въ 1530 г. построилъ каменный храмъ св. Троицы, иждивеніемъ в. к. Василія.

Во время голода, обитель Даніила, гдѣ было уже до 70 братій, питала страдавшихъ отъ голода. Разъ сказали преподобному, что муки такъ мало осталось, что не станетъ для братіи на недѣлю. Даніилъ пошелъ посмотрѣть и въ тоже время подходитъ вдова, съ дѣтьми, изнуренная голодомъ, и проситъ помощи. Онъ далъ ей муки и приказалъ отпускать оставшуюся муку всѣмъ нуждающимся по ихъ просьбѣ. Въ продолженіи 8 мѣсяцевъ въ обители Даніила доставало для всѣхъ хлѣба. И послѣ голоднаго времени, многіе, зная любовь св. старца къ несчастнымъ, бросали у воротъ монастыря больныхъ, увѣчныхъ и неимѣвшихъ чѣмъ кормиться. Угодникъ Божій съ радостію принималъ ихъ въ монастырь, лечилъ и кормилъ, одѣвалъ и покоплъ. Будучи образцемъ

христіанской любви къ ближнимъ, онъ до гроба былъ и образцемъ смиреннаго подвижничества. Онъ воспиталъ и въ ученикахъ своихъ любовь къ подвигамъ. Инокъ Нилъ, родомъ нѣмецъ, постриженный преп. Даніиломъ, соблюдалъ такой постъ, что довольствовался только хлѣбомъ и водою и то въ мѣру.

Предъ концемъ земной жизни своей, богопосный старецъ посѣтилъ крестника своего в. к. Іоанна Васильевича и сообщилъ ему, что Переяславскіе храмы св Предтечи и св. Николая, стоящіе у городскихъ воротъ, очень обветшали, такъ что необходимо построить новые; при этомъ преп. Даніилъ сказалъ, что у ветхаго храма св. Николая въ землѣ лежатъ мощи св. князя Андрея Смоленскаго, которому въ прежнія времена, какъ онъ твердо помнитъ и знаетъ, была служба съ стихирами и канономъ и ликъ его писался на иконахъ; почему нынѣ не отправляется пѣніе, не извѣстно. Объ этомъ же доложилъ онъ и святителю Іоасафу. В. князь и митрополитъ приказали построить новые храмы и вмѣстѣ дозволили преп. Даніилу вмѣстѣ съ мѣстнымъ духовенствомъ осмотрѣть гробъ св. князя Андрея. Послѣ молебна разобрали надгробный памятникъ, начали копать могилу, открыли гробъ и въ немъ мощи, обвернутыя берестою, мощи нетлѣнныя и издававшія благоуханіе: волосы русые и долгіе, одежда цѣлая съ мѣдными пуговицами, загнутая на сторону. Крупицы бересты, осыпавшіяся при отгребаніи земли, съ вѣрою брали недужные и исцѣлялись. Преп. Даніилъ послалъ священника Константина извѣстить о томъ митрополита и великаго князя. Изъ Москвы присланы Чудовскій архимандритъ Іона, (въ послѣдствіи Суздальскій епископъ) и Успенскій протопопъ Гурій, для повѣрки донесенія и перенесенія мощей въ храмъ. Они вздумали спросить св. старца: съ чьего дозволенія рѣшился

отыскивать мощи и объявили, будто бы «владыка митрополитъ ничего не знаетъ о томъ и ничего не приказывалъ.» Старецъ заплакалъ и сказалъ: «не будемъ искушать Духа Святаго, дѣйствующаго въ чудныхъ рабахъ Своихъ. Не говорите также, будто ничего не извѣстно великому отцу нашему и святителю. Богъ мнѣ свидѣтель, что извѣщалъ я его самъ и не только его, но и благочестиваго самодержца, и по ихъ волѣ осмѣлился я недостойный открыть святыя мощи.»

Даніилъ сказалъ потомъ, что противодѣйствующіе св. дѣлу будутъ наказаны [т]; митрополитъ лишится престола, архимандритъ и протоіерей жестоко пострадаютъ. Это слово сперва смутило слѣдователей [у], но потомъ они приняли его за плодъ дряхлой старости. Впрочемъ очевидность дѣла вы-

---

(т) Предсказаніе прозорливаго старца сбылось: архимандритъ претерпѣлъ тяжкія скорби и истязанія, протопресвитеръ лишился любимаго сына, а митрополитъ — первосвятительскаго престола.

(у) Кто былъ св. князь Андрей и когда жилъ? По повѣствованію о немъ, послѣ смерти его нашли записку: «азъ есмь Андрей, единъ отъ Смоленскихъ князей», нашли также золотую цѣпь и перстень, которыя потомъ взялъ себѣ царь Іоаннъ Васильевичъ и за то далъ ругу для церкви святит. Николая. По преданію, князь удалился изъ родной стороны по крамоламъ; въ Переславлѣ жилъ онъ, какъ никѣмъ незнаемый бѣднякъ, и исправлялъ должности пономаря при церкви св. Николая; терпѣлъ всякую нужду, но былъ усерднымъ молитвенникомъ храма, велъ жизнь чистую и строгую. Такъ провелъ онъ 30 лѣтъ! Таковы данныя о жизни того, кто не хотѣлъ быть знаемымъ во время земной жизни своей! По догадкѣ преосв. Филарета Черниговскаго, онъ былъ сынъ князя Ѳеодора Ѳоминскаго слѣпаго, и скончался около 1390 году (Русск. Святые. Октябрь стр. 90). Позднѣе при этой церкви былъ монастырь Князь-Андреевскій; теперь—она приходская. Здѣсь почиваютъ подъ спудомъ мощи св. князя Андрея, Переславскаго чудотворца.

нудила кончить неумѣстный споръ. Мощи блаженнаго князя положили въ новый гробъ и совершили службу.

Преп. Даніилъ преставился 7 апрѣля 1540 года, достигнувъ почти 90-лѣтней старости (Ф).

Въ томъ же Переславлѣ-Залѣсскомъ, гдѣ подвизался преп. Даніилъ, родился другой подвижникъ — преп. Герасимъ Болдинскій, въ мірѣ Григорій. Еще въ юныхъ лѣтахъ онъ усердно ходилъ въ храмъ Божій; святая жизнь преп. Даніила особенно увлекала его душу за собою и на 13 году онъ уже со слезами просилъ св. старца принять его къ себѣ. Даніилъ принялъ отрока къ себѣ послушникомъ; это было еще тогда, когда старецъ жилъ въ Горицкомъ монастырѣ. Герасимъ былъ «кожешвецъ» (сапожникъ), и по волѣ старца усердно служилъ ремесломъ своимъ бѣдной братіи божедомья. На время оставлялъ онъ старца, чтобы слушать наставленія другихъ подвижниковъ и по ихъ совѣту, возвратясь къ Даніилу, принялъ постриженіе отъ рукъ его. Это было тогда, какъ Даніилъ началъ жить въ Троицкой обители. Новоначальный инокъ Герасимъ ревностно совершалъ подвиги поста и молитвы; принималъ пищу черезъ день и черезъ два, постоянно выполнялъ келейное правило, а иногда всю ночь стоялъ на молитвѣ. Преп. старцу усердно служилъ онъ въ заботахъ его о новой обители, особенно при построеніи храмовъ и келлій. Чистою и подвижническою жизнію Герасимъ снискалъ себѣ общее уваженіе не только въ обители, но и за оградою ея; онъ сталъ извѣстенъ и

(Ф) Мощи преп. Даніила обрѣтены и освидѣтельствованы 30 декабря 1653 года. Онѣ почиваютъ открыто въ сооруженномъ имъ соборномъ Троицкомъ храмѣ обители его, на сѣверной сторонѣ, подъ аркою, соединяющей соборъ съ предѣльною церковью преп. Даніила. Великолѣпная рака устроена въ 1816 году.

въ Москвѣ. Эта слава тяготила его; онъ желалъ безмолвнаго уединенія. Проживъ до 26 л. подъ руководствомъ преп. Даніила, онъ вышелъ изъ обители его съ желаніемъ работать Господу въ уединеніи.

Въ 1528 г. поселился Григорій въ Дорогобужскомъ округѣ, въ такомъ дикомъ лѣсномъ мѣстѣ, что кромѣ змѣй и дикихъ звѣрей, никого тамъ не жило; по временамъ же скрывались тамъ разбойники, такъ какъ не вдали проходила большая дорога, на которой они занимались своимъ промысломъ. Блаж. Герасимъ поставилъ себѣ хижину и въ ней сталъ подвизаться; разбойники не разъ били его, стараясь прогнать изъ своего сосѣдства; пустынникъ терпѣлъ и молился. Въ хижинѣ своей онъ жилъ, какъ птица, безъ печалей и заботъ житейскихъ, храпимый и питаемый Господомъ, Въ послѣдствіи явился у него сторожъ — воронъ; если недобрый человѣкъ подходилъ къ хижинѣ: воронъ поднималъ крикъ и летая билъ крыльями по лицу нежеланнаго посѣтителя; тоже было съ хищнымъ звѣремъ: тому клевалъ онъ въ глаза, пока не заставлялъ обратиться въ бѣгство. По особенному видѣнію перешелъ Герасимъ на Болдину гору, гдѣ надъ потокомъ Болдинымъ стоялъ огромный дубъ. Отсюда хотѣли прогнать его поселяне и отвели въ Дорогобужъ къ намѣстнику, который велѣлъ посадить подвижника въ тюрьму, какъ бродягу. Но здѣсь внезапно явилась помощь: входитъ къ намѣстнику царскій посланный изъ Москвы. Увидавъ преп. Герасима, котораго видалъ вмѣстѣ съ преп. Даніиломъ у царя, онъ съ глубокимъ уваженіемъ поклонился ему и просилъ благословенія. Намѣстникъ испугался и съ честію отпустилъ подвижника. Съ того времени имя св. старца стало въ уваженіи и въ пустыню его начали приходить ревнители благочестія. Спе-

рва построена была молитвенная храмина для общихъ молитвъ и поставлена хижина. Потомъ преп. Герасимъ отправился въ Москву и тамъ получилъ позволеніе на построеніе обители. Мало-по-малу построены были храмъ св. Троицы и келліи для братій съ трапезою. Преп. Герасимъ самъ трудился при постройкахъ, трудился потомъ и для общежитія вмѣстѣ съ другими. Мололъ жерновомъ рожъ, даже и за другихъ, пекъ хлѣбы, рубилъ и носилъ дрова, мылъ для братіи свитки, прислуживалъ больнымъ. Спалъ онъ мало и никогда лежа. Пища его была хлѣбъ съ водою.

Кромѣ Болдина монастыря преп. Герасимъ построилъ еще Предтечевъ монастырь въ Вязьмѣ; потомъ въ Брынскомъ лѣсу на рѣкѣ Жиздри основалъ обитель Введенія во храмъ Богоматери. Въ Болдиной обители подъ конецъ жизни преподобнаго было до 140 братій. Онъ бдительно велъ всѣхъ ихъ по путямъ спасенія. Подъ его руководствомъ воспитались строгіе подвижники благочестія — блаж. Аркадій, послѣ наставника своего скончавшійся въ затворѣ и блаж. Антоній, почившій Вологодскимъ епископомъ (въ 1588) и донынѣ мѣстно чтимый Вологжанами. Послѣ многолѣтнихъ подвиговъ, преп. Герасимъ преставился 1 мая 1554 года (x).

Другой ревностный труженикъ, постриженникъ лавры Сергіевой, и въ послѣдствіи одинъ изъ достойныхъ преемниковъ великаго чудотворца Сергія, — преподобный Арсеній происходилъ изъ дворянскаго рода Сухорусовыхъ. При томъ богатствѣ доходовъ, какіе тогда имѣла обитель Сергіева, преп. Арсеній не измѣнялся въ любви своей къ нищетѣ и посту. Однажды в. к. Василій пришелъ на бо-

---

(x) Мощи преп. Герасима почиваютъ подъ спудомъ въ соборной церкви Троицкаго Болдина монастыря, въ 15 верст. отъ г. Дорогобужа.

гомолье въ обитель Сергія и на игуменѣ богатой лавры увидѣлъ одежду раздранную и ушитую заплатами. На вопросъ изумленнаго в. князя братія отвѣчали: «игуменъ нашъ истинный рабъ Божій и живетъ въ Богѣ; но онъ думаетъ только о томъ, какъ бы оставить насъ и удалиться въ безмолвную пустыню.» И дѣйствительно, въ 1527 году любитель безмолвія оставилъ игуменство и удалился въ необъятный Комельскій лѣсъ, гдѣ прежде его уединялись многіе отшельники, избралъ себѣ самое глухое мѣсто, на берегахъ рѣчекъ Кохтыжа и Лежи, водрузилъ крестъ, поставилъ келью и сталъ подвизаться въ безмолвномъ уединеніи. Мѣсто это, въ 36 верстахъ отъ Вологды, еще и нынѣ окружено трясинами и болотами. Крестьяне ходившіе сюда то для рубки лѣса, то для звѣриной ловли, сочли помѣхою себѣ келью Арсенія и раззорили ее. Давая мѣсто гнѣву, пустынникъ ушелъ въ Шилегонскій лѣсъ, на рѣчку Ингарь или Маслянку, и здѣсь сталъ подвизаться. Къ нему стали приходить ревнители пустынной жизни и сверхъ того многіе жители страны Вологодской, гонимые нашествіемъ татаръ, толпами бѣжали въ Шилегонскій лѣсъ. Такъ безмолвіе пустынниковъ нарушено было поселившимися близь пустыни изгнанниками.

Любитель безмолвія, поручивъ не безмолвную «Арсеніеву пустынь» одному изъ учениковъ своихъ, рѣшился водвориться опять въ Комельскомъ лѣсу: онъ поселился съ ученикомъ своимъ Герасимомъ тамъ, гдѣ прежде водрузилъ крестъ свой и сталъ расчищать лѣсъ. Его стали тревожить не люди [ц], а звѣри; но молитвою своею онъ смирилъ ихъ

(ц) Отъ злыхъ людей отшельникъ былъ огражденъ грамотою в. к. Василія Іоанновича. Этою грамотою строго запрещалось всѣмъ «около пустыни старца Арсенія Сухорусова, въ Комель-

и медвѣди уступили ему свои берлоги. Когда собралось къ нему нѣсколько учениковъ: онъ поставилъ храмъ въ честь положенія ризы Богоматери во Влахернѣ. Иногда посѣщалъ онъ и Шилегонскую пустынь. На пути изъ одной пустыни въ другую онъ имѣлъ обычай бесѣдовать о спасеніи души съ встрѣчавшимися съ нимъ; останавливаясь въ селеніяхъ, назидалъ простыхъ людей словомъ спасительнымъ. Если замѣчалъ, что кто нибудь въ полѣ трудится въ праздникъ, или въ день воскресный: то строго обличалъ за то. Разъ поселяне ослушались его, — не перестали работать въ праздникъ и внезапно поднявшійся вѣтеръ разметалъ снопы ихъ. Проведя долгую иноческую жизнь, въ постѣ, молитвѣ и непрестанныхъ трудахъ, старецъ предъ кончиною пріобщился св. Таинъ и мирно предалъ духъ свой Господу, 24 августа 1550 г. (ч).

На другомъ краю Русскаго сѣвера, въ странѣ Олонецкой, подвизался одинъ изъ достойныхъ учениковъ преп. Алек-

---

скомъ лѣсу на р.Кохтыжѣ,» рубить дрова, ставить новое поселеніе, гоняться за звѣрями и обращать въ свое владѣніе землю или лѣсъ.

(ч) Тѣло подвижника Божія положено было близъ алтаря построеннаго имъ храма. Въ послѣдствіи мощи его ознаменовались многими исцѣленіями. Спустя сто лѣтъ, послѣ его кончины, сооруженъ былъ въ обители каменный храмъ съ придѣломъ въ честь преп. Арсенія, гдѣ подъ спудомъ почиваютъ мощи его. Тамже сохраняется евангеліе, писанное имъ въ 1506 году, еще въ Лаврѣ Сергіевой, съ надписью: «писалъ многогрѣшный чернецъ Арсеньишко Сухарусовъ.» Въ послѣсловіи этого евангелія сказано: «Аще будетъ, по грѣхомъ, опись, въ вѣденіи или невѣденіи: исправите Бога ради, зане многи пословицы приходили новгородскіе, азъ окаянный скудень умомъ, разсудити на се грубъ и невѣгласъ, тѣсенъ разумомъ.» Монастырь Арсеніевъ существуетъ, но другая, Шилегонская его пустынь, бывшая въ 40 верст. отъ Вологды, упразднена, церковь же ея обращена въ приходскую села, донынѣ называемаго Арсеньевымъ.

сандра Свирскаго [ш]: въ 9 верстахъ отъ мѣста подвиговъ преп. Александра, жилъ въ своей отчинѣ дворянинъ Андрей Завалишинъ, охотникъ до звѣриной ловли. Однажды въ самомъ разгарѣ охоты, Андрей увидѣлъ оленя и бросился догонять его; охотникъ мчался съ такою быстротою, что далеко оставилъ за собою товарищей охоты, и все таки олень изчезъ изъ глазъ его. Вдругъ Завалишинъ увидѣлъ предъ собою хижину и слѣды пустынника, въ такомъ дикомъ мѣстѣ, гдѣ, казалось, никогда не ступала нога человѣческая. Онъ постучался у хижины и предъ нимъ явился труженикъ, изнуренный постомъ и подвигами, въ ветхой одеждѣ. Повѣсть подвижника о дикой своей жизни произвела на Андрея глубокое впечатлѣніе. Это было въ 1493 году. Завалишинъ послѣ того часто приходилъ къ пр. Александру (это былъ онъ) слушать наставленія его и доставлялъ хлѣбъ сподвижникамъ его. Изъ бесѣды съ отшельникомъ познавъ сладость пустынной жизни, Завалишинъ рѣшился слѣдовать примѣру жизни его, оставилъ богатое имѣніе свое и удалился въ Валаамскую пустынь; здѣсь принялъ онъ иночество съ именемъ Адріана и провелъ нѣсколько лѣтъ въ подвигахъ общежитія. Потомъ по благословенію преп. Александра избралъ, для пребыванія своего, уединенное мѣсто на полуостровѣ, на берегу Ладожскаго озера. Къ нему собрались ученики и послѣдователи. Въ пустынѣ построенъ былъ храмъ въ честь святителя Николая. Однажды Адріанъ, вблизи своей обители встрѣтился съ такими людьми, которые грозили не только существованію обители, но и жизни пустынниковъ. Въ дремучемъ лѣсу острова Сала, напротивъ Адріановой пус-

ш) Житіе преп. Александра Свирскаго помѣщено въ XX й главѣ нашихъ «Расказовъ» (Душеп. Чтеніе 1867). Здѣсь упомянуто и о преп. Важеозерскихъ.

тыни укрывался недобрый человѣкъ, Ондрусъ, съ шайкою подобныхъ себѣ, жившій на счетъ пловцовъ Ладожскаго озера. Близкое сосѣдство пустынника, начавшаго собирать къ себѣ другихъ, тревожило атамана разбойниковъ: онъ объявилъ, чтобы пустынники удалились отъ острова, иначе будетъ имъ худо. Скорбно было Адріану разстаться съ пустыннымъ мѣстомъ, особенно потому, что великій наставникъ его благословилъ ему здѣсь жить. Онъ умолялъ разбойника предоставить это мѣсто мирнымъ труженикамъ; не имѣя у себя денегъ, чтобы предложить выкупъ за мѣсто, Адріанъ обѣщалъ атаману ходатайствовать за него предъ Богомъ — и совѣтовалъ ему разстаться съ худымъ промысломъ. Разбойникъ смѣялся надъ словами пустынника. Долго упрашивалъ Адріанъ разбойника съ горькими слезами; наконецъ атаманъ смягчился и сказалъ: живите. На каменистомъ мысу Ладожскаго озера, называющемся понынѣ Сторожевскимъ, тогда же жилъ другой разбойникъ съ шайкою и сторожилъ пловцовъ. Завидуя счастію Адріанова сосѣда, онъ старался захватить и истребить его. Случилось, что оба атамана, разъѣзжая по озеру съ шайками для промысла, встрѣтились и между ними завязалась битва. Жильцы Сала были побѣждены и скованный предводитель ихъ брошенъ въ лодку врага своего. Несчастный зналъ, что ожидаетъ его мучительная смерть; онъ вспомнилъ совѣты пустынника; горькое раскаяніе проникло въ душу его и — вотъ онъ видитъ предъ собою преп. Адріана. «По милосердію Господа, для котораго просилъ я у тебя пощады пустынному братству, ты свободенъ», сказалъ явившійся и исчезъ; атаманъ увидалъ себя безъ оковъ, на берегу, и никого подлѣ себя. Пораженный до глубины души, пришелъ онъ въ обитель и нашелъ Адріана и сподвижниковъ

его на псалмопѣніи. Атаманъ палъ къ ногамъ настоятеля и просилъ научить его путямъ спасенія. Оставленный въ обители, онъ здѣсь и кончилъ жизнь свою, въ тихомъ покаяніи. И соперникъ его по ремеслу, молитвами старца Адріана, наконецъ пришелъ въ себя. Почувствовавъ пагубу своей жизни, онъ на мѣстѣ разбойничьяго притона основалъ обитель молитвы и подвизался въ ней съ именемъ инока Кипріана. Новою жизнію своею, благотворительною для многихъ, бл. Кипріанъ не только привелъ въ забвеніе у современниковъ прежнія недобрыя дѣла свои, но пользовался уваженіемъ ихъ; а Господь, благій и милостивый, за подвиги истиннаго самоотреченія, прославилъ почившаго подвижника чудесами. Такъ благотворна была жизнь преп. Адріана для глухаго края. Основатель Адріановой Ондрусовой пустыни столько извѣстенъ былъ по святости жизни, что онъ и преп. Григорій Нельшемскій приглашены были царемъ Іоанномъ въ Москву, для принятія отъ св. крещенія дочери царской Анны. Это было въ августѣ 1549 года. Когда св. старецъ возвращался изъ Москвы въ свою обитель и уже недалеко былъ отъ нея, близъ селенія Обжи злые люди напали на него и убили; злодѣи надѣялись найдти у него деньги и не нашли ничего. Братія долго ждали своего настоятеля и уже не знали, послѣ долгаго ожиданія, что о немъ думать. Спустя два года въ одну ночь, въ сонномъ видѣніи, является преп. Адріанъ одному изъ старцевъ Ондрусовой пустыни: разсказываетъ ему о страдальческой кончинѣ своей, указываетъ мѣсто, гдѣ злодѣи скрыли тѣло его и повелѣваетъ перенести его въ обитель. На другой день, 17 мая иноки обрѣли въ болотѣ нетлѣнное тѣло страстотерпца и предали землѣ подлѣ стѣны церкви св. Николая. Такъ вся жизнь преп. Адріана

была преимущественно борьбою противъ злыхъ людей и Господь увѣнчалъ его вѣнцемъ мученика [щ].

Еще два ученика того же великаго наставника пустынножителей, преп. Александра, Геннадій и Никифоръ подвизались на Важеозерѣ. Первый изъ нихъ, наслѣдникъ богатаго достоянія, раздавъ все нищимъ, отправился къ преп. Александру, который тогда жилъ одинъ на Свирѣ: не хотѣлось дивному отшельнику нарушить своего уединенія принятіемъ кого-либо въ свою келью; но усердныя мольбы Геннадія заставили его разстаться съ любимымъ уединеніемъ, — Геннадій остался ученикомъ и сподвижникомъ Александра. Спустя нѣсколько лѣтъ, преп. Александръ благословилъ Геннадія искать себѣ уединенія въ другомъ мѣстѣ. Геннадій поставилъ себѣ келью на Важеозерѣ и здѣсь подвизался отшельнически; въ послѣдствіи дозволилъ онъ двумъ, тремъ ученикамъ поставить хижины подлѣ своей кельи, для безмолвной молитвы. Предъ кончиною своею, авва сказалъ ученикамъ: «на этомъ мѣстѣ будетъ храмъ и киновія.»

Блаж. Никифоръ пришелъ къ преп. Александру инокомъ и въ веригахъ, когда уже основанъ былъ монастырь Свирскій; отецъ пустынножителей принялъ Никифора и потомъ съ утѣшеніемъ смотрѣлъ на его подвиги въ общежитіи. Въ 1518 г. онъ просилъ у великаго аввы благословенія поклониться Печерскимъ угодникамъ Божіимъ. «Иди напередъ повидайся съ рабомъ Божіимъ Кирилломъ Новоезерскимъ,» отвѣчалъ авва. Послушный ученикъ исполнилъ волю своего старца. Ког-

---

(щ) Императоръ Александръ I, осматривая въ 1819 году Олонецкую губернію, пожелалъ поклониться преподобномученику Адріану, взялъ въ проводники крестьянина и безъ свиты отправился къ гробу пустынника. Здѣсь долго молился онъ со слезами и потомъ прислалъ сосуды и книги для храма. Въ 1828 г. мощи преп. Адріана перенесены въ новый каменный храмъ.

да прибылъ онъ на берегъ Новоозера: то, утомленный трудомъ, заснулъ. Кириллъ, окончивъ вечернее правило поспѣшилъ переплыть на лодкѣ озеро и разбудилъ странника. Изумленный путникъ просплъ благословенія. Кирпллъ, поклонившись ему, сказалъ: «ты благослови меня,—ты посланъ препод. игуменомъ и духовнымъ братомъ Александромъ посѣтить меня грѣшнаго». Никифоръ понялъ, кто говоритъ съ нимъ. Восемь дней послѣ того пробылъ Никифоръ у препод. Кирилла, наслаждаясь духовными бесѣдами его. Съ восторгомъ радости возвратился онъ къ своему аввѣ и пересказалъ, что̀ видѣлъ и слышалъ у преп. Кирилла. «Теперь можешь идти въ Кіевъ, по твоему желанію», сказалъ Александръ. Окончивъ благочестивое странствованіе свое до Кіева, преп. Никифоръ по благословенію аввы, поселился на Важеозерѣ, тамъ, гдѣ прежде его подвизался преп. Геннадій, вблизи с. Сермакса, гдѣ жили и почили родители преп. Александра. Мало-по-малу онъ собралъ къ себѣ любителей пустынной жизни, построилъ храмъ въ честь Преображенія Господня и завелъ общежитіе. Здѣсь подвизался онъ до кончины своей, послѣдовавшей 9 февраля 1550 года [ъ].

Еще далѣе, на тундрахъ Сѣвера, просіялъ святостію жизни преп. Антоній Сійскій. Сынъ богатыхъ и благочестивыхъ земледѣльцевъ Двинской волости, Андрей (мірское имя Антонія), научившись грамотѣ и иконописанію, не имѣлъ охоты къ трудамъ земледѣльческимъ; любимымъ занятіемъ его были иконописаніе и молитва. По смерти родителей отправился онъ въ Новгородъ и тамъ пять лѣтъ служилъ у одного боярина:

(ъ) Мощи преп. Геннадія и Никифора почиваютъ подъ спудомъ въ пещерѣ, близь церкви бывшаго ихъ монастыря, нынѣ приписной къ Свирской обители, по упраздненіи Задне-Никифоровской пустыни въ 1764 году. Надъ гробницами ихъ поставлена часовня.

по совѣту его вступилъ въ бракъ; но чрезъ годъ жена умерла и онъ рѣшился разстаться съ суетою міра. Возвратясь въ домъ свой, онъ раздалъ свою часть нищимъ и въ одной одеждѣ отправился въ Пахоміеву пустынь на р. Кѣпу. На дорогѣ заснувъ, видѣлъ онъ во снѣ: мужъ благолѣпный, съ крестомъ въ рукѣ, говорилъ ему: «возьми крестъ свой и не бойся вступить въ подвигъ», и осѣнилъ его крестомъ. Проспувшись, провелъ онъ остальную ночь въ молитвѣ. Блаж. Пахомій (ы), облекши его въ иноческую одежду, держалъ его въ своей кельѣ. Это было въ 1508 году. Антоній прежде всѣхъ являлся въ храмъ на молитву; трудился въ поварнѣ, нося воду и готовя дрова; пищу принималъ чрезъ день и то не до сытости; память о смерти и судѣ постоянно хранилъ въ сердцѣ. Удостоенный іерейства, одинъ совершалъ онъ служеніе въ храмѣ, — другаго іеромонаха не было, — и вмѣстѣ съ тѣмъ ходилъ на работы наравнѣ съ прочими; здоровье его было такъ крѣпко, что могъ онъ трудиться за двухъ.

По любви къ пустынному уединенію, съ благословенія игумена, оставилъ онъ Пахоміеву пустынь и съ двумя братьями Александромъ и Іоакимомъ отправился на рѣку Шелексну; здѣсь избрано мѣсто для пустынной жизни, поставленъ небольшой храмъ св. Николая и нѣсколько келлій. Тамъ подвижники прожили семь лѣтъ; потомъ, тѣснимые сосѣдними жителями, ушли еще далѣе на сѣверъ.

Въ глухомъ сѣверѣ звѣроловъ показалъ пустынникамъ мѣсто удобное для пустынной жизни, Михайловъ островъ, окру-

---

(ы) Блаж. Пахомій былъ основателемъ Кянской или Кѣнской пустыни въ Онежскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Кѣнѣ. Въ церкви этой пустыни, давно уже упраздненной, почиваютъ подъ спудомъ мощи его. Въ рукописныхъ святцахъ помѣщено имя его въ числѣ святыхъ, но время кончины не показано. По житію преп. Антонія можно полагать, что Пахомій скончался около 1520 года.

женный глубокими озерами и омываемый съ одной стороны рѣкою Сіею. Мѣсто было совершенно дикое — тундра и лѣсъ, озера и чащи «непролазныя»; оленей, лисицъ, медвѣдей, волковъ — множество и только по временамъ звѣроловы заходили сюда, гоняясь за звѣремъ, но еще не обиталъ здѣсь человѣкъ. Антоній поставилъ тутъ часовню и для себя съ братіею хижину. Это было въ 1520 г., на 42 году жизни Антоніевой. Три года проведено здѣсь въ крайней скудости и въ тяжеломъ трудѣ! Антоній очищалъ лѣсъ и копалъ землю, чтобы сдѣлать мѣсто сноснымъ для житья; братія начинали роптать на скудость; но неожиданно неизвѣстный христолюбецъ доставилъ имъ хлѣбъ, муку, масло и сверхъ того деньги на построеніе обители. Сборщикъ доходовъ Новгородскаго архіепископа Василій Бебрь, въ увѣренности, что у Антонія много денегъ, вздумалъ добыть богатый доходъ для себя; онъ послалъ извѣстныхъ ему людей ограбить пустынниковъ; но послѣ самъ же съ раскаяніемъ говорилъ Антонію, что хищникамъ представилось, будто обитель окружена стражею. — Съ того времени начали посѣщать пустынь Антонія богомольцы и доставлять ему средства къ жизни.

Когда число учениковъ умножилось: двое старшихъ изъ числа братіи Александръ и Исаія отправились въ Москву испросить у в. к. Василія дозволеніе занять дикое мѣсто пустынною обителью и получена грамата; тогда построили обширный деревянный храмъ св. Троицы. Мѣстный храмовый образъ написанъ былъ самимъ Антоніемъ и съ молебнымъ пѣніемъ поставленъ въ иконостасѣ. Однажды послѣ утренняго пѣнія оставили въ храмѣ не загашенную свѣчу; храмъ объятъ былъ пламенемъ, когда вся братія была на работѣ съ Антоніемъ; весь храмъ и вся утварь сгорѣли; осталась только Антоніева икона св. Троицы. Построенъ новый храмъ и другой теплый при трапезѣ. По общей

просьбѣ братіи, Антоній принялъ званіе игумена: но продолжалъ быть примѣромъ любви къ труду; онъ каждый день былъ въ храмѣ при каждомъ богослуженіи и потомъ въ худой одеждѣ то чистилъ онъ лѣсъ, то трудился на пашнѣ, то занимался иконною работою. Праздности не любилъ ни въ себѣ, ни въ другихъ; о больныхъ заботился съ отеческою любовію; пища и одежда была у него для всѣхъ одинаковая; нетрезвость считалъ тяжкимъ грѣхомъ. Старецъ внушалъ братіи никогда не увлекаться гнѣвомъ, жить въ кротости, терпѣніи и любви. Отъ иконы св. Троицы еще при жизни преп. Антонія получались исцѣленія.

Предъ кончиною своею, по просьбѣ учениковъ, оставилъ онъ духовную грамату. «Братія и отцы! писалъ онъ, видите, постигла меня грѣшнаго старость, — часто подвергаюсь болѣзни, которою и теперь отягченъ. Всѣ болѣзни мои говорятъ мнѣ объ одномъ — о смерти и о страшномъ судѣ. Сердце мое смущено отъ грознаго исхода и страхъ смерти напалъ на меня. — Вы любовію своею понуждаете меня грѣшнаго написать, какъ вамъ жить послѣ моей смерти. Господь Богъ видитъ мои беззаконія и въ вашихъ глазахъ мои грѣхи. Вы видѣли, — не былъ я примѣромъ ни одной добродѣтели. Вы называли меня грѣшнаго отцемъ своимъ, пастыремъ и учителемъ: но я не пастырь и не учитель. Единъ есть пастырь Христосъ. Неразуміемъ своимъ я грѣшный раззорялъ ваше богоугодное житіе. Но не отчаяваюсь я въ своемъ спасеніи, а надѣюсь на милость Божію и на ваши молитвы. Богъ говоритъ: «не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе.» Святыми молитвами вашими, по слову пророка, возлагаю на Господа печаль мою; пусть творитъ со мною, что Ему угод-

но; Онъ хочетъ, чтобы всѣ спаслись, и пришли въ уразумѣніе истины.»

«Много бы нужно писать вамъ изъ св. писанія. Но вы знаете, что я умѣю граматѣ лишь отчасти; да и боюсь Владыки моего Христа, Который сказалъ, что прежде надобно самому дѣлать и потомъ учить. Такъ, поручаю монастырь свой и васъ Богу и Пречистой Матери Его и преп. Сергію, великому чудотворцу. Назначаю вамъ, по вашей просьбѣ, строителя старца Кирилла; пусть съ нимъ священники соборно рѣшаютъ монастырскія дѣла въ трапезѣ, при всей братіи. Если иные строптивые и своевольные не захотятъ жить по монастырскому чину, не станутъ повиноваться строителю и братіи, выгоняйте ихъ изъ монастыря въ страхъ прочимъ; если же такой возвратится съ раскаяніемъ, то нужно принять его какъ своего, простить и считать не врагомъ, а братомъ... Прежде всего имѣйте страхъ Божій въ душѣ, да вселится въ васъ Духъ святый и научитъ васъ всякой истинѣ. Живите общею жизнію, по духу и тѣлу, въ пищѣ и одеждѣ, по заповѣди св. отецъ. Строитель пусть довольствуется братскою трапезою, не прибавляя себѣ ничего; тоже — въ одеждѣ и обуви, развѣ по особенному усмотрѣнію. Не держите хмѣльнаго въ монастырѣ и не принимайте отъ христолюбивыхъ. Женскій полъ отнюдь не долженъ ночевать въ монастырѣ и міряне не должны ночевать въ кельяхъ вмѣстѣ съ братіями. Пойте и кормите бѣдныхъ до сыта; подавайте милостыню, чтобы не обѣднѣло это святое мѣсто. Здоровые изъ братіи, для своего спасенія, не должны оставаться безъ работъ. Не дозволяйте ставить дворовъ вокругъ монастыря; скотный дворъ пусть стоитъ за озеромъ. Молю васъ, храните это.»

Передавъ управленіе обителію ученику своему Кириллу,

преп. Антоній мирно почилъ на 79 г. жизни своей, 7 декабря 1556 года (ь).

Въ тоже время, на острову другаго озера, подвизался отшельникъ. Урожденецъ Валдайскаго уѣзда, постриженникъ Крыпецкой обители преп. Саввы (близъ Пскова), преп. Нилъ удалился сначала на р. Серемлю (тогда Ржевскаго, нынѣ Осташковскаго уѣзда). Здѣсь поставивъ хижину, довольствовалъ онъ тѣло свое только травами, а духъ насыщалъ молитвою и богомысліемъ. Онъ не давалъ простора желаніямъ плоти и жилъ по духу для Господа, потому и Господь былъ съ нимъ. Разъ хотѣли напасть на него злые люди; онъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу съ иконою Богоматери, а они бѣжали. Къ нему приходили многіе за наставленіями и съ просьбою о молитвѣ; жизнь его была полезна для многихъ. Но онъ считалъ себя неутвердившимся въ добрѣ, а извѣстность имени его опасною для души. Потому сильно желалъ онъ безмолвія. Однажды послѣ молитвы задремалъ онъ и услышалъ голосъ: «Нилъ! иди на озеро Селигеръ, тамъ на островѣ Столбенскомъ можешь спастись». Узнавъ отъ приходившихъ къ нему, гдѣ и каковъ Столбенскій островъ, Нилъ въ радости о готовомъ для него безмолвіи, поспѣшилъ исполнить велѣніе свыше (ѣ).

(ь) Память преп. Антонія установлено праздновать въ 1579 году. Мощи его, прославленныя многими чудотвореніями, почиваютъ подъ спудомъ въ соборномъ храмѣ основаннаго имъ Троицкаго Сійскаго монастыря, въ 92 верст. отъ Холмогоръ, на полуостровѣ Михайловскаго озера, изъ котораго вытекаетъ рѣчка Сія, впадающая въ Двину. Въ обители сохранились донынѣ: чудотворная икона пресв. Троицы, фелонь и посохъ преп. Антонія и писанное имъ евангеліе.

(ѣ) Донынѣ часовня и келья, окруженная группою вѣковыхъ сосенъ, остаются памятникомъ пребыванія преп. Нила на р. Серемлѣ, гдѣ прожилъ онъ 13 лѣтъ.

Столбенскій островъ на островѣ Селигерѣ, заключая въ себѣ около 8 десятинъ пространства, весь покрытъ былъ дремучимъ лѣсомъ. Отъ нынѣшняго города Осташкова, если плыть водою, онъ въ 9 верстахъ Преп. Нилъ радъ былъ такому тихому мѣсту. На первый разъ онъ выкопалъ здѣсь въ горѣ пещеру и прожилъ въ ней зиму (1528 г.). Потомъ поставилъ себѣ небольшую келью и часовню; для овощей воздѣлывалъ онъ землю, а прежде того питался ягодами и травою. Отшельникъ утѣшался тѣмъ, что славилъ Господа вмѣстѣ съ природою, не развлекаясь людьми. — Плоть не докучала ему. Духу была свобода славить Господа своего.

Разъ пришли къ отшельнику охотники до чужаго добра и требовали денегъ. «Чада! сказалъ гостямъ своимъ преп. Нилъ, все сокровище мое — въ углу кельи». Тамъ стояла у него икона Богоматери. Разбойники бросились искать денегъ и ослѣпли. Въ слезахъ раскаянія просили они прощенія себѣ. Нилъ преподалъ имъ наставленіе жить честно, не волноваться завистью слѣпою, помнить волю Божію: въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой; потомъ сжалившись надъ ними, молитвою возвратилъ имъ зрѣніе.

Иные были и добры къ пустыннику. Рыбаки по временамъ присылали ему рыбу. И онъ не оставлялъ ихъ безъ наставленій. Разъ послали они рыбу съ однимъ товарищемъ своимъ: но преп. Нилъ, увидѣвъ его издали, затворилъ окно и тотъ принужденъ былъ воротиться назадъ. «Конечно, братъ, ты совершилъ какой нибудь грѣхъ, почему св. старецъ не принялъ тебя,» сказали ему товарищи. И тотъ сознался въ нечистомъ, плотскомъ грѣхѣ. Они послали другого товарища; отшельникъ принялъ отъ него рыбу и благословилъ его. Св. старецъ охотно преподавалъ наставленія желавшимъ спасенія, при чемъ инымъ говорилъ голосомъ строгости. Одинъ, осквернённый плотскимъ грѣхомъ, безстыдно при-

шелъ къ преподобному: но былъ обличенъ въ грѣхѣ и съ того времени сталъ жить въ страхѣ Божіемъ. Опытнаго въ духовной жизни пустынника посѣщали многіе съ пользою для себя.

Въ послѣднее время свое св. Нилъ жилъ въ пещерѣ, приготовивъ въ ней гробъ и молитвою готовился къ переселенію въ вѣчность. Извѣщенный о близкой кончинѣ, онъ молилъ Господа удостоить его причастія св. Таинъ предъ смертію. Великій подвижникъ, столько возвысившійся въ духовной жизни, считалъ нужнымъ для себя причаститься Тѣла и Крови Христовой! По молитвѣ угодника Божія желаніе его исполнилось. На островъ прибылъ посѣтить отшельника духовный отецъ его Сергій, игуменъ Никольскаго монастыря что на Рожку; блаж. отецъ исповѣдался и причастился св. Таинъ; онъ просилъ игумена и еще посѣтить его. На другой день игуменъ пришелъ съ братіею и уже засталъ преподобнаго почившимъ. Св. старецъ стоялъ, опершись на двухъ костыляхъ: такъ нашли его. Онъ преставился 7 декабря 1554 года послѣ 26 лѣтняго уединеннаго пребыванія на пустынномъ островѣ (э).

Между тѣмъ какъ дивные пустынножители озаряли свѣтомъ богоугодной жизни своей дикія пустыни и дубравы, одинъ великій труженикъ, въ первопрестольной Москвѣ, училъ народъ

(э) Спустя нѣсколько лѣтъ по преставленіи преп. Нила, двое иноковъ, желавшихъ подражать его пустынно-жительству, поселились около запустѣлой его келліи. Въ 1594 году поставлена здѣсь первая деревянная церковь и основана общежительная Нилова пустынь. Мощи преп. Нила обрѣтены 27 мая 1667 года и почиваютъ открыто, въ соборномъ храмѣ обители, въ великолѣпной ракѣ. Здѣсь же находится чудотворная икона Богоматери, называемая Селигерскою, принесенная на островъ преп. Иломъ, и схима, въ которой онъ былъ погребенъ. Въ день обрѣтенія мощей преп. Нила, мощи его обносятся вокругъ обители.

благочестію, посвятивъ себя на многотрудный подвигъ юродства Христа ради. Это былъ блаж. Василій. Въ раннеи молодости оставилъ онъ домъ родительскій (ю), безъ крова и пристанища ходилъ по Москвѣ, едва не нагой; зимою переносилъ такіе морозы, отъ которыхъ трескалась земля, а лѣтомъ терпѣлъ зной на солнцѣ; днемъ скитался по улицамъ, а на ночь ложился на паперти церковной и проводилъ время въ молитвѣ. Ни дружбы, ни знакомства не было у него ни съ кѣмъ, для всѣхъ былъ онъ чужимъ: такъ лишалъ онъ себя всякаго утѣшенія земнаго! Только у одной бѣдной вдовы иногда преклонялъ онъ голову. Умъ блаженнаго Василія постоянно былъ занятъ молитвою и богомысліемъ. Во время малолѣтства царя Іоанна и страшныхъ смутъ боярскихъ, жизнь Василія была укоромъ людямъ развратнымъ, и утѣшала невинно-страдавшихъ отъ произвола дикихъ страстей. Не легко было праведнику смотрѣть на грѣхи людскіе. Любя людей, онъ плакалъ за нихъ и слезами своими велъ ихъ къ покаянію. Такъ въ 1547 году онъ горько плакалъ, молясь предъ монастырскою церковію Воздвиженія креста (я). На слѣдующій день въ Москвѣ былъ страшный пожаръ, начавшійся съ этого самаго храма; оба города, старый и новый, сгорѣли; храмы, дома, дворецъ в. князя изчезли: «мѣдь, какъ вода разливалась», по слову лѣтописца.

Внимательные къ спасенію своему замѣчали, что когда Василій проходилъ мимо дома, въ которомъ безумно веселились, пѣли пѣсни и пьянствовали, онъ со слезами обнималъ углы того дома. Что это значитъ? спрашивали Василія. «Ангелы скорбные, прерывая молчаніе отвѣчалъ онъ, стоятъ у этого дома и сокрушаются о грѣхахъ людскихъ, а я со

(ю) Родиною блаж. Василія было подмосковное село Елохово, взошедшее въ послѣдствіи въ составъ города.

(я) На улицѣ Вздвиженкѣ. Теперь здѣсь приходская церковь.

слезами упрашивалъ ихъ молить Господа объ обращеніи грѣшниковъ». Блаженный возвышался до чудныхъ состояній духовныхъ. Его видѣли ходящимъ по морю, какъ по суху, «видѣли люди невѣрные и дивились; придя въ Россію, говорили они: мы видѣли такого человѣка ходящимъ по морю [о]». Это были персидскіе купцы, спасенные Василіемъ на морѣ во время бури.

Митроп. Макарій, узнавъ о блаженномъ Василіѣ, сообщилъ объ немъ царю и оба славили Бога, воздвигшаго въ ихъ время такого подвижника. Однажды царь Іоаннъ стоялъ въ храмѣ и думалъ, какъ украсить ему свой новый дворецъ на Воробьевыхъ горахъ. Послѣ службы Василій зашелъ изъ храма къ царю. «Гдѣ ты былъ, Василій? Я не видалъ тебя въ храмѣ». «А я видѣлъ тебя, отвѣчалъ Василій, только ты былъ не во храмѣ, а на Воробьевыхъ горахъ. Всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе, поетъ намъ Церковь». Царю вздумалось пригласить юродиваго на свои имянины. Подносили заздравную чашу. Юродивый три раза принималъ ее и выливалъ за окошко. Іоаннъ прогнѣвался, считая дѣйствіе юродиваго за пренебреженіе къ себѣ. «Не кипятись, Иванушка, сказалъ юродивый; надобно было заливать пожаръ въ Новгородѣ и онъ залитъ». Царь не былъ изъ числа довѣрчивыхъ людей; посланъ былъ нарочный въ Новгородъ и оказалось, что блаженный сказалъ правду.

Одинъ богатый вельможа любилъ блаж. Василія и Василій по временамъ бывалъ у него. Разъ Василій пришелъ къ нему въ лютый морозъ. Сострадательный бояринъ сталъ упрашивать его, чтобы по крайней мѣрѣ въ такое время защитилъ тѣло свое отъ мороза теплою одеждой. Хочется тебѣ этого, сказалъ юродивый? «Искреннимъ сердцемъ люблю тебя,

---

(о) Пѣснь 6-я канона на 2 Августа, въ Минеѣ Московской печати 1646 года.

братъ, прими въ знакъ любви моей», говорилъ боярипъ. Блаженный съ улыбкою сказалъ: пусть такъ,— и я люблю тебя. Боярипъ съ радостію надѣлъ на Василія богатую лисью шубу. Блаженный по обычаю побѣжалъ по улицѣ. Не добрые люди, увидавъ юродиваго въ богатой шубѣ, вздумали обманомъ взять ее у него. Одинъ легъ на дорогѣ, притворясь умершимъ; товарищи стали просить Василія подать что-нибудь на погребеніе бѣдняка. Отдавая шубу, Василій сказалъ: «лукавнующіе потребятся». Когда отошелъ онъ, обманщики нашли товарища мертвымъ.

Въ послѣдніе дни свои блаж. труженикъ лежалъ на одрѣ, тяжко больной. Царь и царица Анастасія съ дѣтьми Іоанномъ и Ѳеодоромъ пришли къ нему испросить молитвъ его за нихъ. Блаженный находясь уже при смертп, сказалъ царевичу Ѳеодору: «все достояніе прародителей твоихъ будетъ твоимъ, ты — наслѣдникъ». И вслѣдъ за тѣмъ скончался. Это было 2 августа 1552 года. Изъ 88 лѣтъ жизни своей блаж. Василій провелъ въ подвигахъ юродства 72 года. Царь съ боярами несъ одръ его. Митр. Макарій съ соборомъ духовныхъ совершилъ погребеніе. Тѣло блаженнаго погребено было на кладбищѣ Тропцкой церкви на рву [н].

Исцѣленія отъ мощей блаж. Василія начались съ 1588 г. Изъ множества чудесъ, совершенныхъ Василіемъ въ загробной жизни, замѣтимъ одно, весьма замѣчательное. Черноризецъ Герасимъ двѣнадцать лѣтъ былъ безъ ногъ и питался милостынею у Спаскихъ воротъ. «Сколько лѣтъ ползаешь ты на колѣняхъ?» спросилъ явившійся ему Василій. Двѣнадцать лѣтъ и все, что имѣлъ, роздалъ врачамъ, но безъ пользы,

(н) Мощи блаж. Василія почиваютъ подъ спудомъ въ Покровскомъ соборѣ, воздвигнутомъ царемъ Іоанномъ Грознымъ, въ память покоренія Казани. На гробницѣ его висятъ тяжелыя его вериги.

отвѣчалъ старецъ. «Для чего же ты, сказалъ ему Василій, не вѣришь святымъ, отъ которыхъ можно получать исцѣленіе безъ всякой платы? Вѣруешь ли, что Богъ можетъ исцѣлить тебя?» Вѣрую, Господи, сказалъ бѣднякъ; вѣрую, прибавилъ онъ, что твоими молитвами помилуетъ меня Богъ. «Хорошо, сказалъ явившійся, ступай же къ гробу юродиваго». Герасимъ пошелъ и совершенно выздоровѣлъ.

«Преблаженный Василій! Съ юности заботился ты стать въ день суда безъ страха и боязни, и смѣло отвергнувъ всѣ удовольствія тѣлесныя, послѣдовалъ за Христомъ; собиралъ богатство духовное трудами и терпѣніемъ, съ свѣчею всегда горящею. Какъ истинный и непобѣдимый страдалецъ, явился ты съ чистотою душевною и тѣлесною, для Христа изнуривъ тѣло всякою нуждою. Потому и получилъ отъ Него даръ исцѣленій. И нынѣ, блаженный Василій, моли о насъ, славящихъ твое успеніе [о].

(о) Стихира и тропарь блаж. Василія изъ той же Минеи.

ГЛАВА III.

Вторая половина царствованія Іоанна IV. — Послѣдніе дни св. Германа Казанскаго. — Священномученикъ Филиппъ митрополитъ. — Разгромъ Новгорода; преп. Арсеній затворникъ и прав. Никола Салосъ. — Преподобномученикъ Корнилій Псково-печерскій. — Прославленіе мощей св. Никиты Новгородскаго и чудо въ Царѣ. — Явленіе Богородичной иконы въ Казани. — Заступленіе Богоматери во время достославной осады Пскова. — Антоній Поссевинъ и происки папизма. — Сыноубійство. — Смерть Грознаго царя.

Страшно слѣдить за состояніемъ души человѣческой, когда она, предавшись вполнѣ влеченію страстей и похотей, ничѣмъ несдерживаемыхъ, никогда не укрощаемыхъ, не внимая ни голосу совѣсти, ни прещеніямъ слова Божія, направляется къ погибели путемъ беззаконій! Трудно и медленно поднимается человѣкъ на высоту, по узкому пути добродѣтелей, подъ игомъ Христовымъ и бременемъ креста (хотя — при всесильной помощи Господа-Спасителя — это иго дѣлается благимъ и это бремя легкимъ). Но какъ быстро, безъ усилій и напряженій, подобно безжизненному тѣлу, увлекаемому своею собственною тяжестію, стремятся въ бездну тѣ несчастные, которые пошли широкимъ путемъ пагубы! Поразительный примѣръ такого внезапнаго, бѣдственнаго, приводящаго въ ужасъ паденія представляетъ намъ личность

царя Іоанна Васильевича, котораго наши лѣтописцы прозвали Грознымъ, а современники иностранцы — Мучителемъ.

Іоаннъ родился съ пылкимъ сердцемъ, съ воображеніемъ сильнымъ, съ умомъ еще болѣе острымъ, нежели твердымъ или основательнымъ. Худое воспитаніе, испортивъ въ немъ естественныя склонности, оставило ему способъ къ исправленію въ одной вѣрѣ: ибо самые дерзкіе развратители царей не дерзали тогда касаться сего святаго чувства. Друзья отечества и блага въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ умѣли ея спасительными ужасами тронуть, поразить его сердце; исхитили юношу изъ сѣтей нѣги, и съ помощію набожной, кроткой Анастасіи увлекли на путь добродѣтели. Несчастныя слѣдствія Іоанновой болѣзни разстроили этотъ прекрасный союзъ, ослабили власть дружества, изготовили перемѣну. Царь пересталъ чувствовать потребность въ руководствѣ, обнаруживалъ холодность къ Адашеву и Сильвестру, вѣроятно помня, что они благопріятствовали князю Владиміру во время болѣзни царской. Скоро не стало ихъ при дворѣ Іоанна[а]; враги прежнихъ любимцевъ восторжествовали и заочно оклеветали ихъ предъ государемъ: увѣрили его, что Сильвестръ и Адашевъ извели царицу ядомъ или чародѣйствомъ. Пашлись новые любимцы, которые умѣли угодить Іоанну пирами и развратомъ. Новый бракъ съ злонравною черкешенкою[б],

---

(а) Замѣтивъ немилость царскую, Адашевъ перешелъ на ратную службу и съ успѣхомъ воевалъ въ Ливоніи, а Сильвестръ удалился въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь и тамъ постригся. Когда оба осуждены были заочно въ Москвѣ, Адашевъ былъ заключенъ въ тюрьму, въ Дерптѣ, гдѣ и умеръ, а Сильвестръ заключенъ въ Соловки.

(б) Лѣтописцы увѣряютъ, что вторая жена Грознаго царя, Марія, изъ рода Черкесскихъ князей, много содѣйствовала злымъ своимъ нравомъ, къ развитію лютости Іоанна. Чрезъ

еще болѣе развилъ въ сердцѣ его подозрительность и злобу на бояръ, которыхъ почиталъ онъ измѣнниками; полилась кровь ручьями; появились пытки и казни неслыханныя. Въ порывѣ непонятнаго изступленія, Грозный царь раздѣлилъ всю державу Русскую на двѣ части: одну назвалъ своею собственностію или «опричиною», въ которую включилъ многіе города и участки самой столицы, подъ личнымъ управленіемъ; другую, съ именемъ «земщины», поручилъ боярамъ, жертвуя ею во всѣхъ случаяхъ своей опричинѣ. Онъ окружилъ себя ватагою буйныхъ людей, обтекалъ города и села, предавая ихъ огню, мечу и насилію, такъ что страшные его опричники прослыли кромѣшниками въ народѣ, какъ будто они исторглись изъ тьмы кромѣшной. Избѣгая столицы, въ Александровской слободѣ [в] устроилъ онъ себѣ келліи, палаты съ крестовою великолѣпною церковью, и обнесъ ихъ оградою на подобіе обители; тамъ въ мантіи иноческой, (которою, какъ бы на поруганіе, облекъ и свою кровожадную братію) ревностно исполнялъ онъ весь уставъ церковный, чтобы заглушить совѣсть, молясь и карая, изъ храма выходя на пытки: странная игра человѣческаго сердца! Благочестивые навыки дѣтства, всосанные съ молокомъ кормилицы, набожность внѣшняя обратившаяся ему въ природу, безъ отчета и отголоска въ сердцѣ, пробивались всюду сквозь

---

8 лѣтъ она умерла, и царь ненасытный въ плотскихъ наслажденіяхъ, былъ женатъ еще нѣсколько разъ; четвертый бракъ былъ разрѣшенъ ему соборомъ святителей 29 апрѣля 1572 года съ наложеніемъ епитиміи. (Акты Археогр. Экспед. т. 1. № 284. стр. 329.)

(в) Александровская слобода (теперь Александровъ, уѣздный городъ Владимірской губерніи) находится въ 112 верстахъ отъ Москвы. Тамъ сохранились донынѣ двѣ церкви, построенныя Грознымъ царемъ, съ подземными ходами подъ одной изъ нихъ. Онѣ принадлежатъ теперь къ дѣвичьему монастырю.

жестокую, грубую оболочку страстей, которая сдѣлалась второю природою Іоанна.

Отъ мрачной подозрительности и лютости Грознаго царя страдала не только держава Русская, но и Церковь.

Преемникъ приснопамятнаго митрополита Макарія, кроткій, но слабый духомъ и тѣломъ, Аѳанасій (г) не могъ вынести страшнаго зрѣлища казней и жестокостей и оставилъ каѳедру. Іоаннъ, какъ будто бы заботясь о благѣ церкви, пожелалъ видѣть первосвятителемъ св. Германа, архипастыря Казанскаго, но когда нареченный митрополитъ, предъ поставленіемъ на каѳедру Московскую и всея Руси, осмѣлился говорить царю о страшномъ судѣ Божіемъ, предъ которымъ должны отдать отчетъ всѣ, подданные и цари, и предъ которымъ страшно будетъ презрителямъ закона Божія, кто бы они ни были — Іоаннъ съ безчестіемъ изгналъ праведника изъ митрополичьяго дома (д).

(г) При посвященіи Аѳанасія въ санъ митрополита, былъ возложенъ на него, по соборному опредѣленію, бѣлый клобукъ «съ рясами (воскриліями) и съ херувимомъ». До того одни владыки Новгородскіе носили бѣлый клобукъ, какъ отличіе, данное св. архіепископу Василію патріархомъ Цареградскимъ Филоѳеемъ. Въ соборной грамотѣ упомянуто, что св. митрополиты Петръ и Алексій и нѣкоторые древніе святители изображаются на иконахъ въ бѣлыхъ клобукахъ.

(д) Св. Германъ не былъ отпущенъ на епархію, но тайно содержался въ заключеніи. Впрочемъ онъ былъ на посвященіи св. Филиппа и скончался въ Москвѣ 6 ноября 1567 года, во время мороваго повѣтрія. Мощи его были погребены въ церкви св. Николая (по прозванію Мокраго). Въ 1595 году Свіяжскіе граждане выпросили у царя Ѳеодора дозволеніе перенести св. тѣло архипастыря ихъ въ Свіяжскъ. Архіепископъ Гермогенъ свидѣтельствовалъ и нашелъ нетлѣнными мощи святителя. Когда ставили ихъ (25 сент.) въ алтарѣ созданнаго имъ монастырскаго храма: то не только въ церкви, но и по всей обители разлилось благоуханіе. Тогда же истекли отъ нихъ исцѣленія нѣсколькимъ

Тогда выборъ царскій, конечно не безъ воли Божіей, палъ на пустыннаго подвижника, пастоятеля обители Соловецкой, извѣстнаго Іоанну еще въ дѣтскомъ его возрастѣ и нѣкогда имъ любимаго. Это былъ игуменъ Филиппъ изъ боярскаго рода Колычевыхъ. Онъ принадлежалъ къ семейству знатному по заслугамъ предковъ и искренно благочестивому. Бояринъ Степанъ Ивановичъ, былъ любимъ в. к. Василіемъ, какъ доблестный и заслуженный воевода; жена его Варвара была набожна и сострадательна къ бѣднымъ. Сынъ ихъ Ѳеодоръ (мірское имя Филиппа) получилъ лучшее воспитаніе въ духѣ того времени: онъ учился грамотѣ по церковнымъ книгамъ, пріобрѣлъ и сохранилъ до конца жизни любовь къ душеспасительному чтенію [e]. В. к. Василій взялъ Ѳеодора Колычева ко двору и юный Іоаннъ полюбилъ его. Но въ малолѣтство Іоанна жизнь при дворѣ была вдвойнѣ опасна: опасна для жизни отъ крамолъ боярскихъ, опасна для сердца отъ разврата. Горькая судьба, постигшая родственниковъ Ѳеодора [ж], не могла не подѣйствовать на его сердце: юноша живо почувствовалъ грѣховность и пустоту свѣтской жизни. Въ одинъ воскресный день (5 іюня 1537 года), случилось ему во время литургіи слышать слова Спасителя: «никтоже мо-

---

больнымъ, въ томъ числѣ прозрѣли два слѣпца. Теперь мощи св. Германа почиваютъ въ соборной церкви Свіяжскаго монастыря, въ серебряной ракѣ.

(е) Въ то время даже многіе изъ знатныхъ бояръ не знали грамоты. Такъ видимъ въ одной грамотѣ 1566 года: «а Шереметевъ и Чеботовъ рукъ къ сей грамотѣ не приложили, что грамотѣ не умѣютъ». (Собр. госуд. грамотъ и договоровъ ч. 1. стр. 556.)

(ж) Колычевы пострадали за преданность князю Андрею (дядѣ царя Іоанна) въ суровое правленіе в. княгини Елены. Одинъ изъ нихъ былъ повѣшенъ, другой пытанъ и долго содержался въ оковахъ.

жетъ двѣма господиномъ работати.» Божественныя слова такъ поразили его, что онъ рѣшился навсегда разстаться съ міромъ. Это было на 30-мъ году жизни его.

Ѳеодоръ тайно, въ одеждѣ простолюдина, удалился изъ Москвы и близъ озера Онеги въ деревнѣ Хижахъ пробылъ нѣсколько времени въ занятіяхъ селянина, чтобъ остаться незамѣченнымъ въ случаѣ поиска; потомъ явился въ Соловецкую обитель, не знаемый никѣмъ, и принялъ на себя суровыя работы: сынъ знаменитыхъ и славныхъ родителей рубилъ дрова, копалъ въ огородѣ землю, работалъ на мельницѣ и на рыбной ловлѣ. Испытанный въ теченіи полутора года, Ѳеодоръ Колычевъ постриженъ по желанію своему въ монашество съ именемъ Филиппа и отданъ подъ надзоръ опытному старцу Іонѣ Шамину, собесѣднику преп. Александра Свирскаго. Игуменъ Алексій послалъ новаго инока въ монастырскую кузницу, и Филиппъ колотилъ желѣзо тяжелымъ молотомъ; потомъ заставили его работать въ хлѣбнѣ. Вездѣ Филиппъ оказывался лучшимъ послушникомъ; не смотря на тяжелую работу, онъ никогда не оставлялъ церковной молитвы — первымъ являлся въ храмѣ и послѣднимъ выходилъ изъ него. Послѣ девятилѣтнихъ подвиговъ, смиренный послушникъ, по единодушному желанію всей братіи, посвященъ въ санъ игумена (въ 1548 году) и много потрудился для обители преп. Зосимы и Савватія [3].

Таковъ былъ новый избранникъ, вызванный въ Москву на престолъ митрополіи! Первый взглядъ на царя долженъ былъ произвести тяжкое впечатлѣніе на благочестиваго игумена: безпокойный, раздражительный видъ, зловѣщій огонь нѣког-

(3) Труды св. Филиппа въ званіи игумена Соловецкаго подробно изложены въ сочиненіи преосв. епископа Леонида: «жизнь св. Филиппа митрополита». (Душепол. Чтеніе 1861 г. ч. II. стр. 53—83).

да ясныхъ очей, внезапная, ранняя потеря волосъ — должны были высказать опытному старцу всю несчастую повѣсть души царевой, пожираемой страстями. Царь надѣялся, что найдетъ въ Филиппѣ совѣтника, который ничего не имѣетъ общаго съ мятежнымъ, по мнѣнію Іоанна, боярствомъ, какъ удаленный отъ него сначала образомъ мыслей и правилами воспитанія, потомъ монашествомъ на островѣ Бѣлаго моря. Самая святость Филиппа должна была служить укоромъ для бояръ, въ глазахъ царя, недостойныхъ и нечестивыхъ. Іоанну казалось, что если онъ вручитъ подобному человѣку жезлъ первосвятительскій, то угодитъ Богу ревностію къ благу Церкви и себѣ доставитъ надежнаго молитвенника и духовнаго утѣшителя. Притомъ онъ могъ надѣяться, что смиренный отшельникъ не станетъ вмѣшиваться въ дѣла правленія, а сіяя добродѣтелью, будетъ и царя освѣщать ею въ глазахъ народа. Онъ принялъ Соловецкаго игумена съ честію, говорилъ и обѣдалъ съ нимъ дружески; наконецъ объявилъ, что желаетъ видѣть его на каоедрѣ митрополита. Филиппъ долго не соглашался принять высокій санъ. «Не могу, говорилъ онъ со слезами, принять на себя дѣло, превышающее силы мои, отпусти меня Господа ради; зачѣмъ малой ладьѣ поручать тяжесть великую?» Царь настаивалъ на своемъ. Филиппъ объявилъ наконецъ, что исполнитъ волю царя, но съ тѣмъ, чтобъ уничтожена была опричнина, отъ которой страдаетъ держава Русская. Іоаннъ отвѣчалъ, что опричнина нужна для царя и для царства, что противъ него всѣ злоумышляютъ. Святители уговорили Филиппа согласиться на волю гнѣвнаго царя: «не вступаться въ дѣла двора и опричнины, послѣ поставленія не удаляться съ митрополіи за то, что царь не уничтожилъ опричнины, но совѣтоваться съ царемъ какъ совѣтовались прежніе митрополиты». Такимъ образомъ св. Филиппъ оставилъ за своею совѣстію сво-

боду и долгъ печаловаться за невинно-гонимыхъ и говорить о правдѣ евангельской (и). Въ первое за тѣмъ время дѣла шли спокойно. Развратная опричнина притихла, опасаясь пустыннаго святителя. Царь осыпалъ его ласками и вниманіемъ уважительнымъ. Москва радовалась, увидя тишину съ появленіемъ новаго митрополита.

Въ послѣдней половинѣ 1567 года снова поднялись дѣла опричнины, доносы, клеветы, убійства, грабежи; особенно по возвращеніи изъ безуспѣшнаго похода литовскаго, царь былъ въ сильномъ раздраженіи и этимъ пользовались злодѣи. Надъ стопами невинныхъ смѣялись они и предавались гнуснымъ дѣламъ. Уже многіе знатнѣйшіе бояре сложили головы, кто въ Москвѣ, кто по городамъ; одни въ истязаніяхъ, другіе, подъ ударомъ топора, на плахѣ, нѣкоторые пали отъ собственной руки Іоанна. Уже не только вельможи мнимо-опасные, но и мирные безвѣстные граждане, страшась наглости кромѣшниковъ, были въ отчаяніи, запирались въ домахъ, и Москва какъ будто замерла отъ ужаса; опустѣли площади и улицы столицы. Среди страшнаго безмолвія, несчастные ожидали только, не раздастся ли за нихъ единственный спасительный голосъ — голосъ Филиппа.... Между тѣмъ митрополитъ убѣждалъ владыку Новгородскаго Пимена и другихъ епископовъ стать за правду предъ лицемъ гнѣвнаго государя. Но уже не было въ живыхъ св. Германа Казанскаго, «непобѣдимаго о Бозѣ ревнителя»; прочіе трепетали отъ малодушія. Тогда ревностный первосвятитель не устрашился и одинъ, безъ помощниковъ, вступить въ подвигъ: онъ отправился увѣщевать Іоан-

---

(и) Право «печалованія» или заступничества за осужденныхъ и гонимыхъ искони принадлежало святителямъ Русскимъ. Въ грамотахъ самаго Іоанна и отца его читаемъ: «для отца своего митрополита» государь прощаетъ. (Допол. къ Акт. истор. т. I. № 52 и 62. Акты историч. т. 1. № 158, 175 и др.)

на въ Александровскую слободу, — эту берлогу разврата и злодѣйствъ. «Державный царь! говорилъ онъ наединѣ Іоанну,— облеченный сапомъ самымъ высокимъ, ты долженъ болѣе всѣхъ чтить Бога, отъ котораго принялъ державу и вѣнецъ, ты образъ Божій, но вмѣстѣ и прахъ. Властелинъ тотъ, кто владѣетъ собою, не служитъ низкимъ похотямъ, и не волнуетъ, въ самозабвеніи, собственную державу». Іоаннъ закипѣлъ гнѣвомъ и сказалъ: «что тебѣ черноцу до нашихъ царскихъ дѣлъ?» Святитель отвѣчалъ: «по благодати св. Духа, по избранію священнаго собора и по вашему изволенію, я — пастырь Христовой церкви. Мы съ тобою должны заботиться о благочестіи и покоѣ православнаго христіанскаго царства». «Молчи», сказалъ Іоаннъ.» Молчаніе неумѣстно теперь, продолжалъ святитель: оно размножило бы грѣхи и пагубу. Если будемъ выполнять произволы человѣческіе: какой отвѣтъ дадимъ въ день пришествія Христова? Господь сказалъ: «да любите другъ друга: большія сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя. Аще въ любви Моей пребудете, воистину ученицы Мои будете». Твердый начетчикъ книжный, Іоаннъ отвѣчалъ словами Давида: «искреннія мои прямо мнѣ приближишася и сташа и ближніи мои отдалече мене сташа и нуждахуся ищущіи душу мою, ищущіи злая мнѣ». «Государь! сказалъ святитель, надобно различать добрыхъ людей отъ худыхъ: одни берегутъ общую пользу; другіе говорятъ тебѣ неправду, по своимъ видамъ: грѣшно не обуздывать людей вредныхъ, пагубныхъ тебѣ и царству; пусть водворится любовь на мѣстѣ раздѣленія и вражды». «Филиппъ! сказалъ Іоаннъ, не прекословь державѣ нашей, чтобы не постигъ тебя гнѣвъ мой, или оставь митрополію». «Я не посылалъ, отвѣчалъ святитель, ни просьбы, ни ходатаевъ и не наполнялъ ни чьихъ рукъ деньгами, чтобы полу-

чить санъ святительскій. Ты лишилъ меня пустыни моей. Твори, какъ хочешь».

Съ того времени опричники стали настойчиво вооружать царя противъ митрополита. Царь возвратился въ Москву и казни возобновились. Къ святителю приходили вельможные и простые, и со слезами умоляли его о защитѣ. Святитель утѣшалъ несчастныхъ словами евангелія: «Дѣти! говорилъ онъ, Господь милостивъ! Онъ не посылаетъ искушеній болѣе, чѣмъ можемъ понести; надобно быть и соблазнамъ, но горе тому, кѣмъ соблазнъ приходитъ. Все это, случилось съ нами по грѣхамъ нашимъ, для исправленія нашего; да и счастіе обѣщано намъ не на землѣ, а на небѣ». Въ крестопоклонное воскресенье (2 марта 1568 года) царь пришелъ въ храмъ соборный. Онъ и опричники были въ черныхъ одеждахъ съ высокими шлыками на головахъ и съ обнаженными оружіями. Іоаннъ подошелъ къ митрополиту, стоявшему на своемъ мѣстѣ, и ждалъ благословенія. Святитель безмолвно смотрѣлъ на образъ Спасителя. Опричники сказали: «Владыко! государь предъ тобою, благослови его». Филиппъ взглянувъ на Іоанна, сказалъ: «государь! кому поревновалъ ты, принявъ на себя такой видъ и исказивъ благолѣпіе твоего сана? Ни въ одеждѣ, ни въ дѣлахъ — не видно царя. У татаръ и язычниковъ есть законъ и правда, а на Руси нѣтъ правды; въ цѣломъ свѣтѣ уважаютъ милосердіе, а на Руси нѣтъ состраданія даже для невинныхъ и правыхъ. Убойся, государь, суда Божія. Сколько невинныхъ людей страдаетъ! Мы здѣсь приносимъ жертву безкровную Богу, а за алтаремъ льется невинная кровь христіанская! Грабежи и убійства совершаются именемъ царя». Іоаннъ распалился гнѣвомъ и сказалъ: «Филиппъ! ужели думаешь перемѣнить нашу волю? Не лучше ли быть тебѣ однихъ съ нами мыслей?» «Къ чему же вѣра наша? отвѣчалъ святитель. Не жалѣю я тѣхъ, которые

пострадали невинно: они мученики Божіи: но скорблю за твою душу». Іоаннъ пришелъ въ неистовство и грозилъ казнями: «Намъ ли противишься ты? Увидимъ твердость твою!» «Я пришлецъ на землѣ, какъ и всѣ отцы мои, тихо отвѣчалъ святитель,— готовъ страдать за истину». Внѣ себя отъ ярости, Іоаннъ вышелъ изъ храма. Предъ соборъ епископовъ явился чтецъ съ гнусною клеветою на святителя. Новгородскій владыка Пименъ, унижавшійся предъ царемъ, сказалъ въ слухъ другихъ: «Митрополитъ царя обличаетъ, а самъ дѣлаетъ гнусности». Тогда исповѣдникъ правды сказалъ Пимену: «любезный! человѣкоугодничествомъ домогаешься ты получить чужой престолъ, но лишишься и своего». Чтецъ тогда же со слезами сознался, что его заставили угрозами взнесть клевету. Святитель, простивъ чтеца, предалъ себя въ волю Божію. «Вижу, говорилъ онъ духовнымъ сановникамъ, что хотятъ моей погибели, и за что же? за то, что никому не льстилъ я, не давалъ никому подарковъ, не угощалъ никого пирами. Но что бы ни было, не перестану говорить правду,— не хочу носить безполезно санъ святительскій.»

Такую же смѣлость обличенія показалъ святитель во время крестнаго хода (28 іюля), куда Іоаннъ явился съ опричниками въ полномъ ихъ нарядѣ. Въ то время, когда пришелъ царь, святитель хотѣлъ читать евангеліе, и, преподавая миръ всѣмъ, увидѣлъ опричника въ тафьѣ. «Державный царь! сказалъ святитель, добрые христіане слушаютъ слово Божіе съ непокрытыми главами; съ чего же эти люди вздумали слѣдовать магометанскому закону — стоять въ тафьяхъ?» Кто это такой? спросилъ царь. Но виновный спряталъ тафью, а товарищи его сказали, что митрополитъ лжетъ и возстаетъ на царя. Іоаннъ вышелъ изъ себя, грубо ругалъ святителя, называлъ его лжецомъ, мятежникомъ, злодѣемъ, клялся, что уличитъ его въ преступленіяхъ.

Стали искать лжевидѣтелей противъ святителя въ Соловецкомъ монастырѣ, но тамъ всѣ называли Филиппа праведнымъ и святымъ; наконецъ игуменъ Паисій, которому обѣщали санъ епископа, монахъ Зосима и съ нимъ еще нѣкоторые, недовольные строгостью Филиппа еще во время его игуменства, согласились быть клеветниками противъ святителя. Составили доносъ. Въ Москвѣ Паисій, въ присутствіи царя и духовенства, со всею наглостію обвинялъ Филиппа. Святитель кротко сказалъ Паисію: «что сѣешь, то и пожнешь». И обратясь къ царю, говорилъ: «Государь! не думаешь ли, что боюсь я смерти? Достигнувъ старости, готовъ я предать духъ мой Всевышнему, моему и твоему Владыкѣ. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, чѣмъ въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія. Оставляю жезлъ и мантію митрополичьи. А вы всѣ, святители и служители алтаря! пасите вѣрно стадо Христово; готовьтесь дать отчетъ и страшитесь небеснаго царя болѣе, чѣмъ земнаго». Святитель снялъ съ себя бѣлый клобукъ и мантію. Но царь остановилъ его, сказавъ, что ему должно ждать суда надъ собою, заставилъ взять назадъ утварь святительскую и еще служить литургію 8 ноября. При началѣ литургіи ворвался въ соборный храмъ одинъ изъ гнусныхъ любимцевъ царскихъ, Басмановъ и въ слухъ народа прочелъ осужденіе Филиппу. Опричники бросились въ алтарь, сорвали съ святителя облаченіе, одѣли въ рубище, вытолкали изъ храма, посадили на дровни и повезли въ Богоявленскій монастырь, осыпая бранью и побоями. Толпы народа со слезами провожали святителя, а онъ покойно благословлялъ народъ. Предъ вратами обители онъ сказалъ народу: «дѣти! все, что могъ, сдѣлалъ я; еслибы не изъ любви къ вамъ, и одного дня не оставался бы я на каѳедрѣ.... Уповайте на Бога; терпите». Нѣсколько дней страдалъ неустрашимый исповѣдникъ

правды — въ смрадной кельѣ, окованный цѣпями, съ тяжелою колодкой на шеѣ, лишенный хлѣба. Сюда Іоаннъ прислалъ ему голову любимаго племянника и велѣлъ сказать ему: «вотъ твой любимый сродникъ, не помогли ему твои чары». Святитель всталъ, благословилъ и поцѣловалъ голову и велѣлъ возвратить царю кровавый подарокъ. Наконецъ Іоаннъ сослалъ Филиппа въ заточеніе въ Тверской Отрочь монастырь.

Прошло около года, какъ св. Филиппъ томился въ заточеніи. Въ декабрѣ 1569 года двинулся царь съ своею дружиною карать Новгородъ и Псковъ за мнимую измѣну. Тогда, по волѣ Іоанна, Малюта Скуратовъ [i] явился въ келлію Филиппа и съ видомъ смиренія сказалъ: «Владыко святый! преподай благословеніе царю на путь въ Новгородъ». Святитель зналъ, зачѣмъ явился Малюта. Еще за три дня до того сказалъ онъ бывшимъ при немъ: «вотъ приблизился конецъ моего подвига», и причастился св. Таинъ. Злодѣю отвѣчалъ онъ: «дѣлай, что хочешь: по дара Божія не получаютъ обманомъ». Сказавъ это, онъ сталъ на молитву и просилъ Господа, да пріиметъ духъ его съ миромъ. Малюта задушилъ святителя подушкою и сказалъ настоятелю, что бывшій митрополитъ умеръ отъ угара. Это было 23 декабря 1569 г. Такъ окончилъ земную жизнь свою великій святитель, положившій жизнь за стадо свое! Многими богоугодными великими іерархами просіяла Церковь Русская, но въ числѣ ихъ одинъ только мученикъ за правду и человѣколюбіе: слава его нетлѣнна, какъ нетлѣнны самые останки его [k].

---

i) Любимецъ Іоанна и начальникъ опричниковъ, закоренѣлый злодѣй, «мужъ каменосердечный» по выраженію перваго жизнеописателя св. Филиппа.

(k) Мощи св. Филиппа были немедленно, въ присутствіи убійцы, преданы землѣ за алтаремъ монастырской церкви. Въ

«Восхвалимъ Филиппа премудраго, наставника православія, провозвѣстника истины, ревнителя Златоустаго, свѣтильника Русской земли. Вооруживъ себя бронею духовнаго мужества, ты безтрепетно обличилъ не послушавшихъ тебя, властію отъ Бога единаго данною, ты совершилъ свое теченіе и соблюлъ вѣру, блаженный святитель, увѣнчанный свѣтлымъ вѣнцемъ правды! Тобою украсилъ Богъ храмъ Матери Своей и нетлѣнное тѣло твое, въ изгнаніи пострадавшее, много лѣтъ въ землѣ сокровенное, возвратилъ престолу твоему, къ радости и веселію паствы твоей» (л).

Между тѣмъ царь прибылъ въ Новгородъ, гдѣ вѣрный народъ и не думалъ сопротивляться волѣ его. Начались страшныя истязанія подъ предлогомъ мнимой измѣны, неслыханныя свирѣпства, начался «разгромъ» или, какъ называетъ современный лѣтописецъ, «неисповѣдимое колебаніе, паденіе, кровопролитіе Великаго Новгорода» (м). Но и здѣсь на-

---

1591 году онѣ перенесены изъ Твери въ Соловецкую обитель — на мѣсто иноческихъ подвиговъ священномученика, при чемъ найдены совершенно нетлѣнными, и положены въ приготовленной имъ для себя могилѣ, въ преддверіи созданнаго имъ храма, подлѣ любимаго наставника его въ монашествѣ, инока Іоны Шамина. Въ 1652 году св. мощи перенесены изъ Соловковъ въ Москву и поставлены открыто въ царственномъ соборномъ храмѣ Успенія Богоматери, гдѣ и нынѣ почиваютъ.

(л) Кондакъ и стихиры изъ службы св. Филиппа, напечатанной въ январской Минеѣ подъ 9 числомъ. Память святителя праздновалась всею церковью Русскою съ 1591 года, въ 23 день декабря, но съ 1660 года празднованіе перенесено на 9 января. (Душепол. Чт. 1861 ч. II. стр. 180).

(м) Собр. лѣтописей т. III. стр. 254 и слѣд. Кровопролитіе «великаго разгрома» — было безпримѣрное: въ мукахъ и истязаніяхъ, подъ мечемъ опричниковъ и въ волнахъ Волхова погибло въ продолженіи шести недѣль до 60 т. человѣкъ. Волховъ, запруженный трупами, долго не могъ пронести ихъ въ Ладожское озеро. Всѣ церкви и монастыри въ городѣ и окрестностяхъ были

шелся смѣлый обличитель неправды и злодѣйства — преп. Арсеній затворникъ [п]. Царь поцадилъ обитель Арсенія, нѣсколько разъ посѣщалъ его и безъ гнѣва выслушивалъ обличенія праведника, который одинъ дерзалъ быть заступникомъ несчастнаго города, отказывалъ царю въ благословеніи и не принялъ отъ него богатыхъ даровъ. Во все продолженіе разгрома, Арсеній не выходилъ изъ кельи, неусыпно, но увы! неуслышанный, молясь о смягченіи царской ярости. Утомившись казнями, и собираясь въ Псковъ, Грозный царь пришелъ къ затворнику — принять благословеніе и звать его съ собою. «Насытился ли кровію, звѣрь кровожадный? сказалъ ему праведникъ. Кто можетъ благословить тебя, кто можетъ молить Бога о мучителѣ, облитомъ кровію христіанскою? Много душъ неповинныхъ послалъ ты въ царство небесное, а самъ не узришь его. И еще замышляешь новое кровопролитіе». Царь увѣрялъ, что никому не сдѣлаетъ зла во Псковѣ, если не найдетъ тамъ измѣны. «И ты самъ, отче, будешь свидѣтель тому», прибавилъ онъ. «Пусть будетъ по слову твоему, отвѣчалъ преп. Арсеній. Завтра готовъ я въ путь съ тобой и неотступенъ буду отъ тебя во Псковѣ. Но знай, что не на радость тебѣ будетъ, когда помыслишь злое

разграблены. Особенно пострадалъ монастырь преп. Антонія Римлянина: тамъ убили игумена Геласія со всѣми монахами и совершенно ограбили обитель, которая осталась послѣ того на три года пустою, безъ братіи и безъ службы церковной. Владыка Пименъ заточенъ въ Николаевскій Веневскій монастырь и тамъ вскорѣ скончался, какъ думали современники, отъ голода.

(п) Преп. Арсеній, урожденецъ Ржева-Владимірова, устроилъ въ 1562 году иноческую обитель съ храмомъ Рождества Богородицы, на Торговой сторонѣ Новгорода, близъ Ярославова дворища и церкви св. Мироносицъ. Онъ былъ строгій подвижникъ, носилъ вериги, жилъ въ затворѣ и, предвидя бѣдствія роднаго города, непрестанно проливалъ слезы. Иногда видали его плачущимъ на Великомъ мосту.

и ярость кровожадная возгорится въ тебѣ. Тогда вспомнишь слова мои: страхъ и трепетъ объимутъ тебя и сотрясутся отъ ужаса всѣ кости твои». Наутро дверь въ кельѣ Арсенія оказалась запертою изнутри, и сколько не стучались, старецъ не подалъ голоса. Разломали дверь и увидѣли старца на колѣняхъ, съ согнутыми на груди руками и наклоненною головой. Онъ какъ будто продолжалъ молиться, но праведная душа его отлетѣла уже въ селенія небесныя [о].

Для совѣсти, отягченной кровью, тяжко было зрѣлище мирной кончины праведника! Во всю дорогу Грозный былъ мраченъ и задумчивъ. На послѣднемъ ночлегѣ, въ с. Любятовѣ, близь Пскова, царь съ ужасомъ выбѣжалъ изъ избы, между тѣмъ, какъ въ городѣ, трепетавшемъ отъ ужаса, раздался благовѣстъ къ воскресной утрени. «Теперь в» Псковѣ всѣ трепещутъ, но напрасно; я не сотворю имъ зла, сказалъ царь спокойнымъ голосомъ. «Притупите мечи о камень. Да престанутъ убійства». Чѣмъ объяснить внезапный ужасъ Іоанна, внезапный переходъ отъ свирѣпства къ кротости? Царь твердо помнилъ послѣднія слова затворника Арсенія и былъ увѣренъ, что усопшій праведникъ невидимо сопутствуетъ ему во Псковъ. При мрачномъ и подозрительномъ характерѣ, при разстроенномъ воображеніи, при помраченной злодѣяніями совѣсти Грознаго, не страшно ли было ему имѣть при себѣ такого неотступнаго обличителя?

(о) Тѣло затворника погребено было въ той хижинѣ, гдѣ онъ затворялся для молитвы. По упраздненіи основанной имъ обители, мощи преп. Арсенія перенесены въ 1787 году въ Кирилловъ монастырь (въ 4 верст. отъ Новгорода) и тамъ почиваютъ подъ спудомъ. Память преставленія его показана въ святцахъ и житіи 12 іюля; но эта явная ошибка: отъѣздъ Грознаго царя изъ Новгорода во Псковъ былъ въ февралѣ 1570 г., а не въ іюлѣ. Можетъ быть 12 іюля (неизвѣстно въ какомъ году) обрѣтены были мощи преп. Арсенія.

На слѣдующее утро, 20 февраля, во второе воскресенье великаго поста, улицы Пскова представляли необыкновенное зрѣлище. По всѣмъ улицамъ до кремля, противъ всѣхъ домовъ и воротъ, были разставлены столы съ разными постными кушаньями; жители въ праздничномъ платьѣ стояли предъ столами. Всѣ они были въ страхѣ, какъ приговоренные къ смерти, многіе дрожали, иные плакали. Одинъ только человѣкъ, въ длинной рубашкѣ, подпоясанный веревкою, смѣло и беззаботно разгуливалъ по улицамъ, пробѣгая босыми ногами отъ одного стола къ другому и стараясь ободрить жителей.

Это былъ юродивый Никола, по прозванію Салосъ, всему городу извѣстный и всѣми уважаемый праведникъ. Царь въѣхалъ въ городъ. Вдругъ явился предъ нимъ юродивый, прыгая на палочкѣ по дѣтскому обычаю и приговаривая:

— Иванушка! Иванушка! покушай: вотъ тебѣ хлѣбъ-соль. Чай не наѣлся мясомъ человѣчьимъ въ Новгородѣ.

Царь разгнѣвался и велѣлъ было опричникамъ схватить его, но блаженный исчезъ, скрывшись въ толпѣ народа. При выходѣ изъ Троицкаго соборнаго храма снова встрѣтилъ царя Никола и неотступно звалъ къ себѣ въ келью подъ соборную колокольню. Въ этой убогой и тѣсной кельѣ, на лавкѣ, была разостлана чистая скатерть и на ней лежалъ огромный кусокъ сыраго мяса.

— Покушай, покушай, Иванушка, приговаривалъ Никола, съ поклономъ угощая царя.

— Я христіанинъ и не ѣмъ мяса въ постъ, сурово сказалъ царь.

— Мяса не ѣшь, а людей губишь, и кровь христіанскую пьешь, и суда Божія не боишься!

Закипѣло на душѣ у Грознаго, онъ велѣлъ снимать колокола съ соборной церкви и грабить ризницу. А юродивый, взглянувъ ему въ глаза, сказалъ строгимъ голосомъ:

— Не тронь насъ, прохожій человѣкъ, ступай скорѣе прочь. Если еще помедлишь, не на чѣмъ тебѣ будетъ бѣжать отсюда.»

Въ ту же минуту вошелъ Малюта Скуратовъ, блѣдный отъ страха, и доложилъ царю, что любимый конь его палъ.

— Вотъ только тронь кого нибудь въ богоспасаемомъ Псковѣ, закричалъ ему юродивый, или церкви начни грабить: тотчасъ же издохнешь, какъ конь твой.» — Грозный оставилъ въ покоѣ городъ, спасенный отъ раззоренія юродивымъ (п).

Спустя нѣсколько лѣтъ, Грозный царь, отправляясь въ Ливонскій походъ, посѣтилъ Псково-Печерскій монастырь (р), гдѣ настоятельствовалъ тогда преп. игуменъ Корнилій.

(п) Праведный Николай, Псковскій чудотворецъ, преставился 28 февраля 1576 года. По особенному уваженію жителей Пскова къ блаж. Николаю, онъ погребенъ былъ подъ соборнымъ храмомъ — почесть, какой удостоивались тогда только князья и архипастыри. Теперь мощи его почиваютъ въ закрытомъ дубовомъ гробѣ, въ правомъ придѣлѣ Троицкаго собора. Въ древнемъ кондакѣ ему сказано. «Чудотворецъ явися Николае, цареву державу и смысла свирѣпство на милость обративъ, и нынѣ молимъ тя, святе, пребуди въ насъ еще, защити отъ коварствъ вражіихъ; ты бо еси граду Пскову и всѣмъ христолюбивымъ людемъ похвала и утвержденіе.» Память его мѣстно празднуется въ день преставленія.

(р) Въ той мѣстности, гдѣ стоитъ Псково-Печерскій монастырь (въ 56 верст. отъ Пскова, близъ Лифляндской границы) въ XV вѣкѣ поселилось нѣсколько старцевъ, искавшихъ уединенія для спасенія душъ своихъ. Выкопавъ себѣ въ горѣ пещеры, а можетъ быть, нашедши уже готовую пещеру, устроенную самою природою, они проводили тамъ жизнь свою и тамъ преставились, никому невѣдомые. Звѣроловы Изборскіе слышали пѣніе какъ бы внутри горы, прозванной послѣ того «святою;» потомъ случайно открыто устье пещеры и надпись надъ нимъ: «Богомъ зданная пещера». Въ 1473 году поселился здѣсь пришедшій изъ Юрьева — Ливонскаго (Дерпта) священникъ Іоаннъ. Принявъ иночество съ именемъ Іоны, онъ устроилъ церковь въ пещерѣ и былъ первымъ строителемъ новой обители.

Иноческіе подвиги Корнилія начались съ ранней юности въ той же Печерской обители; при немъ распространенъ пещерный храмъ и съ 1524 г. храмовая икона Успенія Богоматери начала источать исцѣленія. Облеченный въ санъ игумена съ 1529 года, ревностный подвижникъ, въ продолженіи многолѣтняго настоятельства, возвысилъ обитель во всѣхъ отношеніяхъ. Жизнь его была образцемъ строгой иноческой жизни и онъ старался одушевить ревностію къ подвижничеству подчиненныхъ ему иноковъ. Неутомимый въ трудахъ, онъ построилъ въ Псковѣ, на Печерскомъ подворьѣ каменный храмъ въ честь Богоматери Одигитріи; въ монастырѣ своемъ деревянный храмъ 40 мучениковъ онъ перенесъ за монастырь, для монастырскихъ рабочихъ; а на мѣстѣ его построилъ каменный храмъ Благовѣщенія (c). Въ назиданіе другимъ описалъ онъ чудеса Печерской иконы Богоматери. «Свидѣтель этихъ чудесъ, говоритъ онъ, не я одинъ, а весь Псковъ и Новгородъ. Богоматерь подаетъ исцѣленія не только православнымъ, но и иновѣрнымъ, приходящимъ изъ нѣмецкой земли (изъ Лифляндіи) съ вѣрою къ чудотворному образу» Блаженный Корнилій любилъ просвѣщеніе и насаждалъ благочестіе не только въ своей обители, но и во всей окрестности;

(c) Оба эти храма, Благовѣщенскій въ монастырѣ, а 40 мучениковъ за оградою, доселѣ существуютъ. Послѣдній изъ нихъ, деревянный, съ крышею въ одинъ скатъ, служитъ приходскимъ для жителей заштатнаго городка Печерска. Живописное расположеніе монастыря въ ущеліи съ двумя горами, изъ которыхъ одна,— «Святая» вмѣщаетъ въ себѣ Успенскій храмъ и пещеры, необыкновенный видъ маститыхъ дубовъ надъ нею, громадныя твердыни ограды, сложенной изъ плитняка, въ 380 саж. длиною и до 5 саженъ въ вышину, съ множествомъ башенъ — все это даетъ обители такой дивный видъ, котораго нельзя передать словами, но онъ навсегда остается въ памяти того, кто хотя однажды видѣлъ эту дивную обитель.

онъ построилъ храмы Божіи въ Агиревѣ и Топинѣ — сосѣднихъ селеніяхъ, и много заботился о просвѣщеніи полудикихъ Эстовъ православною вѣрою. Когда дружины Русскія завоевали большую часть Ливоніи, блаж. Корнилій щедрою рукою раздавалъ пособія бѣднымъ Эстамъ, пострадавшимъ отъ войны. Въ Нейгаузенѣ построилъ онъ православный храмъ. Благотворительность ревностнаго игумена, кроткія наставленія, безкорыстіе и чистая жизнь его произвели то, что въ приходѣ Нейгауза всѣ Эсты, а въ другихъ приходахъ многіе обратились къ православію какъ къ благочестію безкорыстному и искреннему. Въ 1565 году блаж. Корнилій окружилъ монастырь каменною оградою, и надъ вратами построилъ храмъ въ честь святителя Николая, поручивъ сему дивному защитнику чистой вѣры оберегать обитель православія. При положеніи обители на границѣ Ливонскихъ нѣмцевъ, заклятыхъ враговъ православія, такое укрѣпленіе необходимо было не для одной обители, но и для всей Русской земли.

Царь Іоаннъ зналъ и уважалъ преп. Корнилія. Онъ обошелся съ нимъ милостиво, когда старецъ встрѣтилъ его въ Псковѣ, послѣ разгрома Новгородскаго. Но, приближаясь къ обители Печерской, со стороны Ливоніи, Грозный царь увидѣлъ твердыни монастырской ограды, воздвигнутыя Корниліемъ, и страшно разгнѣвался, подозрѣвая, по навѣтамъ клеветниковъ, что въ этихъ укрѣпленіяхъ кроется мысль независимости отъ Москвы [т]. Когда преп. Корнилій вышелъ за

(т) Курбскій увѣряетъ, что преп. Корнилій и вмѣстѣ съ нимъ другой инокъ, ученикъ его Вассіанъ Муромцевъ раздавлены какимъ-то мучительскимъ орудіемъ и тѣла ихъ положены въ одномъ гробѣ Теперь мощи преподобномученика почиваютъ въ закрытомъ дубовомъ гробѣ въ пещерной Успенской церкви. Годъ кончины преп. Корнилія трудно опредѣлить съ точностію, но, принимая въ соображеніе, что Курбскій говоритъ о ней вслѣдъ за извѣстіемъ объ опустошеніи Нарвы и другихъ горо-

ворота съ крестомъ навстрѣчу государю, Грозный тутъ же повелѣлъ умертвить старца. Такъ, по свидѣтельству лѣтописи, «приснопамятный, достохвальный, достоблаженный игуменъ добрый пастырь, отъ тлѣннаго сего житія земнымъ царемъ предпосланъ къ небесному Царю въ вѣчное жилище».

Страшная година мучительства служила испытаніемъ вѣры для русскаго народа: не было ни заговоровъ противъ Грознаго царя, ни мятежа, ни измѣны; немногіе рѣшились на побѣгъ за предѣлы отечества [а]. Первые вельможи, подпоры престола, съ такимъ же смиреніемъ, съ такою же по-

---

довъ, можно полагать, что Корнилій умерщвленъ въ 1577 году. Надпись на гробницѣ о времени смерти его, 20 февраля 1570 года, совершенно ошибочна: въ этотъ самый день преп. Корнилій встрѣчалъ царя во Псковѣ и былъ принятъ имъ ласково. Тогда убійствъ вовсе не было. — Преп. Корнилій написалъ «повѣсть о Псковскомъ Печерскомъ монастырѣ». Позднѣе она была дополнена разными лицами (Обзоръ Русск. Духов. литературы ч. 1. стр. 214) и многократно напечатана.

(а) Въ числѣ послѣднихъ былъ боярин и знаменитый воевода, князь Андрей Михайловичъ Курбскій. Онъ бѣжалъ въ Литву въ 1563 году, въ эпоху первыхъ казней Грознаго. Курбскій былъ изъ числа образованнѣйшихъ людей своего времени, ревностно заботился о поддержаніи православія въ Литвѣ, что видно изъ переписки его съ разными лицами. Измѣною государю и отечеству, столь не сродною русскому сердцу, запятнавъ доброе имя свое, омрачивъ славу свою, прежде безукоризненную, князь не могъ не чувствовать угрызеній совѣсти, среди богатствъ и почестей въ странѣ чуждой тосковалъ о Россіи, о любимомъ отечествѣ своемъ, и въ лѣтахъ цвѣтущаго мужества, убѣленный сѣдинами, страдалъ недугами: не раны тѣлесныя, раны сердца сокрушили его. Чтобъ облегчить растерзанную душу и хотя нѣсколько оправдать себя въ глазахъ современниковъ и предъ строгимъ судомъ потомства, онъ взялся за перо и написалъ «Исторію князя великаго Московскаго о дѣлахъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима». Извѣстны обличительныя письма его къ Грозному царю.

корностію волѣ Божіей, какъ и простолюдины, клали голову на плаху; никто, среди неслыханныхъ мученій, не осмѣливался проклинать мучителя, почитая въ немъ лице помазанника Божія; нашлись и такіе, которые, перенося истязанія, молились за царя. При такихъ чувствахъ православнаго народа, неудивительно, что Господь посылалъ чудныя знаменія, для утѣшенія и укрѣпленія вѣрующихъ, въ разныхъ краяхъ Россіи.

Такъ въ Великомъ Новгородѣ, не задолго до страшнаго разгрома, прославлены нетлѣніемъ и чудесами мощи святителя Никиты, которыя, съ разрѣшенія самодержца и митрополита, были открыты владыкою Пименомъ, послѣ бывшаго ему видѣнія. Когда поднята была крыша гробницы, увидѣли священное сокровище благодати; не только тѣло угодника Божія, но и ризы его сохранились въ совершенномъ нетлѣніи. Тогда же святыя мощи, 450 лѣтъ почивавшія въ нѣдрахъ земли, были переложены изъ ветхой раки на одръ и поставлены посреди церкви; безчисленное множество чудесъ и исцѣленій надъ приходящими съ вѣрою слѣпыми, бѣсноватыми, хромыми, разслабленными и одержимыми разными недугами, ознаменовало незабвенный для Новгорода день 30 апрѣля 1558 г. (б). Въ это время войска Русскія осаждали Ливонскій городъ Ругодивъ (Нарву), и въ день открытія мощей многіе Ливонцы видѣли между русскими полками ѣздящаго по берегу Наровы

(б) О житіи святителя Никиты мы говорили въ IV главѣ 1-й книжки нашихъ «Разсказовъ» (1866). Мощи его открыто почиваютъ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, подъ аркою между придѣлами Рождества Богородицы и св. Богоотцевъ Іоакима и Анны. Великолѣпная серебряная рака устроена въ 1846 году усердіемъ графини А. А. Орловой-Чесменской. Въ соборной ризницѣ хранится облаченіе, неистлѣнно лежавшее 450 лѣтъ въ землѣ, на мощахъ св. Никиты: фелонь, омофоръ, епитрахиль, поручи и шапка.

мужа безбородаго [в], въ ризахъ святительскихъ, съ жезломъ и крестомъ. Между тѣмъ, въ Нарвѣ, нѣмецъ-пивоваръ бросилъ въ огонь, разведенный подъ котломъ, двѣ иконы, писанныя на липовыхъ доскахъ и похищенныя изъ Иваньгорода: на одной изъ нихъ изображена была Богоматерь съ божественнымъ младенцемъ, а на другой — угодники Божіи: Николай чудотворецъ, Власій, Козьма и Даміанъ. Внезапно поднялся сильный вѣтеръ, и пламя, разливаясь изъ подъ котла, объяло весь городъ; не только домы, но и стѣны и ворота сгорѣли, а войска Русскія вмѣстѣ съ жителями Иваньгорода, воспользовавшись смятеніемъ Нѣмцевъ, быстро переправились черезъ рѣку Нарову и овладѣли Ругодивомъ безъ приступа и стѣнобитныхъ орудій. Къ довершенію чуднаго событія, обѣ иконы, брошенныя въ огонь, найдены невредимыми въ пеплѣ на мѣстѣ пивоваренія [г].

Другимъ знаменіемъ милости Божіей было явленіе иконы Пресвятой Богородицы въ Казани. Въ 1579 г. девятилѣтняя дѣвочка, по имени Матрона, жившая съ матерью въ новопросвѣщенной столицѣ бывшаго татарскаго царства, видѣла во снѣ образъ Богоматери, при чемъ голосъ повелѣвалъ ей донести градоначальнику и архіерею, чтобъ открыли и взяли изъ земли св. икону, и указалъ самое мѣсто, гдѣ она была скрыта. Но Матрона, по свойственному дѣтямъ неразумѣнію

(в) Святитель Никита изображается на иконахъ безбородымъ.

(г) Въ житіи св. Никиты (Сборникъ библ. Сергіевой Лавры 1630 года № 673) говорится, что прославленіе св. мощей его обличило еретиковъ, послѣдователей Башкина и Ѳеодосія Косаго, отрицавшихъ воскресеніе мертвыхъ (лист. 371 обор.). Ту же мысль выражаетъ и Зиновій, ученикъ Максима грека, писавшій противъ ереси Косаго. Онъ говоритъ, что на обличеніе этой ереси прославлены чудесами мощи святителя Никиты и двѣ иконы въ Нарвѣ. (Истор. Русской церкви преосвящен. Филарета, изд. 1. Періодъ III, стр. 122).

и страху, боялась сначала открыть объ этомъ происшествіи, и уже спустя недѣлю разсказала матери о благодатномъ снѣ своемъ. Мать не обратила на разсказъ дочери должнаго вниманія и отнесла сонъ ея къ обыкновенной дѣтской грезѣ. Чрезъ нѣсколько времени тоже сновидѣніе повторилось во второй и и третіи разъ и уже съ угрозою. Святитель и воевода, къ которымъ обратилась Матрона и мать ея, не обратили вниманія на слова дѣвочки. Тогда, 8 іюля, около полудня мать Матроны пришла съ заступомъ на указанное дочерью мѣсто и начала копать землю. Долго копала она, но св. иконы не находила. Послѣ нея принялись копать землю сосѣди ея, собравшіеся толпою изъ любопытства, всегопали все мѣсто, но также ничего не находили Наконецъ, вмѣстѣ съ другими начала копать сама дѣвица Матрона въ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде находилась печь, и только что прорыла землю на поларшина, вдругъ явилась чудотворная икона Пресвятой Богородицы, съ предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, обвернутая въ ветхое сукно вишневаго цвѣта. Чуднымъ свѣтомъ сіяла святая икона, какъ будто недавно была изображена она, и прахъ земли, казалось, не коснулся ея! Дѣвица, съ благоговѣйнымъ страхомъ и невыразимою радостію, приняла на руки пречестную икону и поставила ее на томъ же мѣстѣ. Такое чудное знаменіе милости Божіей скоро сдѣлалось извѣстнымъ всему городу: хрістіане радовались и благодарили Бога, магометане дивились непонятной для нихъ силѣ Божіей (д). Св. икона, прославленная многими чудотво-

(д) «Сказаніе о явленіи и чудесахъ отъ иконы Богородицы Казанскія» написано въ 1594 году митрополитомъ Казанскимъ Гермогеномъ (въ послѣдствіи патріархомъ). Онъ былъ самовидецъ прославленія иконы еще въ санѣ священника. Автографъ «сказанія» сохраняется въ Моск. Синод. библ. подъ № 982. Тѣмъ же святителемъ писана и служба на 8 іюля.

реніями, была перенесена въ ближнюю церковь св. Николая, а царь Іоаннъ получивъ извѣстіе о чудномъ явленіи Казанской иконы Богородицы, повелѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ обрѣтена чудотворная икона, построить храмъ во имя Пресвятой Богородицы и основать женскій монастырь, приславъ на сооруженіе храма значительную сумму изъ собственныхъ царскихъ доходовъ и опредѣливъ въ тоже время выдавать деньги на содержаніе священнослужителей, игуменьи и сорока сестеръ [e].

Спустя нѣсколько лѣтъ на другомъ концѣ широкой Русской земли, усердная Заступница христіанъ даровала имъ свою помощь и предстательство. Это было въ древнемъ Псковѣ, осажденномъ Ляхами и Литвою, во время несчастной войны Іоанна съ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, однимъ изъ лучшихъ полководцевъ своего времени. Грозный царь имѣлъ огромныя рати въ полѣ, но мучимый непзъяснимымъ страхомъ, видя вездѣ мнимую измѣну, не рѣшался двинуть ихъ противъ врага. Во Псковѣ войскъ было не много, но доблестные воеводы укрѣпляли себя и воиновъ молитвою: духовенство города, воеводы, воины, граждане, съ крестами, чудотворными иконами и мощами св. князя Всеволода — Гавріила, обошли крестнымъ ходомъ вокругъ всѣхъ укрѣпленій. Они молились, да будетъ градъ св. Ольги неодолимою твердынею противъ враговъ, да спасется самъ и да спасетъ Россію. Вечеромъ увидѣли густыя облака пыли, которыя сильнымъ южнымъ вѣтромъ неслись къ городу. Ско-

---

(e) Богородицкій Казанскій 1-го класса монастырь принадлежитъ къ числу знаменитыхъ женскихъ обителей въ Россіи. Въ великолѣпномъ соборномъ храмѣ его, заложенномъ въ 1798, и освященномъ въ 1808 году, хранится чудотворная икона Богородицы, покрытая золотою ризою со множествомъ драгоцѣнныхъ камней. (Ист. Росс. Іер. III, стр. 382 — 385.)

ро явилась и рать непріятельская; она шла медленно, осторожно и стала вдоль рѣки Великой. Началась достопамятная осада Пскова (ж). Ждали приступа. Наканунѣ праздника Рождества Богородицы, дряхлый слѣпецъ Дороѳей, инокъ Покровскаго монастыря, что въ Углу, объявилъ воеводамъ бывшее ему видѣніе. Онъ говорилъ такъ: «Сидѣлъ я въ поздній вечеръ въ сѣняхъ келійцы своей и плакалъ о горестномъ положеніи нашего города. Вдругъ вижу померкшими своими очами, будто свѣтъ великій простирается отъ печерскаго монастыря, чрезъ Великую рѣку, къ городу Пскову и въ томъ свѣтѣ шествуетъ по воздуху сама Пресвятая Владычица наша Богородица. Подъ лѣвую руку поддерживаетъ Ее преподобный отецъ Антоній, Кіевскій пещероначальникъ, а подъ правую нашъ блаженный Корнилій, игуменъ печерскій. Перешедши чрезъ градскую стѣну, Она вошла въ нашу Покровскую церковь. Потомъ вышедши изъ нея, вмѣстѣ съ преподобнымъ Корниліемъ, Пречистая Богородица стала на стѣнѣ близь Покровской башни. Здѣсь предстали предъ Нею святитель Ипфонтъ, строитель Мирожскаго монастыря, благоговѣрные князья Всеволодъ—Гавріилъ и Довмонтъ—Тимоѳей и преподобные Евфросинъ и Савва игумены, а сзади ихъ сталъ блаженный Никола Салосъ. Всѣ они поклонились Пречистой Богородицѣ, а Она, смотря на градъ, какъ бы съ гнѣвомъ сказала: «о злые человѣки града сего! прогнѣвали вы Сына Моего, Господа и Бога, и осодомили градъ сей скверными дѣлами своими. И нынѣ пришла на васъ туча и бѣда великая». Тогда игумены Корнилій, Евфросинъ и Савва, съ блаженнымъ

(ж) Во Псковѣ было до 30.000 защитниковъ; но этого войска было не достаточно по обширности городовыхъ укрѣпленій. Рать Баторія простиралась до 100 тысячъ. А между тѣмъ болѣе 200 тысячъ Русскихъ войскъ стояло въ бездѣйствіи въ Новгородѣ, Ржевѣ и Волокѣ Ламскомъ.

Николою, пали передъ Нею со слезами и сказали: «О Пресвятая Владычица Богородица! великъ грѣхъ ихъ и беззаконіе, но не прогнѣвайся на нихъ до конца и помолись Сыну Твоему и Богу нашему за градъ сей и за народъ согрѣшившій». Потомъ всѣ и благовѣрные князья припали къ ногамъ Владычицы Богородицы, а Она обратясь къ тому мѣсту, гдѣ я сидѣлъ, сказала мнѣ: «старче! иди скорѣе, возвѣсти боголюбивымъ воеводамъ, Печерскому игумену и всему народу, чтобы прилежно и непрестанно молили Господа Бога; завтра пусть стерегутъ это мѣсто, пусть принесутъ сюда старый мой образъ Печерскій и св. хоругви, пусть поставятъ здѣсь пушки и направятъ ихъ на шатры королевскіе. Всему народу вели плакаться о грѣхахъ своихъ, и Я буду молить Сына Моего и Бога за ваши согрѣшенія». Послѣ сихъ словъ Пресв. Богородицы все видѣніе исчезло въ очахъ моихъ. Я снова очутился въ прежней темнотѣ, и поспѣшилъ—повѣдать дивное видѣніе, посланное мнѣ грѣшному и недостойному».

Наутро начался приступъ и именно на томъ мѣстѣ города, которое было указано въ видѣніи Дороѳею. Отъ дѣйствія тяжелыхъ орудій вражескихъ образовался проломъ въ стѣнѣ, близъ Свинорской и Покровской башенъ, и въ этомъ проломѣ закипѣла страшная сѣча. Не одни воины защищали городъ, но и всѣ граждане, способные носить оружіе, простились съ женами, благословили дѣтей и стали вмѣстѣ съ воинами, между развалинами каменной стѣны и новою деревянною, еще недостроенною. Дряхлые старцы, женщины и дѣти собрались въ соборный храмъ, гдѣ Печерскій игуменъ Тихонъ и священники усердно молились. При страшномъ извѣстіи о приступѣ и проломѣ, всѣ молящіеся зарыдали воплемъ отчаянія. По словамъ лѣтописца, они «весь полъ храма омыли слезами». Чрезъ нѣсколько часовъ враги завладѣли обѣими башнями и ворвались въ южную часть города. Градъ

пуль сыпался на осажденныхъ, слабѣющихъ, тѣснимыхъ. Уже они изнемогали и начали отступать шагъ за шагомъ. Но мгновенно измѣняется ужасная картина. Изъ Кремля идетъ духовенство съ чудотворною иконою Печерской, съ мощами св. князя Всеволода — Гавріила, съ крестами и хоругвями. Подъ выстрѣлами непріятеля, посреди кровавой сѣчи раздаются звуки молебствія. Утомленные защитники города одушевились вѣрою, упованіемъ и мужествомъ. Они стали непоколебимо. Вдругъ Свиноръская башня, подъ которою заранѣе подложенъ былъ порохъ, потрясенная пушками, взлетѣла на воздухъ съ королевскими знаменами. Весь ровъ наполнился трупами враговъ, а на помощь къ осажденнымъ приспѣли свѣжія дружины, изъ другихъ частей города. Ужасъ овладѣлъ врагами, а вѣрные псковичи твердо сомкнулись, двинулись впередъ съ крикомъ: «Умремъ за Христову вѣру! Богородицу и св. Гавріила не выдадимъ!» Дружнымъ натискомъ они смяли изумленныхъ непріятелей, вытѣснили изъ пролома и погнали въ поле. Дольше другихъ держались Венгерцы, засѣвъ въ Покровской башнѣ; ихъ выгнали огнемъ и мечемъ. Еще кровь лилась до вечера, но уже внѣ города, гдѣ оставались только больные, старцы и дѣти. Самыя женщины помогали отцамъ и братьямъ: нѣкоторыя изъ нихъ тащили на веревкахъ въ Кремль пушки, брошенныя бѣгущимъ непріятелемъ, другія приносили холодную воду, чтобы освѣжить сражающихся, изнуренныхъ жаждою. Поздняя ночь положила предѣлъ кровопролитію. Съ трофеями побѣды, знаменами, трубами Литовскими и множествомъ плѣнныхъ, возвратились побѣдители въ городъ, воздать хвалу Богу въ храмѣ св. Троицы. Тамъ главный воевода князь Иванъ Петровичъ Шуйскій сказалъ воинамъ и всему народу: «Вотъ, братіе, миновалъ для насъ первый день печали и веселія, трудовъ и мужества. Совершимъ, какъ начали. Сильные враги наши пали, а мы

немощные препоясались силою. Гордый исполинъ лишился хлѣба, а мы алчущіе милосердія Божія исполнились благъ. Будемъ готовы умереть за церковь и за царя, не измѣнимъ ни лукавствомъ, ни малодушіемъ». Воины и граждане отвѣчали ему со слезами умиленія: «мы готовы умереть за вѣру Христову! какъ начали, такъ и довершимъ, съ Богомъ, безъ всякой хитрости» [3]. Послѣ достопамятнаго побоища 8 сентября 1581 года, уже не было другаго приступа къ Пскову, но битвы возобновлялись. Морозы и недостатокъ продовольствія принудили враговъ снять осаду.

Такъ, по вѣрѣ и молитвѣ Псковитянъ, спасенъ древній городъ св. Ольги! Въ тоже время Матерь Божія, чудно сохранила отъ враговъ свою Печерскую обитель. Мимо монастыря нерѣдко проходили обозы, отправляемые Баторіемъ въ Литву съ награбленнымъ имѣніемъ и Русскими плѣнниками. Въ октябрѣ одинъ изъ такихъ обозовъ, состоявшій изъ 30 подводъ, былъ остановленъ людьми, бывшими въ монастырѣ, которые разсѣяли польскую стражу, а имѣніе все взяли и привезли въ монастырь. Ободренные этимъ успѣхомъ, защитники обители на другой день разбили польскій отрядъ изъ

---

(3) Видѣніе Дороѳея было написано на иконѣ, которую воеводы прислали къ царю, а царь, обложивъ ее золотомъ и жемчугомъ, возвратилъ во Псковъ и повелѣлъ поставить храмовою въ церкви Покровскаго монастыря, получившаго прозваніе «у пролома». Эта Покровская церковь, построенная въ XV вѣкѣ, малая, съ четырьмя столпами внутри и съ множествомъ голосниковъ въ сводахъ, уцѣлѣла до нашего времени, хотя монастырь давно уже упраздненъ. Подлѣ нея стоитъ Покровская башня, сохранившаяся въ прежнемъ видѣ. За ручьемъ Свиторскимъ, обнимающимъ южную стѣну города, разстилается поляна—мѣсто избіенія враговъ бѣгущихъ, до слободы Выползовой, а за этою слободою возвышается Никитская колокольня, съ которой Баторій смотрѣлъ на приступъ. Списокъ съ Покровской иконы находится въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

300 человѣкъ, отняли плѣнныхъ и богатую добычу. Озлобленный сопротивленіемъ, Баторій послалъ войско осаждать обитель. Осада началась приступомъ съ восточной и южной стороны монастыря; монахи съ небольшимъ числомъ воиновъ и поселянами, бывшими въ то время въ монастырѣ, твердо стали на стѣнахъ и бились съ непріятелемъ отъ 3 часа дня до самой ночи. Приступъ былъ отраженъ, одинъ изъ военачальниковъ Баторія раненъ, а другой вмѣстѣ съ многими воинами взятъ въ плѣнъ.

Знаменитая осада Печерскаго монастыря продолжалась болѣе двухъ мѣсяцевъ, и окончилась перемиріемъ, заключеннымъ между Россіею и Польшею. Во время осады, неустрашимые защитники обители, подкрѣпляемые многими чудесными опытами заступленія Божіей Матери, безстрашно отражали всѣ нападенія непріятелей, и не смотря на недостатокъ продовольствія, на моръ и заразительныя болѣзни, не хотѣли слышать о сдачѣ обители. Чудесное спасеніе Печерскаго монастыря отъ враговъ прославило эту обитель не только между христіанами всей Русской земли, но и въ чужихъ странахъ и между невѣрными [н].

(н) По увѣренію лѣтописца, сами Ляхи и Нѣмцы Баторіевы удивлялись, какъ эта малая крѣпостца, защищаемая монахами, служителями и поселянами, подъ управленіемъ молодаго и неопытнаго начальника Юрія Нечаева, могла ускользнуть отъ рукъ ихъ, и какъ они не одолѣли ея. Тотъ же лѣтописецъ разказываетъ со словъ Козьмы Ляпунова, бывшаго въ то время въ плѣну у Турокъ, что султанъ Амуратъ-Селимъ, услышавъ о неудачныхъ приступахъ короля Стефана, сказалъ: «како сей несмысленный не соодолѣ безлюдному граду Пскову и монастырю Печерскому, не имущему войска?»—Въ благодарность Богу-избавителю и въ память для потомства, учрежденъ крестный ходъ изъ монастыря съ чудотворными иконами во Псковъ въ седьмую недѣлю по пасхѣ.

Война кончилась постыдным договором съ Ляхами [i], который заключенъ при посредничествѣ папскаго посла, Антонія Поссевина. Хитрый іезуитъ имѣлъ цѣлію не примиреніе враждующихъ, а подчиненіе Русской церкви папскому престолу, и папа Григорій XIII питалъ большую надежду на успѣхъ посольства, потому что самъ царь просилъ папу усовѣстить Баторія, союзника султана, и обѣщалъ, вмѣстѣ съ другими государями ополчиться противъ турокъ и быть въ непрестанныхъ, дружественныхъ спошеніяхъ съ Римомъ [k]. Но надежды папы и старанія Поссевина не увѣнчались успѣхомъ: Іоаннъ оказалъ всю природную гибкость ума своего, ловкость и благоразуміе, которымъ и самъ іезуитъ долженъ былъ отдать справедливость, благодарилъ за услугу (которая впрочемъ, не стоила благодарности), обѣщалъ свободу и покровительство священникамъ латинскимъ въ Русской землѣ, честилъ и льстилъ Римскаго посла, но отринулъ домогательство о позволеніи строить на Руси церкви, отклонилъ споры о вѣрѣ и соединеніи Церквей на основаніи правилъ Флорентійскаго собора, и не увлекся мечтательнымъ обѣщаніемъ пріобрѣтенія не только Кіева, но и всей имперіи Византійской, утраченной Греками будто бы за отступленіе отъ Рима. Царь спокойно отвѣчалъ: «мы никогда не писали къ папѣ о вѣрѣ, я и съ тобою не хотѣлъ бы говорить объ ней: вопервыхъ опасаюсь уязвить твое сердце какимъ нибудь

(i) При заключеніи перемирія съ Баторіемъ на 10 лѣтъ, Іоаннъ уступилъ всю Ливонію и Полоцкъ съ Велижемъ. Но еслибы врагамъ удалось завладѣть Псковомъ, царь неминуемо лишился бы всей Сѣверской земли, Смоленска и можетъ быть даже Новгорода. (Карамз. Истор. IX, стр. 206).

(k) Съ просьбою о посредничествѣ былъ отправленъ къ папѣ гонецъ Шевригинъ, но Григорій XIII еще прежде собирался отправить посольство въ Москву для совѣщаній о соединеніи Церквей.

жесткимъ словомъ; вовторыхъ, занимаюсь единственно мірскими, государственными дѣлами, не толкую церковнаго ученія, которое есть дѣло нашего отца и богомольца, митрополита; ты говоришь смѣло, ибо ты попъ и для того пріѣхалъ сюда изъ Рима. Греки же для насъ не Евангеліе: мы вѣримъ Христу, а не Грекамъ. Что касается до Восточной имперіи, то знай, что я доволенъ своимъ и не желаю никакихъ новыхъ государствъ въ семъ земномъ свѣтѣ, желаю только милости Божіей въ будущемъ». Въ отвѣтъ на папскую грамоту, Іоаннъ снова изъявлялъ готовность участвовать въ союзѣ христіанскихъ державъ противъ турокъ, но ни слова не сказалъ о соединеніи Церквей. Этимъ пресѣклись сношенія Рима съ Москвою, безполезныя для обѣихъ сторонъ, потому что не ходатайство папы, а доблесть воеводъ Псковскихъ побудила Баторія къ умѣренности послѣ выгодной для него войны.

Но война еще не была прекращена, а страшная кара Божія совершилась надъ мучителемъ, къ ужасу современниковъ и потомства. Въ старшемъ, любимомъ сынѣ своемъ, Іоаннѣ, Царь готовилъ Россіи втораго себя: вмѣстѣ съ нимъ занимаясь дѣлами важными, присутствуя въ Думѣ, объѣзжая государство, вмѣстѣ съ нимъ и сластолюбствовалъ и губилъ людей. Но изъявляя страшное въ юности ожесточеніе сердца и необузданность въ любострастіи, царевичъ оказывалъ умъ въ дѣлахъ и чувствительность къ славѣ или хотя къ безславію отечества. Во время переговоровъ о мирѣ, страдая за Россію, читая горесть на лицахъ бояръ, слыша, можетъ быть, всеобщій ропотъ, царевичъ пришелъ къ отцу и просилъ дозволенія стать во главѣ ратей Русскихъ, изгнать непріятеля, освободить Псковъ, возстановить честь Россіи.— Іоаннъ въ волненіи гнѣва закричалъ: «Мятежникъ! Ты вмѣстѣ съ боярами хочешь свергнуть меня съ престола!» И поразилъ сына въ голову острымъ жезломъ своимъ. Царевичъ упалъ, обливаясь

кровью. Внезапно исчезла ярость Грознаго царя. Помертвѣлый отъ ужаса, въ трепетѣ, въ изступленіи, онъ закричалъ: «Я убилъ сына, Богъ покаралъ меня, я убилъ его!» Онъ кинулся на землю, обнималъ, цѣловалъ царевича, старался удерживать кровь, струящуюся изъ глубокой раны, плакалъ, рыдалъ, молилъ Бога о милосердіи, звалъ лекарей иноземныхъ. Но судъ небесный уже совершился! Царевичъ Іоаннъ, спустя 4 дня, скончался въ ужасной слободѣ Александровской (л). Тамъ, гдѣ потоками лилась кровь невинная, Грозный

(л) Несчастный царевичъ, еще въ 1570 году какъ бы предчувствовалъ, что ему не долго жить при такомъ отцѣ, каковъ Грозный царь, и онъ «пожаловалъ въ домъ Пречистой и чудотворца Кирилла (т. е. Кириловъ Бѣлозерскій монастырь) тысячу рублей.... ино похочетъ постричися, царевича князя Ивана постричи за тотъ вкладъ, а если, по грѣхамъ, царевича не станетъ, то и поминати.» Въ сборникахъ библ. общ. ист. и древн. №№ 39, 40, помѣщены: а) служба преп. Антонію Сійскому, «описана «Иваномъ Русиномъ, отъ рода Варяжска» въ лѣто 7086 (1578)»; б) «житіе и подвиги аввы Антонія чудотворца.. . переписано бысть многогрѣшнымъ Иваномъ во второе по первомъ писатели»; в) похвальное слово преп Антонію того же сочинителя, царевича Іоанна, написанное въ 1580 г. Въ послѣсловіи царевичъ пишетъ, что при митрополитѣ Антоніѣ, Сійскій игуменъ Питиримъ и ученикъ преп. Антонія Филоѳей приходили въ Москву просить объ установленіи празднованія преп. Антонію, и соборъ повелѣлъ праздновать, и что тогда же просили его, царевича, написать канонъ преп. Антонію. Далѣе царевичъ называетъ Филоѳея первымъ писателемъ житія преп. Антонія и объ этомъ жизнеописаніи замѣчаетъ: «зѣло убо суще въ легкости написано». «Послѣ канона, говоритъ онъ, написалъ я и житіе; архіеп. Александръ убѣдилъ написать и похвальное слово». Царевичъ упоминаетъ еще, что преп. Антоній приходилъ въ Москву къ родителямъ его и весьма любилъ ихъ духовно; особенно любилъ его мать, т.-е добродѣтельную Анастасію. Эта-то любовь угодника Божія и заставила царевича описать жизнь его. Такимъ образомъ царевичемъ Іоанномъ сочинены служба и похвальное слово преп. Антонію. Что касается до житія, то, при со-

царь, обагренный кровію сына, неподвижно, въ страшномъ оцѣпенѣніи, сидѣлъ у трупа нѣсколько дней и ночей безъ пищи и сна. Съ тѣхъ поръ никто не видалъ уже веселой улыбки на лицѣ царя. Силы тѣлесныя изнемогли. Онъ тосковалъ ужасно, не зналъ тихаго сна. Ночью какъбы окруженный привидѣніями, онъ вскакивалъ съ постели, звалъ убитаго сына, стоналъ, вопилъ; утихалъ только къ утру отъ изнуренія силъ, забывался въ минутной дремотѣ, на полу, гдѣ клали для него тюфякъ и изголовье. Онъ ждалъ и боялся дневнаго свѣта, боялся видѣть людей и показать имъ на лицѣ своемъ муку сыноубійцы — страшное предвкушеніе адской муки!

Ни прекращеніе тяжкой и опасной войны съ Баторіемъ, ни успѣхи Ермака въ завоеваніи Сибири (м), не могли возвратить спокойствіе Грозному. Онъ медленно угасалъ, какъ багровое солнце въ тучахъ. Въ часъ кончины, митрополитъ Діонисій постригъ государя, и уже не грозный царь Іоаннъ, а смиренный инокъ Іона предалъ духъ свой Всевышнему Судіи страшныхъ дѣлъ его (18 марта 1584 года)!

Здѣсь не мѣсто изображать характеръ Грознаго царя и судить о послѣдствіяхъ его царствованія. Но не можемъ умолчать объ одной замѣчательной особенности: непрестанно обуреваемый страстями неукротимыми, необузданный въ кровопролитіи и мерзостномъ сластолюбіи, Іоаннъ сохранилъ до конца жизни усердіе къ обрядамъ церкви и благолѣпію храмовъ.— Такъ онъ приносилъ великолѣпные вклады въ нѣкоторые, особенно любимые имъ монастыри, не почитая грѣхомъ святотатствовать въ опустошаемыхъ имъ городахъ и

чиненіи его, имѣлъ ли онъ въ виду жизнеописаніе іеромонаха Іопы 1579 г., онъ не говоритъ о томъ, а пишетъ, что дополнялъ краткія записки.

(м) О завоеваніи Сибири мы будемъ говорить при учрежденіи Сибирской епархіи.

жертвовать награбленное въ другія церкви и обители. Имена погубленныхъ имъ онъ вносилъ въ синодики и на поминовеніе ихъ щедро разсылалъ золото [н], почиталъ своимъ долгомъ заботиться о порядкѣ и благочиніи иноческой жизни и писалъ строгія обличенія по монастырямъ [о]. Слогъ его отличается твердостью, чистотою языка и ѣдкостью ироніи, но обличаетъ тревожный духъ и отсутствіе теплоты душевной. Обладая обширною начитанностію и отличною памятью, Грозный царь любилъ употреблять выраженія изъ св. Писанія и твореній отцевъ, также примѣры изъ исторіи церковной и гражданской [п], любилъ составлять пѣснопѣнія церковныя [р].

(н) Синодики, въ которыхъ записаны имена жертвъ Іоанновой лютости, сохранились въ Сергіевой Лаврѣ, въ Никитскомъ Переславскомъ, Кирилловѣ и другихъ монастыряхъ. При многочисленности убійствъ, иногда видимъ не имена, а только счетъ убіенныхъ, съ прибавкою словъ: «ихже имена Ты вѣси, Господи!» За упокой значительныхъ лицъ, вклады были крупнѣе прочихъ. Послѣ смерти царевича Іоанна, на поминовеніе души его послано къ четыремъ патріархамъ вселенскимъ до 20 тысячъ червонцевъ, кромѣ вкладовъ въ монастыри Русскіе.

(о) Особенно замѣчательно посланіе къ братіи Кириллова монастыря, напечатанное въ Ист. Росс. Іер. IV, стр. 421 — 479.

(п) Въ письмахъ къ изгнаннику князю Курбскому.

(р) Въ двухъ крюковыхъ стихираряхъ начала XVII в., изъ которыхъ одинъ находится въ библ. Сергіевой Лавры (№ 428), а другой въ библіотекѣ Моск. Дух. Академіи (№ 78), читаемъ двѣ стихиры св. Петру митрополиту (21 декабря) на Господи возвахъ, съ надписью: «твореніе царя Іоанна деспота Російскаго»; двѣ стихиры емуже «на исхожденіи» (т. е. на литіи) съ надписью: «твореніе царя и в. к. Іоанна Васильевича всея Росіи», и двѣ стихиры на срѣтеніе «Пречистой владимерской» (26 августа). Для примѣра приводимъ одну изъ послѣднихъ: Слава и нынѣ гласъ 6-й. «Вострубите трубою пѣсней во благонарочитомъ дни праздника нашего и тьмы разрушеніе и свѣту пришествіе паче солнца возсіявшу во всѣхъ, се бо царица и владычица Богородица, мати Творца всѣхъ Христа Бога нашего,

Наслѣдникомъ царства былъ Ѳеодоръ, вторый сынъ отъ перваго брака царскаго, добрый сердцемъ, но слабый способностями ума и тѣлеснымъ здоровьемъ. Другой царевичъ, еще младенецъ, Димитрій, рожденный отъ послѣдняго (шестаго или седьмаго) супружества грознаго царя, получилъ въ удѣлъ Угличъ, куда и отправился съ матерью, царицею Маріею, изъ рода Нагихъ.

услышавши моленіе недостойныхъ рабъ своихъ, на милосердіе преклоняется и милостивно невидимо руцѣ простирающи къ сыну си и Богу нашему, молитву о всей руси предлагающи и согрѣшеніемъ свобожденіе даровати молящися и праведное его прощеніе возвратити. О великая милосердіемъ владычице! О великая щедротами царице! О великая заступленіемъ богородице! Како убо молящи сына своего и Бога нашего, пришествіемъ честнаго образа градъ и веси избавляющи, яко да воспоимъ царицѣ царя рождшей: радуйся, христіаномъ милости и щедротъ промышленіе. Радуйся къ тебѣ прибѣгающимъ пристанище и заступленіе и избавленіе и спасеніе наше. (Стихирарь Лавр. л. 222—226). — Молитвенное посланіе, писанное царемъ Іоанномъ, въ 1575 году, къ св. страстотерпцамъ князю Михаилу черниговскому и боярину его Ѳеодору, предъ перенесеніемъ мощей ихъ изъ Чернигова въ Москву, напечатано въ Памятник. Моск. древн. прилож. стр. 4. Оно очень краснорѣчиво.

ГЛАВА IV.

Царь Ѳеодоръ и правитель Борисъ Годуновъ.— Установленіе патріаршества.— Права и преимущества патріарха.— Убіеніе царевича Димитрія.— Прославленіе мощей преп. Антонія Римлянина и св. князя Романа Угличскаго.— Крымскій ханъ подъ Москвою.— Достопамятное слово Ѳеодора Годунову.—Бѣдствіе Нижегородскаго Печерскаго монастыря.—Кончина Ѳеодора.— Воцареніе Бориса.

Послѣ ужасной грозы Іоанновой, внезапно наступило время мира и всеобщаго благоденствія. Дворъ царскій не представлялъ уже страшной и отвратительной картины свирѣпства и разврата неслыханнаго; напротивъ того юный вѣнценосецъ былъ для подданныхъ образцемъ кротости, сострадательности, искренней набожности, цѣломудрія и тихой семейной жизни.

Царь Ѳеодоръ, рожденный отъ перваго брака царя Іоанна Васильевича, былъ слабъ душею и тѣломъ. Не одаренный отъ природы способностію къ труду, почти постоянно больной, онъ уклонялся отъ всѣхъ дѣлъ государственныхъ. По словамъ современниковъ, Ѳеодоръ вставалъ обыкновенно въ четыре часа утра, и ждалъ духовника въ спальнѣ, наполненной иконами, освѣщенной днемъ и ночью лампадами. Духовникъ

приходилъ къ нему съ крестомъ, благословеніемъ, святою водою и съ иконою Угодника Божія, празднуемаго въ тотъ день Церковію. Государь кланялся до земли, молился вслухъ минутъ десять или болѣе; шелъ къ царицѣ и вмѣстѣ съ нею къ утренѣ; возвратясь садился на креслахъ въ большой горницѣ, гдѣ привѣтствовали его съ добрымъ днемъ нѣкоторые ближніе люди и монахи; въ 9 часовъ ходилъ къ литургіи, въ 11 обѣдалъ; послѣ обѣда спалъ не менѣе трехъ часовъ; ходилъ опять въ церковь къ вечернѣ, и все остальное время до ужина проводилъ съ царицею, съ шутами и съ карлами, смотря на ихъ кривлянья или слушая пѣсни — иногда же любуясь работою своихъ ювелировъ, золотарей, швецовъ, живописцевъ; почью, готовясь ко сну, опять долго молился съ духовникомъ и ложился съ его благословеніемъ. Онъ любилъ пышность и благолѣпіе обрядовъ церковныхъ, любилъ звонъ колоколовъ, всякую недѣлю посѣщалъ монастыри въ окрестностяхъ столицы, иногда забавлялся медвѣжьею травлею. Случалось, что челобитчики окружали Ѳеодора при выходѣ изъ дворца: «избывая мірскія суеты и докуки», онъ не хотѣлъ слушать ихъ и посылалъ къ правителю.

Кто же былъ этотъ правитель, облеченный, при жизни царя, неограниченною царскою властію? Грозный самодержецъ, ясно сознавая неспособность своего преемника, назначилъ ему совѣтниками «и блюстителями державы» пятерыхъ знаменитыхъ вельможъ [а]; но одинъ изъ нихъ, ближайшій

(а) Князя Ивана Мстиславскаго, сына родной племянницы в. к. Василія и слѣд. двоюроднаго брата царя Іоанна, человѣка безхарактернаго и неспособнаго; князя Ивана Петровича Шуйскаго, прославившагося защитою Пскова и другими отважными дѣлами воинскими; Никиту Романовича Юрьева, чтимаго народомъ брата незабвенной царицы Анастасіи, какъ вельможу благодушнаго, сохранившаго себя чистымъ отъ всякаго зла, даже въ бѣдственную эпоху кровопійства; Бѣльскаго, хитраго и

къ новому царю, по родству и дружбѣ, Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ умѣлъ отстранить нѣкоторыхъ изъ нихъ и вполнѣ подчинить себѣ остальныхъ.

Не только важное значеніе Годунова при жизни послѣдняго царя изъ рода князей Варяжскихъ и по пресѣченіи царскаго рода, но и вліяніе дѣлъ его на послѣдующія судьбы Русской Церкви и государства заставляютъ насъ ознакомиться ближе съ этою необыкновенною личностью. Борисъ находился тогда въ полномъ цвѣтѣ жизни, въ полнотѣ силъ душевной и тѣлесной, имѣя 32 года отъ рожденія. Величественною красотою, повелительнымъ видомъ, смысломъ быстрымъ и глубокимъ, сладкорѣчіемъ обольстительнымъ превосходя всѣхъ вельможъ (какъ говоритъ лѣтописецъ), Борисъ хотѣлъ и умѣлъ благотворить, но единственно изъ любви къ славѣ и власти; видѣлъ въ добродѣтели не цѣль, а средство къ достиженію цѣли. Если бы онъ родился на престолѣ, то заслужилъ бы имя одного изъ лучшихъ вѣнценосцевъ въ мірѣ; но рожденный подданнымъ, съ необузданною страстію къ господству, не могъ одолѣть искушеній, тамъ, гдѣ зло казалось для него выгодою — и проклятіе вѣковъ заглушаетъ въ исторіи добрую славу Борисову. Блистая умомъ въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики, всегда осторожной и миролюбивой, Борисъ спокойно благоустроялъ Русское царство, старался казаться безпристрастнымъ, но всегда готовъ былъ жертвовать тѣми, которыхъ считалъ своими врагами, не затрудняясь ни знатностію ихъ, ни важными заслугами государственными[6].

гибкаго любимца Грознаго царя и наконецъ Бориса Годунова, шурина царя Ѳеодора (роднаго брата царицы Ирины).

б) Вотъ примѣръ, какъ умѣлъ Годуновъ оберегать себя. Открыто было намѣреніе митрополита Діонисія и князей Шуйскихъ, съ многими участниками, ударить челомъ Ѳеодору, чтобы онъ развелся съ неплодною супругою, отпустивъ ее, какъ вторую Соломонію, въ монастырь, и взявъ другую, дабы имѣть наслѣд-

Въ глазахъ Россіи и всѣхъ, сносившихся тогда съ Москвою, державъ, онъ стоялъ на высшей степени величія, какъ полный властелинъ царства, не видя вокругъ себя ничего, кромѣ слугъ безмолвныхъ, или громко славословящихъ его высокія достоинства, не только во дворцѣ кремлевскомъ, въ ближнихъ и въ дальнихъ краяхъ Россіи, но и внѣ ея, предъ государями и министрами иноземными, получая на свое имя грамоты и дары отъ союзныхъ вѣнценосцевъ. Всѣ видѣли въ немъ правителя царства и притомъ «правителя изряднаго» (т. е. превосходнаго, выходящаго изъ ряда правителей обыкновенныхъ).

Въ то время, когда всѣ дѣла внутреннія и внѣшнія зависѣли вполнѣ отъ правителя Годунова, только одно важное дѣло должно быть приписано собственному желанію царя Ѳеодора: это учрежденіе патріаршества Московскаго и всея Россіи. Со временъ св. Владиміра до царя Ѳеодора, Русская іерархія не искала чести равенства съ древними патріаршими престолами востока: Византія державная, гордая не согласи

никовъ, необходимыхъ для спокойствія державы. Это моленіе, будто бы внушаемое опасеніемъ видѣть конецъ Рюрикова племени на тронѣ, хотѣли подкрѣпить волненіемъ черни. Выбрали, какъ пишутъ, и невѣсту, княжну Мстиславскую. Борисъ успѣлъ захватить заговоръ въ самомъ началѣ: княжна Мстиславская была пострижена; изъ враждебнаго рода Шуйскихъ бояринъ князь Андрей сосланъ въ Каргополь и тамъ уморенъ, а знаменитый князь Иванъ Петровичъ удаленъ въ Бѣлозерскую обитель преп. Кирилла и вскорѣ удавленъ: спаситель Пскова, мужъ безсмертный въ исторіи, предалъ позорной петлѣ свою голову, увѣнчанную лаврами, въ одной изъ монастырскихъ башенъ, извѣстной подъ названіемъ «мѣшка»! Митрополитъ Діонисій лишенъ престола (какъ кажется, безъ суда) и заточенъ въ Новгородскій Хутынскій монастырь. Вмѣсто его возведенъ на первосвятительскую каѳедру Ростовскій архіепископъ Іовъ, пастырь добродушный, искренно преданный Годунову.

лась бы на равенство своей іерархіи съ Кіевскою или Московскою; Византія, раба Оттомановъ, не отказала бы въ томъ Іоанну III, сыну и внуку его. Русская митрополія, въ послѣднее время, почти не зависѣла отъ Царьграда; Русскаго первосвятителя, съ половины XVI столѣтія, называли «святѣйшимъ» и отличали особеннымъ уваженіемъ, какъ предстоятеля Церкви обширной, наслаждавшейся благоденствіемъ. Естественно, что благочестивый царь Ѳеодоръ, услаждавшій душу свою только дѣлами набожности и благочиніемъ церковныхъ обрядовъ, желалъ почтить митрополита всея Россіи саномъ патріарха.—Къ тому же надежда найдти въ Русскомъ патріархѣ защиту православію, угнетенному на востокѣ игомъ мусульманства, а съ запада тѣснимому папизмомъ, также располагала желать возвышенія сана для Русскаго митрополита.

Въ 1586 году прибылъ въ Москву, за милостынею, Антіохійскій патріархъ Іоакимъ. Благочестивый царь предложилъ собору святителей и боярской думѣ свое желаніе объ учрежденіи патріаршескаго достоинства въ Русскомъ царствѣ [в]. Годунову поручено совѣтываться о томъ съ Антіохійскимъ іерархомъ. Іоакимъ, соглашаясь съ мыслями благочестиваго царя, обѣщалъ предложить это дѣло собору патріарховъ.

(в) Соборъ, одобривъ желаніе царское, говорилъ: «благочестивый царю! аще восхощетъ благочестивая ти держава, да возвѣстится о семъ писаніе вселенскимъ четыремъ патріархамъ. Понеже благочестивая ти держава и мы всѣ имѣемъ сихъ яко столпы благочестію, аще и во области поганыхъ суть, но святая, якоже рече писаніе, николи же осквернена бываютъ». Къ тому же, говорилъ еще соборъ. пусть не думаютъ другіе народы. особенно же пишущіе противъ святой нашей вѣры латинскіе и прочіе еретики, что въ царственномъ градѣ Москвѣ патріаршій престолъ устроился только одною царскою волею и проч. (Допол. къ ист. акт. II, стр. 191 и 192).

На слѣдующій годъ полученъ былъ отвѣтъ изъ Константинополя, что патріархи Цареградскій и Антіохійскій согласны съ желаніемъ царя и что они послали за Александрійскимъ и Іерусалимскимъ для совѣщанія и рѣшенія соборнаго, положивъ отправить въ Россію патріарха Іерусалимскаго. Но нужды Церкви Цареградской потребовали, чтобы отправился въ Россію не четвертый, а первенствующій между патріархами, патріархъ Константинопольскій, къ области котораго издревле принадлежала Церковь Русская. Въ іюлѣ 1588 года прибылъ въ Москву святѣйшій Іеремія, пастырь знаменитый какъ просвѣщеніемъ, такъ и страданіями за Церковь. Вся Москва была въ радостномъ волненіи, когда первенствующій святитель православнаго христіанства, благословляя народъ и душевно умиляясь его радостнымъ привѣтствіемъ, ѣхалъ на осляти къ царю по стогнамъ Московскимъ; за нимъ ѣхали на коняхъ митрополитъ Монемвасійскій (или Мальвазійскій) Іероѳей и архіепископъ Элассонскій Арсеній. Когда они вошли въ Златую палату, Ѳеодоръ всталъ, чтобы встрѣтить Іеремію въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трона; посадилъ близъ себя, съ любовію принялъ дары его: икону съ памятниками страстей Господнихъ, съ каплями Христовой крови, съ мощами св. царя Константина—и велѣлъ Борису Годунову бесѣдовать съ нимъ наединѣ. Патріархъ передалъ правителю свою исторію. Главною причиною бѣдствій, говорилъ патріархъ, былъ одинъ отступникъ Грекъ, который, промѣнявъ вѣру на выгоду земную, донесъ султану, будто Іеремія богатъ, будто храмъ его владѣетъ сокровищами, которымъ нѣтъ цѣны; къ тому же другой искалъ почести, отъ которой Іеремія готовился отказаться за старостію. Султанъ нарушилъ обѣщаніе Магомета II, давшаго за себя и преемниковъ клятву не вступаться въ дѣла христіанства и велѣлъ Ософилту быть патріархомъ безъ соборнаго опредѣленія.— Іеремія смѣло напомнилъ черезъ

пашей о клятвѣ султана, и султанъ сослалъ его на островъ Родосъ, гдѣ пробылъ онъ четыре года. Амуратъ отставилъ и Ѳеолипта, ограбилъ церковь Божію, превратилъ патріаршій храмъ въ мечеть, и возвратилъ Іеремію изъ заточенія къ новымъ скорбямъ. «Обливаясь слезами, заключилъ патріархъ, вымолилъ я у Амурата позволеніе ѣхать въ христіанскія земли для милостыни, чтобы построить новый храмъ истинному Богу. Слышавъ о такомъ благочестивомъ царѣ, пришелъ я сюда, чтобы помогъ намъ царь въ нашихъ скорбяхъ».—За тѣмъ первосвятитель объявилъ, что прибылъ съ соборнымъ опредѣленіемъ объ открытіи патріаршества въ Россіи.

Оставалось избрать патріарха. Бѣдствія святѣйшаго Іереміи возбудили въ Ѳеодорѣ желаніе успокоить страдальца-святителя въ Россіи, что, по мнѣнію царя, возвысило бы и достоинство патріарха Русскаго. Но представились и затрудненія. Если патріархомъ Москвы будетъ незнающій языка Русскихъ: трудно имѣть съ нимъ сношенія, особенно по дѣламъ тайнымъ; не хотѣлось также доброму царю огорчить Іова лишеніемъ Московской каѳедры, особенно при просьбѣ правителя Бориса за Іова. И такъ царь велѣлъ предложить святителю Іереміи: «ты извѣстилъ, что, по грѣхамъ христіанскимъ, султанъ воздвигъ на Церковь и на тебя гоненіе; посему благочестивый самодержецъ молитъ святыню твою остаться въ Русскомъ царствѣ и патріаршествовать на престолѣ Владиміра и всей Россіи съ именемъ вселенскаго; онъ обѣщаетъ во всемъ успокоить тебя и твоихъ». Іеремія искренно благодарилъ добраго царя; но далъ замѣтить, что, оставаясь вдали отъ царя, будетъ онъ безполезенъ и для Русской и для Константинопольской Церкви, наконецъ сказалъ, что желаетъ лучше раздѣлять скорби той Церкви, которую «какъ мать, воспріялъ», и куда его зовутъ скорби епископовъ и всей па-

ствы. Святителю предлагалъ вторично о томъ же и Соборъ Русскихъ пастырей; но онъ опять отказался и благословилъ Государя избрать соборомъ патріарха Русскаго, съ тѣмъ чтобы и впередъ патріархи поставлялись въ Россіи своими митрополитами, по чину церковному не испрашивая разрѣшенія восточныхъ патріарховъ.

Собрался многочисленный Соборъ Русскихъ пастырей и царь предложилъ имъ сдѣлать совѣтъ о патріархѣ. Въ храмѣ Успенія Богоматери, въ придѣлѣ Похвалы Ея, гдѣ совершалось вообще избраніе пастырей, происходило совѣщаніе о назначеніи великаго первосвятителя Русской Церкви. По окончаніи совѣщанія, патріархъ принялъ на себя представить царю имена трехъ избранныхъ, и вынулся жребій митрополита Іова. Поставленіе патріарха происходило 23 января 1589 года. Престолъ покрытый парчею для царя и два стула, обитыхъ темнымъ (смиреннымъ) бархатомъ для патріарховъ, поставлены были на амвонѣ, возвышенномъ 12 ступенями отъ помоста храма; по сторонамъ были скамьи для архіереевъ.— Нареченный патріархъ исповѣдалъ на орлѣ предъ лицемъ всего Собора, предъ Богомъ и избранными ангелами Церкви его, праведную, непорочную вѣру. По прочтеніи символа вѣры, взойдя на амвонъ, онъ пріялъ осѣненіе патріаршее и цѣлованіе епископовъ и, поклонясь, удалился въ предѣлъ Богоматери

Когда служившій патріархъ со всѣмъ соборомъ епископовъ вошелъ на маломъ входѣ въ алтарь и пѣли пѣснь трисвятую, протоіерей соборный и архидіаконъ привели нареченнаго Іова предъ царскія двери, а два епископа ввели его въ олтарь. Патріархъ вселенскій, возложивъ на него руки и развернувъ надъ главою Евангеліе, призывалъ божественную благодать, какъ на нуждающагося въ сугубой благодати для высокаго своего званія. Такъ совершилось посвященіе патріарха всероссійскаго.

Послѣ литургіи, которую совершили оба патріарха, великолѣпное торжество въ домѣ царя дополнило общую радость о великомъ святителѣ земли Русской. Патріарха вселенскаго долго еще честили въ радушной Москвѣ, такъ что онъ пробылъ на сѣверѣ, со времени прибытія, почти годъ. Избраніе и поставленіе патріарха царь велѣлъ описать на пергаментѣ; грамота была скрѣплена печатями царя, обоихъ патріарховъ и всѣхъ архіереевъ русскихъ и греческихъ, а въ рукоприкладствѣ участвовали весьма многіе архимандриты и игумены.

Чрезъ два года патріархъ Іеремія прислалъ соборную грамоту объ утвержденіи патріаршества въ Россіи за подписью его, патріарховъ Іерусалимскаго и Антіохійскаго (Александрійскій въ это время скончался), 19 митрополитовъ, 19 архіепископовъ и 20 епископовъ. Въ грамотѣ писано: «Во-первыхъ признаемъ и совершаемъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ поставленіе и именованіе патріаршеское господина Іова, да почитается и именуется и впредь съ нами патріархами и будетъ чинъ ему въ молитвахъ послѣ Іерусалимскаго; а главнымъ и начальнымъ содержать апостольскій престолъ Константинова града, какъ и иные патріархи держатъ; вовторыхъ дарованное нынѣ имя и честь патріаршества не только одному господину Іову дано и утверждено неколебимо, но позволяемъ и по немъ поставлять Московскимъ Соборомъ начальныхъ властей въ патріархи по правиламъ.»

Такъ патріаршество Русское утверждено всею православною Церковію! Видимымъ поводомъ сего важнаго нововведенія было, какъ сказали мы выше, одно благочестивое желаніе царя Ѳеодора [г], но промыслъ Божій невидимо творилъ Свое

(г) Напрасно Карамзинъ искалъ начала патріаршества въ властолюбивыхъ замыслахъ Годунова: набожный Ѳеодоръ не отважился бы на важное нововведеніе церковное, если бы не

дѣло въ Церкви Своей. Онъ готовилъ въ патріархахъ Русскихъ защиту для отечества на близкое время скорбей и потрясеній, которыхъ не могли еще предвидѣть люди. Онъ незримо устроилъ обстоятельства дѣла такъ, что патріаршество Русское явилось какъ бы по внезапному стеченію случаевъ, къ взаимному утѣшенію востока и сѣвера.

Права новаго первосвятителя-патріарха по управленію Церковью Русскою были тѣ же, какъ и права митрополитовъ, его предмѣстниковъ. Только преимущества священнослуженія, сообразныя сану, возвышали его предъ прочими архіереями (д). Но какъ санъ, такъ и эти преимущества сообща-

---

имѣлъ своихъ собственныхъ благочестивыхъ побужденій. Сверхъ того правитель, въ объясненіяхъ съ Іереміею, является скорѣе противникомъ, нежели доброжелателемъ патріаршества, а ту услугу, которой будто бы ожидалъ Годуновъ отъ Іова патріарха, могъ оказать ему тотъ же Іовъ и въ санѣ митрополита.

(д) Особенности патріаршаго священнослуженія: новопосвященный патріархъ объѣзжалъ кремль на ослати, «благословляя градъ и люди». Патріархъ облачался среди церкви на амвонѣ о 3 ступеняхъ, съ 4 свѣщниками по сторонамъ. Предъ пѣніемъ Трисвятаго, когда возглашалось ему многолѣтіе, онъ благословлялъ народъ, сидя предъ св. трапезою, лицемъ къ западу. Во время причащенія, онъ причащалъ архіереевъ изъ своихъ рукъ. Одежды его въ богослуженіи: саккосъ съ нашивною епитрахилью, усыпанною жемчугомъ, по подобію Ааронова нагрудника, омофоръ, митра съ крестомъ на верху, иногда съ зубчатою короною по опушкѣ, стихарь (подризникъ), поясъ, епитрахиль и поручи его съ гамматами, какъ символами токовъ крови Іисусовой, два энколпія или панагіи и крестъ. Мантія его бархатная зеленая съ струями золотыми и серебряными, на которой скрижали вверху съ образомъ Благовѣщенія или съ крестами и херувимами, а внизу съ звонками. Пастырскій жезлъ съ зміями, символомъ мудрости; клобукъ бѣловидный съ нашивнымъ крестомъ и иногда съ серафимами. Въ церковномъ ходу предъ патріархомъ несли свѣчу, а во время путешествія предшествовалъ ему крестъ и послѣдовалъ жезлъ.

ли ему высокое значеніе въ глазахъ духовенства и народа, и благочестіе чадъ Церкви окружало его глубокимъ уваженіемъ.

Патріарху, какъ и митрополиту всеи Россіи, окончательно принадлежалъ судъ церковный, но съ прежнимъ ограниченіемъ; дѣла важныя для всеи Церкви рѣшались на Соборѣ. И Соборы при патріархахъ были часты. За патріархомъ оставалась особенная важность голоса на Соборѣ. —Область патріарха, какъ епархіальнаго святителя, была весьма обширна [e]: но она была та же, что и область Московскаго митрополита. Въ послѣдствіи времени съ одной стороны она увеличилась частію нѣсколькими монастырями съ принадлежащими къ нимъ сельскими храмами, взятыми подъ непосредственное вѣдѣніе патріарха, частію селами, пожертвованными или купленными въ пользу новыхъ или прежнихъ патріаршихъ монастырей. Дворъ и управленіе прежнихъ митрополитовъ сохранились въ прежнемъ своемъ значеніи, но получили болѣе наружнаго величія: штатъ патріарха былъ многочисленный; чиновниковъ въ его распоряженіи было великое множество, какъ говорилъ очевидецъ. Штатъ образованъ былъ по примѣру царскаго: были бояре, стольники, боярскіе дѣти и другія должностныя лица.

Вмѣстѣ съ возвышеніемъ Московскаго первосвятительскаго престола на степень патріаршества, возвышены и нѣкоторыя изъ епархіальныхъ каѳедръ. Тою же грамотою Московскаго Собора, которою узаконено патріаршество, положено быть въ Россіи 4 митрополитамъ, 6 архіепископамъ и 8 еписко-

---

(e) Московская патріаршая епархія въ началѣ своемъ заключала въ себѣ нынѣшнія епархіи: Московскую (исключая Коломенскую область), Костромскую, Вятскую, Нижегородскую, Курскую и Орловскую, съ участками епархій Архангельской, Владимірской, Новгородской и Тамбовской. Предѣлы епархій были довольно перепутаны.

намъ. Сему возвышенію основаніемъ поставлена сообразность съ саномъ патріарха и благолѣпіемъ церкви. Постановленіе собора о митрополитахъ тогда же приведено было въ исполненіе: саномъ митрополита почтены были пастыри: Новгородскій, Казанскій, Ростовскій и Крутицкій, постоянный помощникъ (викарій) патріарха. На степень архіепископа возведены прочіе прежніе епископы, кромѣ Коломенскаго. Изъ числа же новыхъ каоедръ епископскихъ замѣщены только двѣ—Псковская и Корельская.

Таковы были дѣла церковныя въ Московскомъ государствѣ. Дѣла гражданскія, внѣшнія и внутреннія, оставались въ твердыхъ рукахъ Годунова; для него наступалъ рѣшительный часъ, и самовластный правитель дерзнулъ наконецъ приподнять для себя завѣсу будущаго!

По воцареніи Ѳеодора, младенецъ царевичь Димитрій, сынъ царя Іоанна отъ послѣдняго брака его, былъ удаленъ въ предоставленный ему родителемъ городъ Угличь, вмѣстѣ съ матерью, царицею Маріею, и братьями ея боярами Нагими. Могъ ли Годуновъ спокойно наслаждаться величіемъ и властію, помышляя о близкой кончинѣ удрученнаго болѣзнію Ѳеодора, и о законномъ его наслѣдникѣ (ж), воспитываемомъ матерью и родными, въ явной, хотя и почетной ссылкѣ, въ ненависти къ правителю, въ чувствахъ злобы и мести? Что ожидало въ такомъ случаѣ Ирину? Монастырь. Что ожидало Годунова? Темница или плаха... Уже дѣла обнаружили душу Борисову: въ ямахъ, на лобномъ мѣстѣ изгибли несчастные, которыхъ опасался правитель: кто же былъ для него опаснѣе Димитрія? Борисъ не страшился случая, безпримѣрнаго въ нашемъ отечествѣ отъ временъ Рюрика до Ѳеодора: трона

(ж) При судѣ надъ Шуйскими, желавшими расторженія брака Ѳеодора съ неплодною царицею, самъ Годуновъ напоминалъ, что законный наслѣдникъ державы—царевичь Димитрій.

упраздненнаго, конца племени державнаго, мятежа страстей въ выборѣ новой династіи, и твердо былъ увѣренъ, что скипетръ, выпавъ изъ руки послѣдняго вѣнценосца Мономаховой крови, будетъ вручепъ тому, кто уже давно и славно царствовалъ безъ имени царскаго. Алчный властолюбецъ видѣлъ, между собою и престоломъ, одного отрока безоружнаго, какъ голодный волкъ видитъ агнца! Сначала правитель надѣялся возбудить въ народѣ ненависть къ царевичу, распуская слухъ, что отрокъ Димитрій есть совершенное подобіе отца — любитъ муки и кровь, даже самъ для потѣхи убиваетъ животныхъ. Эта сказка осталась безъ успѣха. Годуновъ мыслилъ объявить Димитрія незаконнорожденнымъ, какъ сына шестой или седьмой супруги Іоанна; не велѣлъ молиться о немъ и поминать его имени на богослуженіи: но, разсудивъ, что это супружество, хотя и дѣйствительно беззаконное, было однакожь утверждено или терпимо церковною властію, что Димитрій, не смотря на то, во мнѣніи людей, остался бы царевичемъ, единственнымъ наслѣдникомъ бездѣтнаго Ѳеодора,— ненасытный властолюбецъ рѣшился прибѣгнуть къ яду или ножу; онъ искалъ только, кому отдать ихъ въ руки для совершенія убійства.

Начали съ яда. Мамка царевича, Василиса Волохова, и сынъ ея, Осипъ, продавъ Годунову свою душу, служили ему орудіемъ; но зеліе смертоносное не вредило отроку, по словамъ лѣтописца, ни въ яствахъ, ни въ питіи. Нашли человѣка надежнаго, дьяка Михайла Битяговскаго, ознаменованнаго на лицѣ печатью звѣрства, такъ что дикій видъ его ручался за вѣрность во злѣ. Годуновъ высыпалъ золото, обѣщалъ совершенную безопасность; велѣлъ извергу ѣхать въ Угличъ, чтобы править тамъ земскими дѣлами и хозяйствомъ вдовствующей царицы, не спускать глазъ съ обре-

ченной жертвы и не упустить первой минуты благопріятной. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали въ Угличъ сынъ его, Данило, и племянникъ Никита Качаловъ, также удостоенные совершенной довѣренности Годунова. И вотъ 15 мая 1591 года «царевича въ Угличѣ не стало». Какъ же это случилось? Въ полдень, когда во дворцѣ не было никого изъ Нагихъ, мамка Волохова вывела царевича на дворъ; сюда же сошла и кормилица, Ирина Жданова. Убійцы уже дожидались жертвы. Осипъ Волоховъ, взявъ царевича за руку, спросилъ: «это у тебя, государь, новое ожерельеце»? Отрокъ поднялъ голову и отвѣчалъ: «нѣтъ, старое». Въ эту минуту сверкнулъ ножъ: но убійца не захватилъ гортани и убѣжалъ. Димитрій упалъ. Кормилица пала на него, чтобы защищать его собою и стала кричать. Битяговскій и Качаловъ отняли у нея царевича, дорѣзали и кинулись внизъ съ лѣстницы, въ самое то мгновеніе, когда царица вышла изъ сѣней на крыльцо.... Осмилѣтній страстотерпецъ лежалъ окровавленный въ объятіяхъ той, которая вскормила его своею грудью; онъ «трепеталъ какъ голубь» испуская духъ, и скончался, уже не слыша воплей отчаянной матери. По звону на соборной колокольнѣ, откуда пономарь видѣлъ убійство, прибѣжали братья царицы Нагіе, дворъ наполнился смятеннымъ народомъ. Угличане, озлобленные убіеніемъ царевича, умертвили убійцъ: Битяговскаго, Качалова, Волохова и еще нѣсколько человѣкъ; мамку сохранили живою для показаній. Увѣряютъ, что злодѣи, издыхая, облегчили свою совѣсть искреннимъ признаніемъ; именовали и главнаго виновника Димитріевой смерти: Бориса Годунова.

Но виновникъ преступленія самъ былъ распорядителемъ слѣдствія и суда: слѣдователи, присланные въ Угличъ, Крутицкій митрополитъ Геласій, боярин кн. Василій Ивановичъ

Шуйскій [з], окольничій Клешнинъ и дьякъ Вылузгинъ, въ угодность правителю, засвидѣтельствовали неправду: они объявили, что царевичъ игралъ въ тычку ножемъ и «тутъ пришла на него падучая немочь, и зашибло его и учало его бити; да какъ его било, и онъ покололся ножемъ самъ». Самый первый вопросъ на слѣдствіи предложенъ такъ: «которымъ обычаемъ царевича не стало? И что его болѣзнь»? Вообще слѣдственное дѣло, сохранившееся до нашего времени, доказываетъ, что слѣдователи дѣйствовали криводушно [и]. Царская дума утвердила слѣдствіе, и донесла царю, что «жизнь царевича прекратилась судомъ Божіимъ; что Ми-

---

(з) Правитель успѣлъ уже примириться съ Шуйскими и вступить съ ними въ родство, женивъ кн. Димитрія Шуйскаго (роднаго брата кн. Василія) на своей свояченицѣ дочери Малюты Скуратова.

(и) Никто изъ современниковъ не сомнѣвался, что царевичъ убитъ по волѣ Годунова. Только въ наше время стали возникать сомнѣнія: нѣкоторые полагали, что вмѣсто царевича подставленъ и убитъ другой ребенокъ; другіе раздѣляли мнѣніе слѣдователей о самозаклапіи царственнаго отрока; наконецъ третьи отвергали виновность Годунова. Но если бы убитый не былъ царевичемъ, могли ли не видѣть обмана не только царица и братья ея, но и весь народъ Угличкій, хорошо знавшій и любившій Димитрія? При осмотрѣ тѣла царевича, въ лѣвой рукѣ его нашли ширинку (платокъ), а въ правой орѣхи: могъ ли онъ держать орѣхи, если бы бросалъ ножемъ въ тычку? Если бы онъ, въ припадкѣ болѣзни, упалъ на ножъ, горло было бы проколото, а въ дѣйствительности —гортань была перерѣзана рукою сильнаго злодѣя, а не слабою, дѣтскою. Если же царевичъ палъ отъ руки злодѣя, то кого можно считать главнымъ виновникомъ страшнаго преступленія, кромѣ правителя Годунова? Кому, кромѣ Бориса, нужна была смерть Димитрія? Предѣлы статьи не дозволяютъ намъ дальнѣйшихъ подробностей; желающіе могутъ найдти ихъ въ превосходной статьѣ покойнаго преосв Филарета Черниговскаго: «Изслѣдованіе о смерти царевича Димитрія» (Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1858. № 1).

хайло Нагой есть виновникъ кровопролитія ужаснаго и дѣйствовалъ по внушенію личной злобы; что граждане Углицкіе вмѣстѣ съ нимъ достойны казни за свою измѣну и беззаконіе». Бояръ Нагихъ сослали въ отдаленные города и заключили въ темницы; вдовствующую царицу, неволею постриженную, отвезли въ дикую пустыню, въ обитель св. Николая на Выксѣ (близъ Череповца); тѣла злодѣевъ, Битяговскаго и товарищей его, кинутыя Угличкимъ народомъ въ яму, вынули, отпѣли въ церкви и предали землѣ съ великою честію, а гражданъ тамошнихъ, объявленныхъ убійцами невинныхъ, казнили смертію, числомъ около 200; другимъ отрѣзали языки; многихъ заточили; большую часть вывели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ, такъ, что древній, обширный Угличь, гдѣ было, если вѣрить преданію, болѣе 100 церквей и не менѣе 30 тысячь жителей, опустѣлъ на вѣки, въ память ужаснаго Борисова гнѣва на смѣлыхъ обличителей преступленія. Тѣло невиннаго страдальца-царевича предано землѣ въ Углицкомъ Спасскомъ соборѣ [i].

Царь Ѳеодоръ, по словамъ лѣтописца, горько плакалъ о смерти нѣжно-любимаго брата, наконецъ сказалъ: «да будетъ воля Божія»! и всему повѣрилъ. Еще нѣсколько лѣтъ продолжалась тихая, чуждая житейскихъ попеченій, богомольная жизнь послѣдняго царя изъ дома Рюрикова. По выраженію лѣтописца, «Господь возлюбилъ смиреніе царево» и посылалъ Русской землѣ благодатныя знаменія Своего благоволенія. Къ числу такихъ знаменій относится прославленіе мощей двухъ угодниковъ Божіихъ: преп. Антонія Римлянина, Новгородскаго чудотворца и св. князя Романа Угличкаго.

Протекло уже 450 лѣтъ послѣ преставленія преподоб.

(i) Прославленіе мощей св страстотерпца царевича Димитрія будетъ описано въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Антонія. Послѣ трехъ пожаровъ въ XIV вѣкѣ и страшнаго разгрома въ 1570 году [к] обитель совершенно запустѣла, такъ что не было въ ней ни братіи, ни церковной службы. Гопителю Новгорода, Грозному царю, пришло наконецъ на мысль, что нельзя оставить въ запустѣніи монастыря столько знаменитаго по святости основателя его, чудодѣйственно прибывшаго изъ Рима. Для возобновленія обители, царь избралъ и послалъ туда игуменомъ добродѣтельнаго старца Кирилла [л], который собралъ братію и ввелъ строгій уставъ общежитія, чѣмъ навлекъ на себя злобу людей неблагопамѣренныхъ и былъ ими отравленъ на трапезѣ; но по усердной молитвѣ къ Божіей Матери и преп. Антонію получилъ исцѣленіе. За этимъ первымъ чудомъ преподобнаго, по возобновленіи обители его, вскорѣ послѣдовали и другія чудеса.

Между тѣмъ, какъ продолжались благодатныя исцѣленія у раки преп. Антонія, въ обители его жилъ добродѣтельный и блаженный старецъ Ананія [м] иконописецъ, который 33 года провелъ въ монастырѣ неисходно, и имѣлъ у себя ученика, именемъ Нифонта [н]. По кончинѣ праведнаго своего наставника,

---

(к) Разгромъ Новгорода и раззореніе обители преп. Антонія описаны нами прежде.

(л) Кириллъ Завидовъ, въ послѣдствіи архимандритъ Сергіевой лавры (съ 1594 г.), а съ 1605 года митрополитъ Ростовскій, скончался въ 1619 году и погребенъ въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ. (Историч. описаніе Святотроицкой Серг. лавры изд. 1857 г. стр. 90. Древнія святыни Ростова Великаго, соч. гр. М. Толстаго, изд. 3-е прилож. I, стр. 12 и 13).

(м) Ананія иконописецъ, помѣщенный въ спискѣ святыхъ Новгородскихъ въ одной рукописи XVII вѣка, погребенъ въ обители, но мѣсто могилы его забыто.

(н) Этотъ самый Нифонтъ написалъ обширное описаніе преложенія мощей преподобнаго Антонія и бывшихъ при томъ чудесъ. Онъ говоритъ о себѣ такъ: «Азъ многогрѣшный первый желатель быхъ и понудитель преложити честное тѣло преподоб-

этотъ Нифонтъ, одушевляемый живою вѣрою и любовію къ чудотворцу Антонію, сподобился дивнаго сновидѣнія, и послѣ того рѣшился приподнять доску, прикрывавшую раку, чтобы видѣть святыя и нетлѣнныя мощи, лежавшія поверхъ земли въ каменномъ глубокомъ гробѣ, ниже помоста церковнаго. Это было при державѣ благочестиваго царя Ѳеодора Іоанновича, при святѣйшемъ патріархѣ Іовѣ и первомъ митрополитѣ Новгородскомъ Александрѣ. Нифонтъ повѣдалъ о нетлѣніи мощей игумену Кириллу, игуменъ митрополиту, а митрополитъ обѣщался донести царю и патріарху, но не успѣлъ того исполнить, потому что вскорѣ скончался. Между тѣмъ игуменъ Кириллъ, по волѣ царя Ѳеодора, сдѣлался архимандритомъ великой лавры преп. Сергія Радонежскаго, куда вслѣдъ за нимъ перешелъ и Нифонтъ, непрестанно умоляя Кирилла, чтобы позаботился о начатомъ святомъ дѣлѣ. Архимандритъ нашелъ случай доложить царю въ присутствіи правителя Бориса Годунова (о) о нетлѣніи мощей преп. Антонія.

Новому митрополиту Новгорода Варлааму поручено было патріаршею грамотою освидѣтельствовать и открыть святыя мощи. Когда сняли богато украшенную раку, стоявшую надъ

наго изъ гроба на верхъ земли» (лист. 215). Описаніе составлено имъ въ Сергіевой Лаврѣ въ первые дни царствованія Бориса Годунова, 22 марта 7106 (1598) года, по повелѣнію патріарха Іова, отъ котораго были сообщены ему подлинные документы: «взимахъ у него (патріарха) чудесемъ святаго писанныя памяти Ѵо преложенія честнаго и многочудеснаго тѣла преподобнаго и имена исцѣлѣвшимъ» (лист. 216). Монахъ Сергіевой Лавры Германъ Тулуповъ списалъ сказаніе Нифонта въ 1627 году, и былъ безъ сомнѣнія современникомъ сего послѣдняго. Тѣмъ важнѣе для насъ трудъ старца Германа, въ Минеѣ-четьѣ мѣсяца августа, писанной его рукою (Библ. Серг. лавры рук. № 681).

(о) Нифонтъ говоритъ о Борисѣ: «Бояринъ Борисъ Ѳеодоровичь бяше мужь добродѣтеленъ весьма и богобоязливъ и весьма киняше всякою добродѣтелію Богу и человѣкомъ» (лист. 179).

гробомъ чудотворца, то митрополитъ, наклонившись, увидѣлъ нетлѣнное тѣло, лежащее подобно живому на два локтя ниже помоста. Не осмѣливаясь взять святыню руками, братія вмѣстѣ съ новымъ игуменомъ Трифономъ стали копать землю подлѣ гробницы. Тогда отъ святыхъ мощей дивное благоуханіе разлилось въ воздухѣ. Цѣльбоносные останки чудотворца оказались лежащими на огромномъ камнѣ, съ которымъ вмѣстѣ были приподняты на помостъ церковный 1 іюля 1597 года.

Явленіе св. мощей сопровождалось множествомъ чудотвореній. Митрополитъ со всѣмъ Новгородскимъ духовенствомъ и множествомъ народа совершилъ крестный ходъ изъ Софійскаго собора въ Антоніевъ монастырь и, приближившись къ многоцѣлебной ракѣ, своими руками снялъ покровъ съ чудотворца, при чемъ весь храмъ наполнился сладостнымъ благоуханіемъ; святыя мощи были обнесены вокругъ храма и поставлены въ церкви Рождества Богородицы надъ прежнею могилою преподобнаго. Съ того времени учрежденъ митрополитомъ Варлаамомъ, по волѣ царя Ѳеодора и по благословенію патріарха Іова, ежегодный крестный ходъ въ обитель чудотворца, въ первую пятницу послѣ праздника Петра и Павла, совершаемый и донынѣ.

Игуменъ Трифонъ былъ отправленъ въ Москву къ царю и патріарху съ грамотою объ открытіи святыхъ мощей, а между тѣмъ чудеса и исцѣленія продолжались безпрерывно. Братія обители сообщали о нихъ въ Москву игумену Трифону, а онъ докладывалъ царю и патріарху. Благочестивый Ѳедоръ, въ послѣдніе дни своей жизни, радовался проявленію благодати Божіей чрезъ новаго чудотворца.

Въ древнемъ Угличѣ, вскорѣ послѣ раззоренія его неправеднымъ судомъ, какъ бы въ утѣшеніе оставшимся горестнымъ жителямъ, прославлены нетлѣніемъ и чудесами мощи

св. князя Романа, обрѣтенныя, при перестройкѣ собора, въ 1595 году [11]. Онѣ были освидѣтельствованы, по распоряженію патріарха Іова, Казанскимъ митрополитомъ Гермогеномъ, и поставлены открыто въ томъ самомъ соборномъ храмѣ, гдѣ таились до времени, въ нѣдрахъ земли, другія нетлѣнныя мощи—св. царевича и страстотерпца Димитрія.

Въ 1594 году Крымскій ханъ Казы-Гирей сдѣлалъ внезапный и коварный набѣгъ на Русскую землю въ то самое время, когда послы его заключали миръ съ Москвою. Онъ прошелъ безпрепятственно до села Коломенскаго и встрѣтилъ отпоръ только подъ стѣнами Москвы: здѣсь войско Русское сразилось съ невѣрными, въ виду храмовъ и палатъ кремлевскихъ, предъ глазами царя и царицы. Стѣны, башни, колокольни были унизаны вооруженными и безоружными, исполненными любопытства и ужаса: дѣло шло о Москвѣ. Народъ то безмолствовалъ, то вопилъ, слѣдуя душею за всѣми движеніями кровопролитной сѣчи, зрѣлища новаго для нашей древней столицы, которая видала приступы къ стѣнамъ ея, но еще до того времени не видала полевой битвы на своихъ равнинахъ. Въ эти роковые часы, когда сильно трепетало сердце и въ столѣтнихъ старцахъ Московскихъ, одинъ человѣкъ наслаждался спокойствіемъ души непоколебимой: тотъ, чье имя вмѣстѣ съ Божіимъ призывалось Русскими воинами въ пылу битвы, тотъ, за кого они умирали предъ стѣнами столицы: самъ государь!...Утомленный долгою молитвою, Ѳеодоръ мирно отдыхалъ въ часъ полуденный; всталъ и равнодушно смотрѣлъ изъ высокаго своего терема на битву. За нимъ стоялъ одинъ добрый боярин и плакалъ. Ѳеодоръ обратился къ нему, увидѣлъ его слезы и сказалъ: «будь спокоенъ! зав-

(11) Св. князь Романъ Владиміровичъ Угличкій, внукъ в. к. Константина Всеволодовича, жилъ въ бѣдственное время нашествія Батыева и преставился въ 1285 году.

тра не будетъ хана!» Битва была нерѣшительна и прекратилась къ вечеру, но слово царское, по замѣчанію современниковъ, оказалось пророчествомъ: ханъ со всѣми своими полчищами, бѣжалъ ночью за часъ до разсвѣта, преслѣдуемый Русской ратью, предводимою правителемъ Годуновымъ!

Въ 1596 году царь Ѳеодоръ былъ утѣшенъ переложеніемъ нетлѣнныхъ и многоцѣлебныхъ мощей св. митрополита Алексія въ новую серебряную раку. Онъ приказалъ Годунову прикоснуться къ мощамъ и сказалъ ему достопамятное слово: «Осязай святыню, правитель народа христіанскаго! Управляй имъ и впредь съ ревностію. Ты достигнешь желаемаго: но все суета и тлѣніе на землѣ.»

Почти въ то же время набожное сердце Ѳеодора глубоко огорчено было бѣдствіемъ знаменитой обители Печерской Нижегородской, гдѣ спасались нѣкогда угодники Божіи: Діонисій Суздальскій, ученикъ его Евѳимій и Макарій Желтоводскій или Унженскій (р) :гора, подъ которою стоялъ монастырь, вдругъ съ трескомъ и колебаніемъ двинулась къ Волгѣ, засыпала и разрушила церковь, келліи, ограду. Сія гибель мѣста святаго поразила воображеніе народное и названа въ лѣтописи «великимъ знаменіемъ» того, что ожидало Россію, чего ожидалъ и Ѳеодоръ, замѣтно слабѣя и изнемогая. Онъ предвидѣлъ близкій конецъ свой и часъ насталъ.

И въ цвѣтущей юности не имѣвъ иной важной мысли, кромѣ спасенія души, онъ въ это время еще менѣе заботился о мірѣ и царствѣ; ходилъ и ѣздилъ изъ обители въ обитель, благотворилъ нищимъ и духовенству, особенно греческимъ монахамъ, Іерусалимскимъ, Пелопонисскимъ и другимъ, которые приносили къ намъ драгоцѣнности святыни

(р) О свят. Діонисіи, прен. Евѳиміи и Макаріи мы упоминали уже прежде.

(однѣ перасхищенныя Турками!): кресты, иконы, мощи. Въ концѣ 1597 года Ѳеодоръ впалъ въ тяжкую болѣзнь: 6 января открылись въ немъ явные признаки близкой смерти, къ ужасу столицы. Народъ любилъ Ѳеодора, какъ ангела земнаго, и приписывалъ дѣйствію ревностныхъ молитвъ его благосостояніе отечества; любилъ съ умиленіемъ, какъ послѣдняго царя Мономаховой крови и когда въ отверстыхъ храмахъ усердныя толпы Москвичей еще съ надеждою молили Бога объ исцѣленіи государя добраго, тогда патріархъ, вельможи, сановники, уже не имѣя надежды, съ сокрушеніемъ сердца предстояли одру болящаго, въ ожиданіи послѣдняго дѣйствія Ѳеодоровой самодержавной власти, завѣщанія о Россіи сиротѣющей. Первосвятитель Іовъ дрожащимъ голосомъ сказалъ: «Свѣтъ въ очахъ нашихъ меркнетъ; праведникъ отходитъ къ Богу.... Государь! кому приказываешь царство, насъ сирыхъ и свою царицу?» Ѳеодоръ тихо отвѣтствовалъ: «въ царствѣ, въ васъ и въ царицѣ воленъ Господь Всевышній.... оставляю грамоту духовную.» Завѣщаніе было уже написано; Ѳеодоръ вручалъ державу Иринѣ, а «душу свою приказывалъ» великому святителю Іову, двоюродному брату Ѳедору Никитичу Романову-Юрьеву (племяннику царицы Анастасіи), и шурину Борису Годунову, то есть, избралъ ихъ быть главными совѣтниками трона. Въ 11 часовъ вечера Іовъ помазалъ царя елеемъ, исповѣдалъ и пріобщилъ святыхъ таинъ; въ часъ утра 7 января 1598 года, Ѳеодоръ испустилъ духъ безъ судорогъ и трепета, незамѣтно, какъ бы заснувъ тихо и сладко [c].

(c) Въ «книгѣ о Россійскихъ святыхъ» царь Ѳеодоръ Іоанновичъ поставленъ въ ликѣ Московскихъ чудотворцевъ. Повѣствуютъ, что въ предсмертномъ томленіи онъ бесѣдовалъ съ кѣмъ-то незримымъ для другихъ, именуя его великимъ святи-

Всѣ присягнули съ усердіемъ вдовствующей царицѣ Иринѣ, но скоро узнали, что вмѣстѣ съ нею вдовствуетъ и тронъ Мономаховъ, что вѣнецъ и скипетръ лежатъ на немъ праздно, что Россія, не имѣя царя, не имѣетъ и царицы: Ирина приняла постриженіе иноческое въ Новодѣвичьемъ монастырѣ съ именемъ Александры. Изъ всѣхъ областныхъ городовъ созваны люди выборные на Великій Соборъ и наконецъ 17 февраля 1598 года, правитель Борисъ Годуновъ единогласно избранъ и возведенъ на престолъ царскій.

Окончимъ словами нашего незабвеннаго исторіографа: «что повидимому могло быть торжественнѣе, единодушнѣе, законнѣе сего нареченія? И что благоразумнѣе? Перемѣнилось только имя царя: власть державная оставалась въ рукахъ того, кто уже давно имѣлъ оную и властвовалъ счастливо для цѣлости государства, для внутренняго устройства, для внѣшней чести и безопасности Россіи. Такъ казалось; но сей, человѣческою мудростію надѣленный, правитель достигъ престола злодѣйствомъ.... Казнь небесная угрожала царю преступнику и царству несчастному [т]».

телемъ, и что въ часъ кончины Ѳеодора ощущалось неизреченное благоуханіе въ палатахъ кремлевскихъ.

(т) Карамзина Исторія Гос. Россійскаго Т. X. конецъ III-й главы.

ГЛАВА V.

Состояніе Церкви Кіевской митрополіи въ XVI вѣкѣ.—Церковная унія.—Состояніе Церкви Московской митрополіи.—Упадокъ иноческой жизни.—Угодники Божіи: преподобные Никандръ Псковскій, Адріанъ и Ѳерапонтъ Монзенскіе; юродивые: Симонъ Юрьевецкій и Іоаннъ Московскій.

Когда на престолѣ Московскаго государства прекратился державный родъ св. равноапостольнаго Владиміра въ лицѣ царя Ѳеодора, и нашему отечеству готовились тяжкія, продолжительныя испытанія, въ первопрестольной и боголюбивой Москвѣ существовала уже крѣпкая опора для православныхъ сыновъ ея, поставленная Промысломъ Божіимъ не задолго до пресѣченія царственной династіи: мы говоримъ о возвышеніи первосвятительской каѳедры, которое придало ей новый блескъ, новое освященіе въ глазахъ народа. Первые патріархи Московскіе, вынося на старческихъ раменахъ своихъ бремя власти, не только церковной, но и государственной, явили себя истинными отцами Церкви и отечества [(а)].

Не такова была судьба православной Церкви въ западной Руси, подъ скипетромъ королей иноплеменныхъ и иновѣр-

(а) Подвиги двухъ первыхъ патріарховъ будутъ изложены въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

ныхъ, подъ высшимъ управленіемъ патріарховъ Цареградскихъ, отдаленныхъ по мѣсту жительства и чуждыхъ по языку, при архипастыряхъ слабыхъ и не рѣдко увлекаемыхъ честолюбіемъ. Мы говорили въ своемъ мѣстѣ о первыхъ стѣсненіяхъ православной вѣры при Ягайлѣ, вскорѣ по соединеніи Литвы съ Польшею (б). Хотя общихъ гоненій и не было, но самое раздѣленіе Русской Церкви на двѣ митрополіи не могло не вредить чистой вѣрѣ (в), и пролагало путь къ уніи.

Унія Флорентійская не удалась папѣ и не оставила по себѣ слѣдовъ не только въ Московской, но и въ Кіевской (юго-западной) митрополіи. Поборники папизма убѣдились, что имъ (послѣ Флорентійской попытки) невозможно вести борьбу съ православною Церковію въ полномъ ея составѣ; они рѣшились ограничить свои дѣйствія Русскими областями, непосредственно-подвластными Польской коронѣ (г). Первымъ и самымъ надежнымъ приготовленіемъ къ уніи было воспитаніе молодыхъ людей изъ знатныхъ, южно-русскихъ

(б) Такъ для православныхъ воспрещены были браки съ папистами, и затрудненъ доступъ къ общественнымъ должностямъ. Но въ послѣдствіи эти мѣры были оставлены, потому что «жатва не отвѣчала ожиданіямъ», какъ говоритъ извѣстный Галицкій писатель Зубрицкій.

(в) Раздѣленіе Русской митрополіи на двѣ—Московскую и Кіевскую, было вредно для послѣдней. Митрополитъ, подданный короля-паписта, не имѣлъ довольно силы, чтобы защищать православіе, а вліяніе патріарха Цареградскаго, подъ властію котораго оставалась южно-русская Церковь, было слишкомъ незначительно.

(г) На Люблинскомъ сеймѣ Польша присвоила себѣ, на особыхъ правахъ, лучшія области великаго княжества Литовскаго—Кіевъ, Волынь, Украйну. Тогда же прелаты заговорили о религіозной уніи въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ дѣйствіями іезуитовъ въ эпоху, предшествовавшую Брестской уніи, отсылаемъ къ превосходному сочиненію г. Кояловича: «Литовско-церковная унія.»

фамилій, у іезуитовъ Польскихъ, особенно въ Римѣ. Приготовленіе это, какъ нельзя лучше, вело къ цѣли іезуитовъ (д).

Обстоятельства и страсти человѣческія сильно содѣйствовали коварнымъ замысламъ. Съ одной стороны вступившій на престолъ Польши Шведскій королевичь Сигизмундъ III, отъ колыбели воспитанникъ іезуитовъ, былъ ревностнымъ слугою ихъ до гроба, и всегда покорнымъ орудіемъ въ рукахъ папизма. Съ другой стороны упадокъ нравовъ въ православномъ духовенствѣ, особенно высшемъ, потребовалъ довольно строгихъ мѣръ отъ патріарха Цареградскаго.

Святѣйшій Іеремія, отправляясь въ Москву для избранія и посвященія перваго Русскаго патріарха (событіе непріятное и тревожное для враговъ православія!) увидѣлъ въ южной митрополіи много безпорядковъ,—ослабленіе нравственности, отступленіе отъ правилъ и обычаевъ церковныхъ. Онъ лишилъ каѳедры митрополита Онисифора, какъ двоеженца и предалъ суду Луцкаго епископа Кирилла Терлецкаго, который велъ жизнь разгульную, по примѣру Римскихъ прелатовъ, и уличался въ разныхъ преступленіяхъ. Строгость первосвятителя возбудила неудовольствіе духовенства, привыкшаго къ своеволію, недовѣрчивость и вражду къ патріарху, котораго мало знали. Мѣсто Онисифора заступилъ Михаилъ Рогоза, старикъ добрый, но съ характеромъ слабымъ. Патріарху было угодно, чтобы къ возвращенію его изъ Москвы митрополитъ Михаилъ собралъ соборъ для разсужденія о церковномъ благочиніи. Соборъ не былъ собранъ: Кириллъ заставилъ слабаго Рогозу бояться за самого себя. Патріархъ напрасно ждалъ собора въ Замостьѣ съ потерею времени и издержекъ, тяжелыхъ для его скуднаго престола.

(д) Князь Курбскій оплакивалъ воспитаніе іезуитское, направленное къ совращенію православныхъ въ папизмъ (Кіевлянинъ Максимовича на 1840 г., стр. 239.)

Отзываемый дѣлами въ Валахію, онъ послалъ довѣрительную грамоту къ митрополиту въ Вильну; но Кириллъ отнялъ ее на дорогѣ. Патріархъ, узнавъ о томъ, послалъ другую грамоту къ Мелетію, епископу Владимірскому (на Волыни), поручая ему и экзарху своему созвать Соборъ, а на слабаго митрополита возложилъ уплату издержекъ пребыванія въ Замостьѣ. Кириллъ дружески посѣтилъ Мелетія и тайно похитилъ у него грамоту патріарха. Такимъ образомъ Соборъ опять не состоялся; союзъ съ патріархомъ былъ сильно ослабленъ.

Между тѣмъ іезуитъ Скарга издалъ ловкій панегирикъ уніи, посвятивъ его «духовному сыну своему», королю Сигизмунду. Для Кирилла, склонявшагося на сторону уніи, найденъ хитрый помощникъ въ сенаторѣ Поцѣѣ, воспитанникѣ латинской Краковской академіи. Іезуиты выпросили у короля обѣщаніе доставить Поцѣю доходное епископство Владимірское и Кириллъ постригъ Ипатія въ монахи. Въ то же время, по настоянію іезуитовъ, открылись новыя притѣсненія православнымъ.

Впрочемъ Церковь южно-русская имѣла двѣ сильныя опоры: первою изъ нихъ были православныя церковныя братства Львовское, Виленское, и множество другихъ (въ числѣ ихъ два первыя основаны еще въ XV вѣкѣ). Братства, какъ попечители монастырей и храмовъ, заботились о поддержаніи церковныхъ зданій, о содержаніи духовенства и бѣдныхъ, и имѣли право голоса при назначеніи настоятелей и священниковъ. Въ бѣдственное время борьбы, о которомъ мы теперь говоримъ, братства одушевились новою ревностію. Не ограничиваясь прежнимъ кругомъ дѣятельности, по преимуществу человѣколюбивой, они обратили ревность свою на защиту вѣры, на помощь пасты-

рямъ Церкви, на учрежденіе типографій и народныхъ училищъ [е].

Волнуемая бурею папизма, южно-русская Церковь имѣла также ревностнаго поборника въ лицѣ доблестнаго воеводы Кіевскаго, князя Константина Константиновича Острожскаго, благочестиваго и образованнаго. Онъ вступилъ въ ближайшія сношенія съ Востокомъ, собиралъ и издавалъ богослужебныя и учительныя книги [ж], заводилъ

(е) Старшимъ изъ училищъ(послѣ Острожскаго, извѣстнаго еще прежде) было Львовское. Антіохійскій патріархъ Іоакимъ, прибывъ въ Россію съ наставленіями Цареградскаго патріарха Іереміи, въ 1586 г. далъ братству Львовскому уставъ и одушевилъ его ревностію открыть школу и типографію, а патріархъ Іеремія, получивъ извѣстіе о томъ отъ Іоакима, прислалъ въ Львовъ Елассонскаго архіепископа Арсенія, который принялъ на себя обязанность преподавать въ новомъ училищѣ уроки, и преподавалъ два года. Львовскимъ братствомъ издана была (1591 г.) первая еллинословенская грамматика. Прочія братства дѣйствовали усердно въ томъ же духѣ, по мѣрѣ средствъ своихъ. Кромѣ того епископомъ Львовскимъ Гедеономъ заведено было училище въ Стрятинѣ. Предметами ученія были: языки Греческій, Славянскій, Русскій, діалектика и риторика.

(ж) Князь Константинъ открылъ первое высшее училище въ Острогѣ, которое при немъ называлось академіею. При училищѣ завелъ онъ типографію, изъ которой вышло до 18 книгъ богослужебныхъ и учительныхъ. Библія, изданная имъ въ 1580 и 1581 г. въ Острогѣ, составляетъ блистательный памятникъ благочестія и христіанскаго, свѣтлаго ума его. Въ предисловіи, имъ самимъ написанномъ, онъ говоритъ, что изданіемъ желаетъ «благочестію нѣкое дарованіе духовное оставити. Кто бо есть отъ благочестивыхъ, его же не подвиже жалость, зряще ветхость церкве Христовы, на паденіе клонящуся? Волцы тяжцы нещадно расхищаютъ и распужаютъ овчее стадо Христово». Ему недоставало, говоритъ онъ, и людей, способныхъ къ изданію Библіи, и полныхъ списковъ Библіи. Надлежало посылать къ патріарху, въ монастыри Греческіе и Болгарскіе, за лучшими списками. При изданіи принято за правило слѣдовать Греческому тексту.

училища, разсылалъ по Литвѣ, Украйнѣ и Волыни проповѣдниковъ для утвержденія народа въ истинахъ вѣры. Постоянная, неусыпная заботливость князя о Церкви православной была извѣстна всѣмъ Полякамъ и они преклонялись предъ нею. Король Стефанъ Баторій, уважая въ князѣ несомнѣнныя заслуги воинскія и гражданскія, даровалъ ему то преимущество, которое вѣрный и знаменитый сынъ православной Церкви считалъ для себя выше всѣхъ наградъ: король призналъ его стражемъ, хранителемъ и защитникомъ южной Русской митрополіи [3]. Убѣленный сѣдинами маститой старости, доблестный воевода оправдалъ это почетное титло неутомимыми трудами.

Соборъ, созванный въ 1590 году (первый Брестскій), разсмотрѣлъ грамоты и привиллегіи, данныя въ разныя времена православію. Положено было просить короля, дабы имъ возвращено было значеніе дѣйствующаго закона. Хитрый Кириллъ, который «яко бѣсъ не преста клевеща на патріарха», успѣлъ получить въ свои руки бѣлые бланкеты съ приложенными печатями епископовъ,

---

Усердіе благочестиваго князя достойно всякой похвалы, и Библія его, какъ первый опытъ, во всякомъ случаѣ была дорогимъ подаркомъ для православной Церкви. Особенно же дорогъ былъ этотъ подарокъ тогда, какъ, съ одной стороны гордая реформація, съ другой коварный папизмъ упрекали православныхъ недостаткомъ образованности, а еще болѣе тѣмъ, что у православныхъ нѣтъ даже и Библіи. Но, отдавая честь подвигу благочестиваго князя, мы должны замѣтить, что Библія его требовала многихъ, очень многихъ поправокъ. Въ ней не вездѣ исправлены даже ошибки писца, и слова часто не отдѣлены одно отъ другаго. Въ поправкахъ старались быть вразумительными, но, рѣдко справляясь съ Греческимъ текстомъ, часто удалялись отъ него. (Обзоръ Дух. Рус. литературы преосв. Филарета Черниговскаго ч. 1. стр. 233—235).

(3) По свидѣтельству г. Кояловича.

выданные для ходатайства предъ королемъ о защитѣ Церкви. Послѣ того Кириллъ и Ипатій Поцѣй, уже епископъ, объѣхали города для приготовленія умовъ къ уніи. Они старались склонить на свою сторону Михаила Копыстенскаго, епископа Перемышльскаго: но тотъ тогда же протестовалъ противъ преступнаго ихъ умысла. Легче казалось расположить къ уніи Гедеона Балабана, епископа Львовскаго, такъ какъ онъ сильно недоволенъ былъ патріархомъ, который не въ его пользу рѣшилъ споръ его съ Львовскимъ братствомъ о правахъ епископа, и даже грозилъ ему отлученіемъ. Терлецкій и іезуиты съ одной стороны употребляли все, чтобы отягчить положеніе Гедеона, съ другой твердили Гедеону, что патріархъ оставилъ его, патріархъ несправедливъ къ нему. Гедеонъ поколебался; онъ склонилъ было и многихъ изъ духовенства, въ томъ числѣ нѣсколькихъ Грековъ, къ тому, чтобы признать надъ собою власть папы [h]. Но эта невѣрность долгу совѣсти была только временною въ душѣ Гедеона. Князь Острожскій въ отвѣтъ на письмо Поцѣя (отъ 21 іюня 1593 года) писалъ ему, что и онъ не прочь отъ мира съ немиролюбивымъ Римомъ, по желанію облегчить участь православія, но желаетъ только такого мира, на который могли бы согласиться патріархи Восточные и Московскій; къ нимъ и надобно прежде всего отнестись по сему дѣлу [i]. Патріархи Александрійскій и Константинопольскій прислали увѣщанія не прельщаться новыми ученіями,—а послѣдній грозилъ отлученіемъ отъ церкви каждому, кто захотѣлъ бы измѣнить православію. Голосъ Востока произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ. Но тѣмъ рѣшительнѣе стали дѣйствовать Ипатій и Кириллъ.

(h) Истор. Акты т. IV. № 54. Дополненія къ Акт. историч. стр. 474.
(i) Акты Запад. Россіи т. IV. № 45.

Въ концѣ 1594 года происходило совѣщаніе объ уніи, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ узнали, что Кириллъ ѣздилъ въ Краковъ и возилъ туда бланкеты, а Ипатій писалъ: «истинно не знаю я ни о какихъ бланкетахъ». На тѣхъ бланкахъ, которыя выданы были въ 1590 г. за подписью всѣхъ пастырей Церкви, Ипатій и Кириллъ написали прошеніе къ королю и посланіе къ папѣ (отъ 12 іюня 1595 г.), съ изложеніемъ желанія уніи, не только отъ лица митрополита и всѣхъ епископовъ, но и «всего духовенства и ввѣренныхъ имъ овецъ». Сигизмундъ грамотою 30 іюля 1595 г. объявилъ равенство правъ уніатскаго духовенства съ Римскимъ и отправилъ Ипатія и Кирилла въ Римъ на свой счетъ.

Тамъ приняли съ восторгомъ измѣнниковъ православія. Въ торжественномъ собраніи кардиналовъ и прелатовъ Римскихъ, 23 декабря 1595 года, Ипатій и Кириллъ облобызали ногу папы Климента, вручили ему прошеніе собора, и оно прочтено было въ слухъ всѣхъ. Секретарь папы, отъ имени его, пышною рѣчью объявилъ имъ благоволеніе. Оба епископа прочли исповѣданіе вѣры: они признали исхожденіе Св. Духа и отъ Сына, верховную власть папы, чистилище, присутствіе тѣла и крови Христовой въ евхаристіи подъ однимъ видомъ, индульгенціи, приняли все, что «опредѣлено Тридентскимъ соборомъ, сверхъ содержащагося въ Никейско-Константинопольскомъ символѣ». Оба дали присягу за себя и епископовъ. Такимъ образомъ Ипатій и Кириллъ дѣйствовали не только какъ отступники отъ вѣры, но и какъ вѣроломные предатели; потому что приняли въ Римскомъ исповѣданіи много такого, чего никто даже и изъ числа сообщниковъ ихъ не думалъ принимать, а потому и не могъ дозволять ручаться за него въ принятіи. Папа и кардиналы торжествовали, пѣли хвалебныя пѣсни, выбили медаль, до-

стойную Рима [к], внесли въ лѣтопись «повѣсть о возсіяніи новаго свѣта въ странахъ полунощныхъ».

Предатели родной вѣры не успѣли еще возвратиться въ отечество, а народное негодованіе противъ уніи уже кипѣло и принимало грозный видъ. Епископъ Гедеонъ подалъ сейму жалобу (1 іюля 1595 г.), что депутаты-отступники приняли во всемъ Римскую вѣру, оставивъ только для виду Греческіе обряды, что они безсовѣстнымъ подлогомъ позорятъ имя его и Михаила Перемышльскаго, безъ вѣдома паствы покорили паству волѣ папы. Народъ проклиналъ отступниковъ. Князь Острожскій объявилъ, что онъ не хочетъ знать уніи. М. Михаилъ еще прежде того окружною грамотою извѣстилъ, что онъ не думалъ и не думаетъ объ уніи и съ клятвою увѣрялъ, что дорожитъ союзомъ съ патріархомъ Константинопольскимъ.

Тогда на защиту уніи возсталъ со всѣми своими силами король Сигизмундъ. Въ августѣ 1596 г. онъ выдалъ привиллегію на имя уніатскаго духовенства. Затѣмъ назначенъ былъ сеймъ въ Брестѣ, и въ началѣ октября 1596 г. прибыли туда пять епископовъ приверженныхъ къ уніи съ повѣренными короля, Латинскими епископами и сенаторами. Поборниками православія на соборѣ (по нашему счисленію третьемъ Брестскомъ) [л] были экзархи патріарховъ—Кон-

(к) На медали вырѣзали изображеніе папы Климента и падающаго предъ нимъ Россіянина, съ подписью: Ruthenis receptis «на принятіе Руссовъ».

(л) Между первымъ Брестскимъ соборомъ 1590 года и послѣднимъ, на которомъ принята унія митрополитомъ Рагозою и другими предателями православія, былъ еще вторый Брестскій соборъ (26 октября 1591 года), совершенно неизвѣстный нашимъ историкамъ. Подлинный актъ этого собора, писанный въ православномъ духѣ, за подписями и печатями Рагозы, Терлецкаго, Гедеона Балабана и другихъ епископовъ, составляетъ собственность преосв. Павла, епископа Вологодскаго

стантинопольскаго Никифоръ и Александрійскаго Кириллъ Лукарь, епископы Гедеонъ и Михаилъ, Лука митрополитъ Бѣлогородскій изъ Славоніи, множество архимандритовъ и протоіереевъ. Князь Острожскій и вся свѣтская знать русская были на сторонѣ православія. Начались богословскія пренія. Но за уніатовъ былъ король, требовавшій только повиновенія. Прибылъ послѣ всѣхъ и митр. Михаилъ. Православные послали спросить его: чью сторону будетъ держать онъ? И онъ рѣшительно объявилъ, что не хочетъ уніи; но черезъ нѣсколько часовъ сталъ на сторонѣ уніи. Православные отправили протестацію къ митрополиту, гдѣ грозили судомъ какъ ему, такъ и другимъ измѣнникамъ: но все было напрасно. Соборъ уніатовъ собрался въ храмѣ св. Николая, гдѣ все дѣло началось и кончилось тѣмъ, что съ амвона прочтены были булла папы и актъ соединенія, подписанный 8 октября митрополитомъ съ пятью епископами, но никѣмъ изъ свѣтскихъ.

Православные составили и подписали приговоръ: а) не слушать ни въ чемъ митрополита и прочихъ отступниковъ епископовъ, а считать ихъ лишенными власти; б) не принимать ничего въ отношеніи къ вѣрѣ безъ согласія Константинопольскаго патріарха.

Такъ началась унія. Сигизмундъ, латинскіе прелаты-фанатики и Польскіе магнаты употребили всѣ мѣры насилія въ пользу уніи, облили землю кровью—на пагубу Польши, безсознательно и невольно подготовляя въ будущемъ присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ, раздѣленіе Польши и зарю того отдаленнаго дня Господня, когда «отторгнутые насиліемъ возсоединены любовію» (м).

(м) Надпись, вырѣзанная вокругъ креста, на медали, выбитой на возсоединеніе уніатовъ съ православною Церковью. На другой сторонѣ медали—ликъ Спасителя и слова апостольскія «такова

«Отягощенія и насилія, писала Литовская конфедерація 1599 г., умножаются болѣе и болѣе, особенно со стороны духовенства и нѣкоторыхъ свѣтскихъ лицъ Римскаго исповѣданія. Часто бываетъ, что ни въ одномъ углу цѣлаго государства ни одинъ изъ насъ, православныхъ, какого бы званія ни былъ, не бываетъ въ безопасности. Наши церкви, монастыри, соборы большею частію уже захвачены, раззорены и опустошены, притомъ съ грабежемъ и мучительствомъ, съ убійствами и кровопролитіемъ, съ неслыханными ругательствами надъ живыми и мертвыми. Духовныя лица наши за твердость въ исповѣданіи терпятъ разныя преслѣдованія, на нихъ нападаютъ въ собственныхъ домахъ ихъ, грабятъ, позорятъ, ссылаютъ, лишаютъ собственности. Священники наши не могутъ крестить младенцевъ, исповѣдывать умирающихъ, отпѣвать мертвыхъ; тѣла православныхъ христіанъ вывозятъ, какъ падаль, въ поле. Всѣхъ, кто не измѣнилъ вѣрѣ отцовъ, удаляютъ отъ чиновъ гражданскихъ; благочестіе есть опала; законъ не блюдетъ насъ... вопіемъ,—не слушаютъ!»..

Возблагодаримъ Бога при мысли, что такой нетерпимости никогда не бывало въ нашемъ любезномъ отечествѣ—сѣверной Руси, отъ самой отдаленной древности и до нашего времени. Всѣ иновѣрцы были терпимы подъ однимъ условіемъ—не совращать православныхъ. Иностранцы въ концѣ XVI вѣка дивились нашей терпимости, неслыханной въ образованной Европѣ, гдѣ пылали тогда костры инквизиціи. Каковы бы ни были причины, которыя произвели и поддерживали это благотворное явленіе, во всякомъ случаѣ оно служило къ славѣ православной Церкви и было выгодно для государства, облегчая завоеванія древнихъ князей нашихъ, и самые успѣ-

имамы первосвященника».—Какая противоположность между двумя памятниками—Римскимъ и Русскимъ!

МОСКОВСКАЯ ПАРТІАШНАЯ БИБЛІОТЕКА

хи въ гражданскомъ образованіи, когда понадобились намъ иновѣрцы, какъ пособники для этого великаго дѣла. Не только христіане иныхъ исповѣданій, но магометане и язычники совершали у насъ молитву по своимъ убѣжденіямъ и обрядамъ, между тѣмъ какъ въ Литвѣ принуждали православныхъ быть папистами, и хотѣли утвердить единство Римской вѣры кровавыми гоненіями.

Но если Церковь сѣверной Руси не страдала отъ латинскаго изувѣрства, то и она, готовясь къ ужасамъ смутнаго времени, имѣла свои внутренніе недуги — недостатокъ просвѣщенія и упадокъ монашеской жизни. О мрачномъ невѣжествѣ не только народа, но и самого духовенства мы говорили уже прежде, но въ концѣ XVI вѣка это зло еще болѣе усилилось. На Московскомъ соборѣ 1551 года признаны были необходимыми — школы для народа и типографія для печатанія книгъ церковныхъ. Но школъ учреждено не было, а типографское дѣло шло неудачно: первыя книги напечатаны были безъ всякаго сличенія съ подлинниками. Люди темные, особенно писцы, возстали противъ типографовъ; невѣжество и злоба не замедлили огласить ихъ еретиками. Діаконъ Іоаннъ и Тимофеевъ, напечатавъ въ 1565 году Часовникъ, вынуждены были бѣжать изъ Москвы въ Литву. Народъ, при слухѣ о ереси, о дѣлѣ еретическомъ, взволновался и самый домъ типографскій былъ сожженъ. Однако царь велѣлъ возобновить дѣло: въ 1568 г. напечатана ученикомъ изгнанниковъ, Апдроникомъ Невѣжею, Псалтырь въ Москвѣ, а въ 1578 г. она же—въ Александровской слободѣ.

Въ предъидущихъ вѣкахъ обители иноческія были разсадниками духовнаго просвѣщенія; въ нихъ живой опытъ объяснялъ для души таины вѣры и благочестія, развивая сознаніе въ превосходствѣ чистой вѣры; примѣръ святой жизни разливалъ изъ нихъ свѣтъ и жизнь на современность. Но въ

мрачное время Грознаго царя замѣтно ослабленіе пустынной строгости въ монастыряхъ. Оно зависѣло особенно отъ помѣщенія въ обителяхъ бояръ, то постриженныхъ насильно, по волѣ Іоанна, то укрывавшихся отъ страшнаго гнѣва его подъ иноческую мантію, и отъ невольнаго постриженія вдовыхъ священнослужителей. Какъ бы строго ни наблюдали настоятели за сохраненіемъ правилъ монашествующими, невольные постриженники — ненадежные слуги Божіи. Положимъ, со временемъ нужда пріучала ихъ къ монашескому затвору: но до того времени каково было отъ нихъ монастырю! Люди, привыкшіе ни въ чемъ не отказывать себѣ, могли ли скоро разстаться съ своими привычками, даже съ одною привычкою къ независимости (н)? Сверхъ того много вредили монашеству попеченія объ имѣніяхъ недвижимыхъ. Хотя управленіе ими возлагалось на немногія избранныя лица: но разныя непріятности и неустройства управленія развлекали вниманіе и всей обители: притомъ смотрѣть на міръ — не то что имѣть въ виду только Бога и святыхъ Его: примѣръ міра заразителенъ, по крайней мѣрѣ для слабыхъ (о).

Впрочемъ и въ это время просіяло нѣсколько угодниковъ

(н) Царь Іоаннъ, въ посланіи къ братіи Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря, рѣзко обличаетъ порчу нравственную, внесенную боярами въ обители иноческія. Но кто же, если не онъ самъ, былъ виновникомъ этого зла?

(о) Тогдашнее ослабленіе строгости въ богатыхъ монастыряхъ обнаруживаютъ и самые ихъ уставы. Тогда какъ въ бѣдныхъ обителяхъ иноки вели жизнь истинно-страдальческую, уставомъ Тихвинскаго монастыря во всѣ субботы и воскресенья великаго поста предлагалась инокамъ икра, а въ воскресенье 1-й недѣли жареная лососина, или просолепая семга. Даже по уставу Сергіевой Лавры въ субботу 1-й недѣли предлагали икру, а въ воскресенье 1-й недѣли, въ субботу 5 и 6 недѣль—рыбу. (Доп. Ист. Акт. № 135).

Божіихъ, подобно звѣздамъ на тверди небесной, среди темной ночи.

Такъ, въ пустынномъ лѣсу, окруженномъ болотами, между Псковомъ и Порховомъ, поселился около 1530 года молодой отшельникъ, по имени Никонъ, сынъ благочестивыхъ поселянъ изъ погоста Виделебья. Въ домѣ родителя обучился онъ чтенію; съ юности былъ богобоязненъ и часто посѣщалъ храмъ Божій. Примѣръ старшаго брата, принявшаго монашество съ именемъ Арсенія, и слава недавно почившихъ преп. Саввы и Евфросина возбудили въ юной душѣ его рѣшимость отказаться отъ міра и служить единому Господу. По смерти отца, семнадцатилѣтній Никонъ убѣдилъ мать раздать имѣніе частію храмамъ, частію бѣднымъ, и удалиться въ обитель молитвы. Самъ онъ обошелъ обители иноческія въ странѣ Псковской. Замѣтивъ въ себѣ недостаточное умѣнье читать полезныя книги, онъ поступилъ для работы въ домъ одного набожнаго Псковскаго жителя, а тотъ отдалъ его для обученія опытному книжному учителю и Никонъ пріобрѣлъ «разумѣніе писаній».

Услышавъ о пустынномъ мѣстѣ на р. Демьянкѣ, рѣшился онъ удалиться туда на безмолвіе. Блаж. Николай, юродивый Псковскій, встрѣтивъ его на дорогѣ, сказалъ ему, что ожидаютъ его «горечи»: но это не остановило юношу, также какъ и дикость пустыннаго мѣста не измѣнила его намѣренія. Поставивъ себѣ хижину, Никонъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ безмолвныхъ подвигахъ молитвы и питался растеніями пустыни. Сосѣдніе жители услышали о новомъ пустынникѣ, стали посѣщать его и невольно нарушили его безмолвіе. Отшельникъ, избѣгая мірской извѣстности, ушелъ въ общежительную пустынь преп. Саввы Крыпецкаго и принялъ здѣсь иночество съ именемъ Никандра. Строгостію жизни скоро

обратилъ онъ на себя вниманіе братіи и потому снова возвратился въ прежнюю свою пустыню.

Безмолвный и уединенный, безъ всякой защиты со стороны людей, отшельникъ жилъ въ бесѣдѣ съ Господомъ и съ надеждою на Него. Разъ злые люди вошли въ его келью, ограбили иконы, книги и другую бѣдную собственность отшельника, избили его самого немилосердо, а одинъ пронзилъ копьемъ ребро его. Едва живой, покрытый кровію, подвижникъ со слезами благодарилъ Господа и молилъ простить враговъ, увлекшихся грѣхами корысти и злости. Онъ исцѣлѣлъ быстро; хищники, потерявъ дорогу, блуждали три дня около озера; двое изъ нихъ, ожесточившись, осыпали имя пустынника бранью, и скоро, упавъ въ воду, утонули. Остальные раскаялись, возвратили Никандру отнятое у него и просили помолиться за нихъ; отшельникъ отпустилъ ихъ съ миромъ. Народъ сталъ собираться къ нему, желая слышать наставленія изъ устъ подвижника. Отшельникъ провелъ уже 15 лѣтъ въ уединеніи, но и теперь боялся славы человѣческой.

Убѣгая извѣстности, опасной для души, онъ снова пришелъ въ Крыпецкую обитель. Здѣсь поручили ему должность уставщика и потомъ келаря. Жизнь его была и здѣсь такъ же строга, какъ въ отшельничествѣ. Пять дней довольствовался онъ хлѣбомъ съ водою и только по субботамъ и воскреснымъ днямъ вкушалъ не много вареной пищи. Днемъ, сверхъ возложеннаго послушанія, носилъ онъ воду и дрова для братіи, а ночью молился. По временамъ, уходя изъ обители въ лѣсъ, обнажалъ онъ до половины тѣло свое и отдавалъ его въ пищу насѣкомымъ, а самъ прялъ волну и въ то же время пѣлъ псалмы. Строгость его по званію келаря и жизнь, не похожая на жизнь большинства братіи, казались тяжкими для слабыхъ. Тогда онъ, замѣтивъ, что тяготитъ собою другихъ, рѣшился оставить обитель; въ 3 верстахъ отъ нея, на островѣ, поста-

вилъ себѣ хижину и опять сталъ подвизаться въ уединеніи. Но и здѣсь жизнь его колола глаза слабыхъ.—Когда стали приходить ревнители благочестія за совѣтами отшельника, братія обители еще болѣе вознегодовала на него и говорила: «Никандръ отнимаетъ доходы у монастыря.» Подвижникъ оставилъ ихъ въ покоѣ и отправился опять на р. Демьянку.

На дорогѣ въ пустыню, въ с. Локотахъ, нетрезвые крестьяне избили его по подозрѣнію,—не изъ числа ли онъ злыхъ людей, сожегшихъ предъ тѣмъ домъ одного изъ нихъ? Преподобный великодушно простилъ ихъ.— Въ послѣдніе годы открылся въ немъ даръ прозрѣнія и чудесной силы. Одного сосѣдняго помѣщика, никогда не видавъ прежде, назвалъ по имени и предсказалъ чадородіе безплодной супругѣ его. Другому предсказалъ скорую смерть. Крестьянинъ Назарій, полтора года лежавшій больнымъ, велѣлъ нести себя въ пустынь къ преп. Никандру и умолялъ его о помощи. Старецъ велѣлъ отнести больнаго въ гостинную хижину, гдѣ останавливались приходившіе, и оградилъ его крестомъ; больной, сладко уснувъ, всталъ на другой день совершенно здоровымъ.

Каждый годъ, въ великій пятокъ, преп. отшельникъ приходилъ къ вечернѣ въ Демьянскій монастырь (п) и на другой день послѣ исповѣди пріобщался св. Таинъ; а за 8 лѣтъ до кончины принялъ схиму отъ Демьянскаго игумена. Жившіе въ окрестности иногда тайно приходили къ хижинѣ отшельника и всегда слышали, что онъ молился съ горькимъ рыданіемъ; когда замѣчалъ близость людей, внезапно умолкалъ. Никто не заставалъ его лежащимъ для отдыха; онъ только сидя засыпалъ немного. Постоянною пищею его были пустынныя растенія и по захожденіи солнца вкушалъ онъ не-

(п) Демьянскій Спасскій монастырь находился недалеко отъ Никандровой пустыни при впаденіи рѣчки Демьянки въ р. Шелонь. Онъ давно уже не существуетъ.

много сухаго хлѣба, если приносили его; въ великій постъ только разъ въ недѣлю принималъ пищу.

Въ послѣдніе годы жизни преп. Никандра часто приходилъ къ нему благочестивый діаконъ Петръ для бесѣды о душевномъ спасеніи. Однажды старецъ сказалъ ему: «Братъ мой! Много страдалъ я ногами, но по благодати Божіей освободился теперь отъ болѣзни». Тогда же открылъ ему о скоромъ своемъ преставленіи и просилъ предать землѣ тѣло его. Какъ же узнаю я о твоей кончинѣ? спросилъ Петръ. «Безъ скорби нельзя сказать тебѣ объ исходѣ моемъ, отвѣчалъ преподобный: въ тотъ день Псковъ объятъ будетъ бурею войны, его будутъ держать въ осадѣ Литовцы. Ты же, когда услышишь о смерти моей, послужи мнѣ». Такъ и случилось.—Прохожій крестьянинъ нашелъ, 24 сентября 1581 года, преп. Никандра въ кельѣ его простертымъ на рогожкѣ, со сложенными на груди руками, почившимъ въ мирѣ и еще не остывшимъ; въ это время Баторій осаждалъ Псковъ. Діакопъ, услышавъ о кончинѣ богоноснаго старца, пригласилъ духовныхъ и мірянъ отдать честь подвижнику Божію, и хотя Литовское войско разсѣяно было по уѣздамъ Порховскому и Псковскому, усердствующіе безопасно совершили свое благочестивое дѣло.

Вскорѣ поселился на пустынномъ мѣстѣ преп. Никандра инокъ Исаія. Онъ первый испыталъ на себѣ благодѣянія почившаго праведника: Исаія сильно страдалъ ногами, такъ что едва двигался и по молитвѣ надъ могилою пустынника получилъ исцѣленіе. Благодарный къ преп. Никандру, Исаія построилъ (1584 г.) на мѣстѣ его подвиговъ обитель съ храмомъ Благовѣщенія Богоматери. Въ новую обитель скоро собрались пустынники и отъ гроба великаго подвижника стали истекать чудеса. Новгородскій дворянинъ Іаковъ Муравьевъ, скорбѣвшій о безчадіи, обратился съ молитвою

къ преп. Никандру и чрезъ годъ родился ему сынъ; онъ построилъ храмъ въ честь преп. Никандра (р).

Въ концѣ XVI вѣка, въ предѣлахъ Костромскихъ, возникла уединенная обитель Монзенская. Первоначальникомъ ея былъ преп. Адріанъ, въ мірѣ Амосъ, Костромскій урожденецъ. Еще въ мірской жизни, будучи боленъ, онъ видѣлъ во снѣ одинокій храмъ между двухъ рѣкъ и слышалъ слово: «здѣсь твое мѣсто». Оправясь отъ болѣзни, Амосъ тайно ушелъ изъ дома родительскаго въ Толгскій монастырь, потомъ въ Геннадіевой обители принялъ постриженіе съ именемъ Адріана. Здѣсь прожилъ онъ нѣсколько лѣтъ; послѣ того жилъ на Каменномъ островѣ въ Спасской обители и въ Павловой Обнорской пустыни. Между тѣмъ повсюду сопровождала его мысль о храмѣ, видѣнномъ между двухъ рѣкъ. Въ Павловой пустыни полюбилъ его старецъ Пафнутій, и Адріанъ разсказалъ ему давнее свое видѣніе. Въ одно время вечеромъ Пафнутій послѣ правила легъ отдохнуть. Является ему неизвѣстный человѣкъ и говоритъ: «пошли друга твоего Адріана къ востоку; мѣсто не дальше 50 верстъ отсюда; тамъ увидитъ онъ преподобнаго мужа». Пафнутій спросилъ: кто онъ и какъ знаетъ то мѣсто? Неизвѣстный отвѣчалъ: «то мѣсто не тебѣ назначено». Пафнутій сообщилъ объ этомъ Адріану. Адріанъ, по разсказу столѣтняго іерея Евпла, отъискалъ въ глухомъ мѣстѣ запустѣлый деревянный храмъ, тотъ самый, который представлялся ему въ видѣніи. Съ радостію возвратился онъ къ Пафнутію; оба

(р) Мощи преп. Никандра почиваютъ открыто въ соборномъ храмѣ Благовѣщенской Никандровой пустыни. Онѣ были освидѣтельствованы по указу патріарха Іоакима и торжественно открыты 29 іюня 1687 года.—Житіе преп. Никандра и служба ему, написанныя неизвѣстнымъ, находятся въ Москов. синод. библіотекѣ (рукопись XVII вѣка № 620).

вмѣстѣ рѣшились идти туда. Но неожиданно царскій указъ потребовалъ Пафнутія въ Москву, гдѣ онъ (въ 1595 г.) назначенъ архимандритомъ Чудова монастыря. Адріанъ основался при храмѣ съ нѣсколькими инокамп. Мѣсто было самое пустынное, тихое и пріятное.—Но открылось и неудобство: полая вода подмывала берегъ и была въ впду опаспость, что вода подроется подъ храмъ. Одинъ старецъ сказалъ притомъ Адріану, что прежній игуменъ хотѣлъ перепести храмъ съ опаснаго мѣста на другое, и указалъ то мѣсто.

Но воля Божія пазначала пустынникамъ не то мѣсто для подвиговъ, которое понравилось Адріану. Пришелъ къ нему незнаемый отшельникъ и сказалъ: «не трудись, старецъ! тебѣ назначено другое мѣсто,—на берегу р. Монзы; ты узнаешь его тогда, какъ двое юношей исцѣлятся отъ жестокой болѣзни». Адріанъ сталъ осматривать мѣста по берегу р. Монзы. Въ это время привезены въ Благовѣщенскую обитель Адріана два больныхъ отрока, одинъ изъ Буйгорода, другой изъ Сольгалича; отецъ перваго объявилъ, что сынъ его по словамъ неизвѣстпаго старца исцѣлится у старца Адріана, у котораго ветхій монастырь Благовѣщенскій, а на новомъ мѣстѣ—храмъ Воскресенія Христова и Николая чудотворца. По разсказу другаго, старецъ сказалъ ему, что больной сынъ его исцѣлится у Адріана, который переноситъ монастырь на устье р. Монзы. Больные дѣйствительно исцѣлились у Адріана по совершепіи молебствія въ храмѣ. Тогда преп. Адріанъ рѣшился перенести обитель на новое мѣсто; оно было въ 35 верстахъ отъ Галича и въ 20 отъ Костромы, при впаденіи Монзы въ р. Кострому. Невѣдомый Адріану пустынникъ, указавшій новое мѣсто, былъ преп. Ѳерапонтъ, великій подвижникъ и сокровенный рабъ Божій. Въ послѣдствіи узпали, что онъ жилъ прежде въ Москвѣ и

подражалъ подвигамъ блаж. Василія [т]; потомъ постригся въ Костромскомъ Воздвиженскомъ монастырѣ и былъ тамъ образцемъ послушанія и постничества. Жители Костромы, начиная съ воеводы, питали къ нему уваженіе, приходили слушать наставленія его и принимать благословеніе; онъ принималъ посѣщавшихъ съ любовію, но иныхъ строго обличалъ за слабую жизнь и пристрастіе къ мірской суетѣ. Тяготясь извѣстностію, удалился онъ изъ Костромы и поселился на р. Монзѣ, въ 25 верстахъ отъ Галича; мѣсто, гдѣ поселился онъ, было лѣсное, и окружено болотами, такъ что сюда можно было проникнуть только на челнокѣ р. Костромою.— Незримый никѣмъ, подвизался онъ здѣсь въ молитвѣ и постѣ. Только слѣдъ незнаемаго человѣка видѣли здѣсь на травѣ; но пустынникъ не показывался никому.

Когда монастырь Адріана уже устроился на новомъ мѣстѣ, преп. Ѳерапонтъ самъ пришелъ въ обитель Монзенскую и сталъ жить здѣсь. Онъ взялъ слово съ Адріана, что не будетъ говорить о немъ ничего, что извѣстно ему,

(т) Такъ, когда видѣлъ его старецъ Пафнутій (другъ преп. Адріана) въ Павловомъ Обнорскомъ монастырѣ, на вопросъ Пафнутіевъ: кто онъ? Ѳерапонтъ отвѣчалъ: «я сожитель Василіевъ, что на Москвѣ». Точно также когда въ первый разъ видѣлся съ нимъ Адріанъ, онъ сказалъ ему: «ты будешь мнѣ отцемъ и тогда узнаешь мое имя: теперь же скажу тебѣ, что я сожитель Василія, который подвизался въ Москвѣ». Поселясь въ Монзенской обители, старецъ на вопросы любопытныхъ отвѣчалъ, что онъ «постриженникъ Воздвиженскаго монастыря, что въ Костромѣ, но бывалъ и въ царствующемъ градѣ, гдѣ жилъ близь дома блаженнаго Василія, отдѣленный отъ него однимъ лишь тыномъ». Онъ постриженъ въ иночество за 16 лѣтъ до кончины своей, какъ самъ сказалъ духовнику, (слѣд. въ 1575 г.). Такимъ образомъ ясно, что онъ едвали видалъ въ живыхъ блаж. Василія († 1554), а только подражалъ сокровенному духовному житію его.

и просилъ быть его духовнымъ отцемъ. «Скоро, прибавилъ преподобный, спустя два года съ половиною, исполнится надо мною воля Божія: до смерти же моей не разглашай обо мнѣ». Ѳерапонтъ каждый день выходилъ изъ обители и переѣдя р. Монзу скрывался въ чащѣ лѣса; тамъ молился онъ наединѣ, почь же проводилъ въ кельѣ безъ сна и переписывалъ книги. Инокъ Кириллъ возропталъ на св. старца, что не участвуетъ въ строеніи обители и увидѣлъ его іоіоновъ, внушавшихъ ему негодованіе на святаго; тяжело ему приходилось отъ этихъ посѣтителей, пока не пришелъ къ нему чудный Ѳерапонтъ; старецъ разогналъ духовъ, но запретилъ Кириллу говорить о томъ. Однажды преп. Ѳерапонтъ вышелъ въ лѣсъ на обычное свое мѣсто для уединенной молитвы. Женщина по имени Пелагія, собиравшая ягоды, увидѣла старца издали и перешла оврагъ, чтобы посмотрѣть на него вблизи. Старецъ сидѣлъ на колодѣ, обнаженный до пояса; по тѣлу его искусанному комарами и оводами лилась кровь; надъ нимъ роились кровожадныя насѣкомыя. Увлекаемая женскимъ любопытствомъ, она подошла еще ближе и ослѣпла. Въ страхѣ закричала она: «угодникъ Божій! прости меня грѣшную»! Съ этимъ словомъ невидимая сила отбросила ее за оврагъ и она стала видѣть; но она боялась сказать о случившемся съ нею кому-либо другому, кромѣ старца Адріана. Служившій въ обители Петръ, видя однажды преподобнаго, идущаго за р. Монзу, сказалъ ему съ насмѣшкою: «древенъ ты годами, а ступаешь искусно, какъ бы плывешь ногами и мантія на тебѣ не движется». Старецъ ничего не отвѣчалъ ему и прошелъ мимо. Петръ, возвратясь въ монастырь, почувствовалъ страшную боль въ головѣ и лице его искривилось. Адріанъ, узнавъ нечаянно о его болѣзни, спросилъ: не говорилъ ли ты при встрѣчѣ чего-нибудь оскорбительнаго св. старцу? Петръ исповѣдалъ грѣхъ

свой. Адріанъ совѣтовалъ ему молиться и просить прощенія у блаженнаго Ѳерапонта. Когда св. старецъ выходилъ отъ вечерни, больной просилъ у него помилованія. Ѳерапонтъ возложилъ на него руки и сказалъ: «не надобно осуждать никого», и болѣзнь миновалась. За день до кончины, блаженный Ѳерапонтъ сказалъ братіи: «близокъ конецъ моій», и просилъ Адріана причастить его св. Таинъ во время литургіи. Братія, видя его на ногахъ, не хотѣли вѣрить, что скоро умретъ онъ. Въ самый день кончины его всѣ собрались къ утренѣ (это былъ воскресный день—недѣля св. Праотецъ); пришелъ къ утренѣ и чудный Ѳерапонтъ; по окончаніи службы простился онъ съ братіею и пошелъ въ келлію. Игуменъ Адріанъ пригласилъ иноковъ посмотрѣть на кончину праведника. Братія и теперь повторяли, что еще крѣпокъ онъ; но когда пришли въ келлію, подвижникъ лежалъ на одрѣ въ мантіи и куколѣ, и свѣчи горѣли предъ иконами; онъ уже отошелъ ко Господу. Это было 12 декабря 1591 года.

Вскорѣ по преставленіи преп. Ѳерапонта, однажды послѣ литургіи, игуменъ Адріанъ легъ отдохнуть на рогожкѣ. Является Ѳерапонтъ и говоритъ ему: «спустя десять лѣтъ, будетъ великій голодъ въ Россіи; береги рожь; многіе будутъ тогда питаться изъ твоихъ житницъ и онѣ не оскудѣютъ; тогда населятся и пустыя земли твои». Ѳеодосій, слѣпой старецъ, постриженникъ обители, въ полночь мололъ жерновомъ рожь. И вотъ яркій свѣтъ наполнилъ храмину и онъ увидѣлъ свѣтъ исходящій изъ храма св. Николая; предъ царскими дверями стоялъ преп. Ѳерапонтъ. «Чего ты просишь у Господа»? спросилъ его преподобный. «Отпущенія грѣховъ», отвѣчалъ слѣпой старецъ. «Подвизайся и какъ началъ, такъ и довершай: спустя немного времени увидишь ты свѣтъ вѣчности», сказалъ ему чудный Ѳерапонтъ. Послѣ того

старецъ опять остался во мракѣ. Въ другое время Ѳеодосій въ полдень мололъ хлѣбъ. Опять явился ему Ѳерапонтъ и сказалъ: «миръ тебѣ и благословеніе! Спустя немного времени будетъ великій голодъ во всей Россіи, но ты не доживешь до того; скоро ты увидишь меня въ другомъ мірѣ; скажи тайно Адріану, чтобы крѣпко берегъ рожь; многимъ придется питаться отъ монастыря». Ѳеодосій вскорѣ скончался (у).

Въ обители Монзенской братія доставали себѣ пропитаніе земледѣліемъ, и настоятель Адріанъ былъ первымъ на работахъ. Вѣря посмертному предсказанію чуднаго Ѳерапонта, онъ наполнилъ монастырскія житницы хлѣбомъ. Когда въ 1601 году предсказаніе сбылось и наступилъ страшный голодъ (ф), обитель Адріана и Ѳерапонта была питательницею для всей окрестности; люди селились на пустошахъ монастырскихъ, не находя на прежнихъ мѣстахъ пропитанія. Игуменъ Адріанъ отпускалъ хлѣбъ всѣмъ нуждающимся, въ упованіи на Господа; и житницы обители не оскудѣли.

Преп. Адріанъ прожилъ послѣ кончины старца Ѳерапонта болѣе 20 лѣтъ, и мирно преставился 5 мая 1619 г. (х).

(у) «Преподобный Ѳеодосій, трудникъ Благовѣщенскаго монастыря, иже на Монзѣ рѣцѣ, преставися въ лѣто 7100 (1592)». Такъ сказано о немъ въ древнемъ спискѣ Русскихъ святыхъ.

(ф) Въ Успенскій постъ 1601 года морозъ уничтожилъ хлѣбъ по всей Россіи: насталъ страшный голодъ и продолжался три года. Въ Москвѣ похоронено въ скудельницахъ до 127,000 человѣкъ, умершихъ отъ голода. Тогда люди, получавшіе пропитаніе изъ Монзенскихъ житницъ и наученные примѣромъ труженниковъ пустыни, говорили: «невѣяный хлѣбъ — не голодъ, а посконная рубашка—не нагота».

(х) Мощи преп. Адріана и Ѳерапонта Чуднаго почиваютъ подъ спудомъ въ Благовѣщенскомъ храмѣ обители ихъ, которая упразднена въ 1764 году. Тамъ же погребенъ и блаж. труженикъ

Два подвижника того же времени проходили трудный путь юродства. Одинъ изъ нихъ былъ блаж. Симонъ, сынъ поселянъ, жившихъ близь Юрьевца Поволгскаго. Тайно ушелъ онъ изъ дома родительскаго въ густой лѣсъ. Поселяне села Ялватскаго увидѣли въ лѣсу человѣка полунагаго, въ лохмотьяхъ, но не могли допытаться отъ него, кто онъ и откуда. Изъ состраданія привели они его къ священнику. Въ домѣ добраго пастыря послушливо занимался онъ работою, никогда не оставаясь праздным; онъ усердно посѣщалъ и храмъ Божій; но являясь малоумнымъ передъ людьми, подвергался насмѣшкамъ и оскорбленіямъ. Одна рубашка зимою и лѣтомъ была одеждою его, и земля служила ему постелью; обуви не носилъ онъ и въ самые жестокіе морозы. Такъ прожилъ Симонъ въ с. Ялватскомъ 15 лѣтъ.

Перейдя въ г. Юрьевецъ, онъ не имѣлъ уже никакого пристанища. По прежнему босой и полунагой, онъ скитался по улицамъ, собирая насмѣшки и оскорбленія; только въ жестокіе морозы заходилъ онъ въ корчемницу, но и здѣсь встрѣчалъ наглые толчки и шутки. Любимое мѣсто его была паперть того или другаго храма, гдѣ проводилъ онъ время въ молитвѣ: особенно же любилъ онъ Богоявленскую обитель. Внимательные видали на глубокомъ снѣгу слѣды колѣнопреклонныхъ молитвъ его. Отъ суровой жизни кожа его совсѣмъ почернѣла, а отъ поста прилипла къ костямъ. Такими подвигами самоотреченія духъ его очистился и благодатно окрѣпъ, такъ что онъ видѣлъ то, чего не видали другіе.

Разъ юродствуя вошелъ онъ въ домъ воеводы Третьяка Трегубова; воевода разгнѣвался на то, что вошелъ къ

Ѳеодосій. Житіе ихъ изложено въ «Сказаніи о началѣ Монзенскаго монастыря». (Библ. Царскаго № 118.

нему такой нищій, и велѣлъ вытолкать его вонъ. Прогоняемый Симонъ намекнулъ на несчастіе, ожидавшее воеводу: за то подвергся онъ новымъ побоямъ. На слѣдующее утро жена Трегубова упала съ крыльца дома и убилась до-смерти. У гроба жены суровый воевода вспомнилъ о словахъ юродиваго и, раскаявшись въ своемъ поступкѣ, сталъ уважать Симона. Въ другое время блаженный говорилъ: «молитесь, будетъ пожаръ.» Но никто не обратилъ вниманія на слова юродиваго. Спустя нѣсколько дней въ полдень загорѣлся городъ. Третьякъ вспомнилъ о словахъ Симона и послалъ отыскать его. Его нашли на паперти, со слезами молящимся предъ иконою Богоматери. Воевода и другіе просили его о помощи противъ страшной бѣды, и пламень тотчасъ же погасъ. Юрьевецкій житель Зубаревъ, переплывая Волгу въ ладьѣ, на срединѣ ея застигнутъ былъ сильною бурею, и ладья его готова была потонуть. Увидавъ блаженнаго на берегу, онъ мысленно молилъ Симона помолиться о его спасеніи и обѣщалъ дать ему новую одежду и обувь. Буря утихла, но спасенный забылъ о своемъ обѣщаніи. Спустя нѣсколько времени Симонъ, встрѣтясь съ нимъ въ уединенномъ мѣстѣ, сказалъ ему: «а кафтанъ и сапоги гдѣ? Ты забылъ свое обѣщаніе, которое давалъ, какъ тонулъ въ водѣ.» Зубаревъ сознался въ грѣхѣ своемъ и готовъ былъ немедленно подарить обѣщанное; но блаженный сказалъ: «мнѣ не нужно: отдай нищимъ и не забывай ихъ: милостыня избавляетъ отъ напастей».

Близкій къ кончинѣ, Симонъ зашелъ въ домъ новаго воеводы Петелина. Тотъ, не зная его, избилъ его жестоко до того, что блаженный сильно заболѣлъ. Брошенный въ подвалъ воеводы, упросилъ онъ слугу призвать духовника; какъ великой милости Божіей обрадовался онъ, когда при-

шелъ священникъ съ св. Дарами; исповѣдался, пріобщился св. Таинъ и предалъ духъ свой Богу 4 ноября 1584 г. (ц).

Другой подвижникъ въ то же время юродствовалъ на улицахъ Москвы. Урожденецъ страны Вологодской, блаж. Іоаннъ назывался «водоносцемъ». Это названіе напоминало о трудахъ его въ молодости: въ соловарнѣ съ тяжкими трудами добыванія и переноски соленаго раствора соединялъ онъ строгій постъ и молитву. Съ заводовъ перешелъ онъ въ Ростовъ. Здѣсь начался новый подвигъ его, подвигъ особаго рода. Его звали «большимъ колпакомъ», потому что на головѣ носилъ онъ тяжелый желѣзный колпакъ. На тѣлѣ, подъ одеждою, носилъ онъ еще вериги, состоявшіе изъ толстыхъ желѣзныхъ крестовъ, тогда какъ на пальцахъ его было нѣсколько блестящихъ колецъ. Разъ посѣтивъ преп. Иринарха Затворника, онъ далъ ему совѣтъ носить на себѣ кресты желѣзные и сказалъ пророческія слова: «дастъ тебѣ Богъ—научать людей отъ Востока и Запада, наполнять землю учениками, отводить людей отъ пьянства. За беззаконное же пьянство и развратъ Господь Богъ нашлетъ на Русскую землю иноплеменныхъ. И они подивятся и почудятся великому терпѣнію твоему и подвигамъ; мечъ ихъ тебя не повредитъ, и они прославятъ тебя болѣе вѣрныхъ. А я теперь иду въ Москву просить у царя земли, потому что у меня въ Москвѣ столько будетъ видимыхъ бѣсовъ (Литвы), что едва уставятся хмѣлевыя тычины. Но ихъ святая Троица своею силою прогонитъ» (ч). Въ Москвѣ

(ц) Мощи блаж. Симона погребены въ Богоявленской церкви города Юрьевца; она принадлежала нѣкогда къ монастырю, который давно уже упраздненъ. Житіе блаж. Симона въ библ. Царскаго № 113.

(ч) Жизнь преп. Иринарха затворника. сост. архимандритомъ Амфилохіемъ, стр. 12 и 13.

ходилъ онъ въ самые жестокіе морозы босой, почти нагой, съ распущенными волосами. Встрѣчаясь съ Годуновымъ; говорилъ вслухъ: «умная голова, разбирай Божьи дѣла, Богъ долго ждетъ, да больно бьетъ». Предъ смертію пришелъ онъ въ церковь Покрова Богоматери, что на рву [ш], и просилъ у протоіерея Димитрія мѣсто себѣ, гдѣ бы ему лечь. Протоіерей, понявъ чего желаетъ юродивый, обѣщалъ похоронить его; блаженный указалъ на мѣсто могилы. По выходѣ изъ церкви Іоаннъ спустился къ живому мосту на р. Москву; здѣсь встрѣтился ему больной Григорій, два года не владѣвшій ногою; распросивъ его о болѣзни, Іоаннъ какъ бы нечаянно наступилъ ему на ногу и нога исцѣлѣла. Потомъ пошелъ за рѣку въ баню и тамъ, въ первый разъ, снявъ съ себя всѣ вериги, трижды облился водою, готовя себя къ погребенію; легъ на скамью, положивъ подъ голову всѣ свои тяжести и сказалъ: «простите меня, братія; когда я умру, отнесите къ церкви Покрова Богородицы, ко гробу блаж. Василія, чтобы протоіерей съ братіею похоронилъ мое тѣло». Съ этими словами скончался. Это было 3 іюля 1589 г.—Желаніе блаженнаго поспѣшили исполнить: протоіерей и его причтъ перенесли бездыханное тѣло праведника въ церковь свою, гдѣ во время паннихиды исцѣлился боярскій сынъ Елеазаръ Юрьевъ, 20 лѣтъ страдавшій глазами. По волѣ царя Ѳеодора, слышавшаго о подвигахъ блаженнаго, юродиваго отпѣвали Казанскій митрополитъ, Рязанскій архіепископъ и множество настоятелей монастырскихъ. Въ самый часъ погребенія забушевала буря съ громомъ и молніею: ризничій владыки Рязанскаго убитъ былъ до смерти въ самомъ храмѣ; Покровскаго діакона Пимена вынесли едва живымъ; священника Іоанна ударило о землю, долго лежалъ онъ безъ

(ш) Болѣе извѣстную подъ именемъ Василія блаженнаго.

чувствъ, и едва успѣлъ исповѣдаться какъ умеръ; многіе другіе были оглушены и опалены (щ).

Эта буря была какъ бы вѣстникомъ волненій и безначалія, которыя грозили Московскому государству. Они были предсказаны блаж. Іоанномъ преп. затворнику Ипнарху, и время событій уже приближалось. Объ этомъ страшномъ времени мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

(щ) Мощи блаж. Іоанна почиваютъ подъ спудомъ въ Москвѣ, въ Рождественскомъ придѣлѣ Покровскаго собора, близъ раки св. Василія блаженнаго. Житіе блаж. Іоанна въ библ. Царскаго № 128, въ Синод. библ. № 850. Въ Ростовскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, въ прежнемъ алтарѣ теплой церкви, а теперь зимней ризницѣ есть икона Іоанна юродиваго «большаго колпака» во весь ростъ, иконнаго письма первой половины XVIII вѣка. Здѣсь онъ изображенъ съ большою головою, не соотвѣтствующею его туловищу, и длинными, распущенными, курчавыми волосами. Большаго же колпака ни на головѣ, ни близъ его изображенія не написано.

ГЛАВА VI.

Смутное время.—Царь Борисъ.—Попеченія патріарха Іова о распространеніи вѣры.—Гоненіе на Романовыхъ.—„Великій гладъ“ и прав. Юліанія Лазаревская.—Смерть Бориса и гибель его семейства.—Лжедимитрій.—Заточеніе патріарха Іова.—Лжепатріархъ Игнатій.—Воцареніе Василія Шуйскаго.—Патріархъ Гермогенъ.—Перенесеніе изъ Углича въ Москву мощей св. царевича Димитрія.—Погребеніе Годуновыхъ въ лаврѣ Сергіевой.—Смятенія.—Всенародное покаяніе.—Преставленіе патріарха Іова.—Низверженіе Шуйскаго съ престола.—Твердость патріарха Гермогена.—Междуцарствіе.—Ужасы безначалія и разврата.

Передъ нами растилается лѣтопись той эпохи, которую современники очень мѣтко назвали «смутнымъ временемъ». Дѣйствительно, смутное время! Безпрестанное нарушеніе долга присяги, низверженіе царей и святителей, цареубійство, измѣна—становятся дѣломъ обыденнымъ, обыкновеннымъ. Вѣрность считается преступленіемъ, измѣна и коварство—заслугою; разрываются всѣ связи общественныя и даже семейныя; святость крестнаго цѣлованія, любовь къ отечеству, честь и совѣсть исчезаютъ, какъ бы безслѣдно, на лицѣ земли Русской; престолъ царскій сиротѣетъ и предлагается измѣнниками иноземцамъ; вѣра православная колеблется.... Наконецъ, когда бѣдствіе достигло крайнихъ предѣловъ, когда мракъ грѣховнаго ослѣпленія сдѣлался непроницаемымъ: гнѣвъ Божій обратился на милость, по молитвамъ Церкви,

торжествующей на небесахъ и воинствующей на землѣ. Страшная ночь миновала. Новое солнце возсіяло на небосклонѣ Русскомъ.

«Смутное время» начинается съ воцареніемъ Бориса Годунова. Достигнувъ престола святоубійствомъ, онъ былъ однако же царемъ законнымъ, избраннымъ «всею землею» Московскаго государства. Возлагая на себя вѣнецъ Мономаховъ, новый царь клялся посвятить всю жизнь свою благу Россіи. Какъ бы забывъ уставъ церковный, среди литургіи онъ воззвалъ громогласно: «Отче великій патріархъ Іовъ! Богъ мнѣ свидѣтель, что въ моемъ царствѣ не будетъ ни сираго, ни бѣднаго»—и, тряся воротъ своей рубашки, примолвилъ: «отдамъ и сію послѣднюю пароду». Единодушный восторгъ прервалъ священнодѣйствіе: слышны были только клики умиленія и благодарности въ храмѣ; бояре славословили монарха, народъ плакалъ.

Нѣсколько лѣтъ продолжалось мирное царствованіе, при постоянныхъ попеченіяхъ Бориса о благоустроеніи державы. Въ то же время и первый патріархъ Русскій, Іовъ, заботился о распространеніи вѣры Христовой между Татарами казанскими. Христіанство, насажденное между ними святителемъ Гуріемъ, стало ослабѣвать, по мѣрѣ ослабленія охранительныхъ мѣръ. Въ 1593 году ревностный Гермогенъ, тогда митрополитъ Казанскій, съ глубокою скорбію писалъ въ Москву, что нѣкоторые изъ Татаръ совсѣмъ отпали отъ вѣры, другіе же болѣе любятъ чувственную жизнь мусульманства, чѣмъ строгость и чистоту святой вѣры. Посему просилъ онъ, чтобы возобновлены были мѣры къ охраненію христіанства. По ходатайству патріарха передъ царемъ, приказано было построить слободу съ церковью и туда переселить всѣхъ новокрещенцевъ изъ уѣзда; запрещено было мусульманамъ держать у себя христіанъ въ услуженіи, а христіанамъ пред-

писано плѣнниковъ иновѣрныхъ или отпускать, или присоединять ко Христу, женъ имѣть не иначе какъ христіанокъ и выполнять все требуемое святою вѣрою [6]. Чтобы оживить въ Казанцахъ память о чудесахъ христіанства, бывшихъ въ Казанской странѣ, равно о подвигахъ первыхъ проповѣдниковъ вѣры, Гермогенъ (въ 1594 г.) написалъ повѣсть о Казанской иконѣ Богоматери и житіе святителей Гурія и Варсонофія.

Апостольская ревность первосвятителя распространялась и на отдаленную, но единовѣрную Грузію, страдавшую подъ игомъ самыхъ тяжкихъ бѣдъ и опасностей. Турція тревожила ее набѣгами, Персія принуждала къ принятію мусульманства. Предъ концемъ жизни царя Ѳеодора, Грузинскій царь Александръ слезно умолялъ его принять подъ покровительство единовѣрную Иверію. «Настали времена ужасныя для христіанства, писалъ онъ; мы единовѣрные братья Россіянъ степаемъ отъ злочестивыхъ; единъ ты, вѣнценосецъ православія, можешь спасти нашу жизнь и наши души». Въ слѣдующемъ году принята была клятва царя Александра на подданство Россіи, а Россія обязалась защищать Грузію, какъ собственность. Такъ какъ церковь Грузинская была въ разстройствѣ по всѣмъ частямъ, то царь Александръ просилъ святителя Іова вспомоществовать ей способными людьми. Въ апрѣлѣ 1589 г. отправлены были священники для исправленія порядка въ богослуженіи и иконописцы для украшенія ветхихъ и опустѣлыхъ храмовъ живописью. Патріархъ Іовъ отвѣчалъ тогда Александру за себя и за царя умнымъ посланіемъ, въ которомъ святительски поучалъ царя и народъ христіанскому смиренію предъ судьбами Божіими. Царь съ восторгомъ принялъ посланія и посланныхъ духовныхъ людей и отвѣчалъ,

---

(б) Акты Археограф. Экспедиціи II, № 350.

что Русскіе священники ангелы для духовенства Иверскаго, омраченнаго невѣжествомъ [в].

При патріархѣ Іовѣ установлены нѣкоторые новые праздники: въ 1591 г. написанъ канонъ и самимъ Іовомъ исправлена служба преподобному Іосифу Волоколамскому, а Соборъ положилъ праздновать память его во всѣхъ церквахъ; въ 1600 г. установлено повсемѣстное празднованіе преподобному Корнилію Комельскому [г].

Книгопечатаніе въ Москвѣ шло довольно успѣшно. Къ сожалѣнію, по недостатку людей, знающихъ греческій языкъ, въ новопечатныхъ книгахъ оказывалось много недостатковъ, хотя въ самомъ началѣ патріаршества уже твердо были убѣждены, что необходимо исправлять безчисленныя ошибки въ книгахъ, и что для того надобно не только печатать книги, но предварительно печатанію, сличать поздніе съ древними, лучшими списками [д].

Но время всеобщаго спокойствія и благоденствія не было продолжительно. Прежде всего замѣтили перемѣну въ дѣйствіяхъ самого царя: подъ личиною добродѣтели, Борисъ таилъ въ душѣ мрачную подозрительность. Онъ естественно думалъ, что и другіе подобно ему могли питать въ сердцѣ жажду къ верховной власти, лицемѣріе и дерзость; хо-

---

(в Посланіе къ царю Александру въ I т. Ист. Акт. № 227.— Тогда посланы въ Грузію «учительные люди»: изъ Сергіевой лавры соборный старецъ, бывшій казначей, Закхей и іеромонахъ Іероѳей, изъ Чудова монастыря діаконъ Ѳеодосій, иконописцы: Успенскій священникъ Богданъ, Архангельскій священникъ Димитрій и діаконъ Ѳеодоръ. Исторія Грузинской Церкви Іоселіана 102—105.

(г) Волоколам. рукописи № 191 и 192, находящіеся теперь въ библіотекѣ Моск. Дух. Академіи.—Акты Археограф. Экспед. II, № 222.

(д) При патріархѣ Іовѣ (съ 1589 до 1602 г.) въ первый разъ изданы обѣ тріоди—цвѣтная и постная, октоихъ, архіерейскій чиновникъ, общая минея и служебникъ.

тѣлъ быть на стражѣ неусыпной, все видѣть и слышать, чтобы предупредить злые умыслы; возстановилъ для того бѣдственную Іоаннову систему доносовъ и ввѣрилъ судьбу гражданъ сонму гнусныхъ извѣтниковъ. Много знатныхъ родовъ боярскихъ, по доносамъ подкупленныхъ рабовъ, подверглось опалѣ, ссылкѣ и истязаніямъ. Въ числѣ пострадавшихъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія, по дальнѣйшему вліянію на судьбы Церкви и государства семейство Романовыхъ-Юрьевыхъ (e). Старшій въ этомъ родѣ, родной племянникъ царицы Анастасіи, боярин Ѳеодоръ Никитичъ, по ложному доносу холопа, обвиненъ въ измѣнѣ и намѣреніи извести государя средствами волшебства. Постриженный насильно съ именемъ Филарета, онъ былъ сосланъ въ отдаленную Сійскую обитель преп. Антонія. Сюда не пускали даже и богомольцевъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не доставилъ письма иноку невольному, но ревностному въ благочестіи: коварный приставъ, съ умысломъ заговаривая ему о Дворѣ, семействѣ и друзьяхъ его, доносилъ царю, что Филаретъ хотя занимается единственно спасеніемъ души, но тоскуетъ о женѣ и дѣтяхъ, не зная, гдѣ они безъ него сиротствуютъ, и моля Бога о скоромъ концѣ ихъ бѣдственной жизни. Богъ не услышалъ этой молитвы къ счастію Россіи (*)! Спустя три года, Борисъ захотѣлъ похвалиться милостію: позволилъ Филарету стоять въ церкви на клиросѣ, взять къ себѣ чернеца въ келлію для

(e) Память добродѣтельной царицы Анастасіи и свойство Романовыхъ-Юрьевыхъ съ угасшимъ царскимъ домомъ были для нихъ правомъ на общее уваженіе и любовь народа. Боярин Никита Романовичъ (братъ царицы), достойный любви и личными благородными качествами, оставилъ пять сыновей: Ѳеодора, Александра, Михаила, Ивана и Василія, въ послѣдній часъ жизни моливъ Годунова быть имъ вмѣсто отца.

(ж) Супруга Ѳеодора Никитича, Ксенія Ивановна, постриженная и названная Маѳою, заточена въ одинъ изъ Заонежскихъ

услугъ и бесѣды; приказалъ всѣмъ довольствовать своего измѣнника (такъ называлъ онъ мужа, непорочнаго въ совѣсти) и для богомольцевъ отворить монастырь Сійскій, но не пускать ихъ къ опальному иноку; приказалъ наконецъ (въ 1605 году) посвятить Филарета въ іеромонахи и въ архимандриты, чтобы тѣмъ болѣе удалить его отъ міра!

Это печальное время Борисова царствованія, уступая Іоаннову въ кровопійствѣ, не уступало ему въ беззаконіи: наслѣдство гибельное для будущаго! Любовь народная къ государю, единодушно избранному, остыла: онъ не могъ уже возобновить ее даже чувствительностію къ народному бѣдствію и щедростію неслыханною во время голода. Весною, въ 1601 году, небо омрачилось густою тьмою, и дожди лили въ теченіи десяти недѣль непрестанно, такъ что жители сельскіе пришли въ ужасъ: не могли ничѣмъ заниматься, ни косить, ни жать; а 15 августа жестокій морозъ повредилъ какъ зеленому хлѣбу, такъ и всѣмъ плодамъ незрѣлымъ. Еще въ житницахъ и въ гумнахъ находилось не мало стараго хлѣба;

погостовъ; а сынъ ихъ шестилѣтній Михаилъ (будущій царь) на Бѣлоозеро, вмѣстѣ съ семействомъ дяди, князя Бориса Черкасскаго. Романовы, братья Ѳ. Н., также подверглись ссылкѣ въ самые отдаленные углы Русской земли, томились въ душныхъ землянкахъ и померли въ узахъ (кромѣ Ивана Никитича). Донынѣ близь села Ныроба (въ 7 верст. отъ Чердыня) ростуть два кедра на мѣстѣ могилы Михаила Романова. Донынѣ въ церкви Ныробской хранятся тяжкія его оковы, и старцы еще разсказываютъ тамъ по преданію отъ дѣдовъ о великодушномъ терпѣніи, о чудесной крѣпости и силѣ твердаго узника, о любви къ нему всѣхъ жителей, которыхъ дѣти приходили къ темницѣ его играть на свирѣляхъ, и сквозь отверстія земляники подавали узнику все лучшее, что имѣли, для утоленія голода и жажды: любовь, за которую ихъ гнали при Годуновѣ и наградили въ царствованіе Романовыхъ милостивою, обѣльною грамотою. — Въ 1616 году прахъ страдальцевъ перенесенъ въ Москву и покоится въ Новоспаскомъ монастырѣ.

но земледѣльцы, къ несчастію, засѣяли поля новымъ, гнилымъ, тощимъ, и не видали всходовъ, ни осенью, ни весною: все истлѣло и смѣшалось съ землею. Между тѣмъ запасы изошли, и поля уже остались незасѣянными. Тогда началось бѣдствіе, и вопль голодныхъ встревожилъ царя. Не только гумна въ селахъ, но и рынки въ столицахъ опустѣли. Борисъ велѣлъ отворить царскія житницы въ Москвѣ и въ другихъ городахъ; убѣдилъ духовенство и вельможъ продавать хлѣбные свои запасы низкою цѣною; отворилъ и казну, раздавалъ цѣлыя кучи серебра народу. Но это пособіе приманило въ Москву несмѣтное число нищихъ и ужасы голода достигли до крайности. По свидѣтельству современниковъ, люди сдѣлались хуже звѣрей: оставляли семейства и женъ, чтобы не дѣлиться съ ними кускомъ послѣднимъ. Не только грабили, убивали за ломоть хлѣба, но и пожирали другъ друга. Путешественники боялись хозяевъ, и гостинницы стали вертепомъ душегубства: давили, рѣзали сонныхъ для ужасной пищи! Мясо человѣческое продавалось въ пирогахъ на рынкѣ! Матери глодали трупы своихъ младенцевъ!... Злодѣевъ казнили, жгли, кидали въ воду; но преступленія не уменьшались... И въ это время другіе изверги копили, берегли хлѣбъ въ надеждѣ продать его еще дороже! (3). Но нашлись и люди сострадательные, готовые жертвовать всѣмъ своимъ достояніемъ для помощи братьямъ по человѣчеству и христіанству. Такъ блаж. Іуліанія Осоргина, вдова-помѣщица Муромскаго округа, при оскудѣніи пищи, распро-

---

(3) Въ Москвѣ, въ продолженіе двухъ лѣтъ голода было погребено 127 тысячъ труповъ. Въ 1603 году, мало-по-малу, исчезли всѣ знаменія ужаснѣйшаго изъ золъ: снова явилось обиліе, и такое, что четверть хлѣба упала цѣною отъ трехъ рублей до 10 копѣекъ, къ восхищенію народа и къ отчаянію корыстолюбцевъ, еще богатыхъ тайными запасами ржи и пшеницы.

дала скотъ и всю движимость свою и кормила хлѣбомъ, купленнымъ по дорогой цѣнѣ, не только челядь свою, но и всѣхъ, просившихъ у нея милостыни. Когда великая нищета умножилась въ домѣ ея, она собрала своихъ рабовъ и сказала имъ: «голодъ обдержитъ насъ, видите сами. Если кто изъ васъ хочетъ, пусть идетъ на свободу и не изнуряется для меня». Благомыслящіе между ними обѣщались съ нею терпѣть, а другіе отошли. Съ благословеніемъ и молитвою отпустила она ихъ и не держала на нихъ гнѣва. Оставшимся рабамъ велѣла собирать траву, рекомую лебеду, и кору съ дерева, называемую «илимъ» (вязъ) и изъ этихъ припасовъ велѣла готовить хлѣбы, и тѣмъ сама питалась и дѣтей и рабовъ кормила. И молитвою ея былъ тотъ хлѣбъ сладокъ, и никто въ домѣ ея не изнемогалъ отъ голода. Тѣмъ же хлѣбомъ она и нищихъ питала, и не накормивши, никого изъ дому не отпускала: а нищихъ въ то время было безчисленное множество. Сосѣди говорили нищимъ: «что къ Юліаніи въ домъ ходите? Она и сама голодомъ умираетъ». Нищіе отвѣчали: «много селъ мы обходимъ, и чистые хлѣбы собираемъ, а такъ въ сладость не наѣдаемся, какъ сладокъ хлѣбъ у этой доброй вдовы». И сосѣди, для испытанія, посылали къ ней за хлѣбомъ, ѣли его, и дивились, говоря: «горазды рабы ея печь хлѣбы», а того не разумѣли, что молитвою ея хлѣбъ былъ сладокъ. Могла бы она умолить Бога, чтобы не оскудѣвалъ домъ ея, но не противилась смотрѣнію Божію терпя благодарно, и вѣдая, что терпѣніемъ пріобрѣтается царствіе небесное. И терпѣла въ той нищетѣ два года: не опечалилась, не смутилась и не изнемогала нищетою, но была еще веселѣе прежняго [п].

(п) Блаж. Юліанія (по выраженію книги о Росс. святыхъ) «новая чудотворица» преставилась 2 января 1605 года. Житіе ея, написанное сыномъ праведницы, Каллистратомъ Осоргинымъ, по-

Но ужасы «великаго глада» (какъ выражались современники) были только первыми каплями изъ фіала гнѣва Божія, медленно изливавшагося на Россію. Настало время явной казни для Бориса: не тамъ, откуда онъ, волнуемый напрасными подозрѣніями, ждалъ для себя опасности, появилась опасность внезапная; не потомки Рюрика, но князья и вельможи, имъ гонимые, ополчились противъ него. Возсталъ неизвѣстный бродяга, именемъ младенца, давно лежавшаго въ Угличской могилѣ [6]. Имя царевича, слухъ о сохраненіи послѣдней отрасли державнаго рода придали силу обманщику. Впрочемъ успѣхи Лжедимитрія при жизни Бориса не были значительны. Еще не открылось явной измѣны. Патріархъ Іовъ съ духовенствомъ твердо стоялъ за царя законнаго, разослалъ грамоту, повелѣвая совершать ежедневное молебствіе объ успѣхахъ Борисова оружія и всенародно проклиналъ самозванца. Когда Борисъ скоропостижно умеръ, сынъ его Ѳеодоръ вступилъ на престолъ и всѣ присягнули ему. Но войско предалось Лжедимитрію, думая видѣть въ немъ законнаго государя—сына Іоаннова; за этою первою измѣною послѣдо-

---

мѣщено мною въ Душепол. Чтеніи (1869 года № 1). Донынѣ жители Мурома чтутъ память прав. Юліаніи и отправляютъ панихиды надъ могилою ея въ селѣ Лазаревскомъ, въ 4 верстахъ отъ города.

(6) Здѣсь не мѣсто для изслѣдованія—кто былъ первый самозванецъ? Современники считали его бѣглымъ діакономъ Григоріемъ Отрепьевымъ; въ наше время появились разныя объ немъ мнѣнія. Вѣрно только одно, что онъ не былъ истиннымъ Димитріемъ (сыномъ Іоанна Грознаго), что онъ былъ выставленъ Польскою интригою, при содѣйствіи нѣкоторыхъ бояръ, недовольныхъ Борисомъ. Просимъ читателей замѣтить, что мы всячески стараемся избѣгать историческихъ подробностей не имѣющихъ ближайшаго отношенія къ судьбамъ Русской Церкви и говоримъ о дѣлахъ государственныхъ только тогда, когда это становится необходимымъ для связи событій.

вали другія; успѣхи измѣны навели ужасъ на столицу; грамоты самозванца читались на лобномъ мостѣ. Патріархъ просилъ бояръ уговаривать народъ и самъ въ храмѣ обличалъ обезумѣвшихъ клятвопреступниковъ. Многіе присягнули самозванцу, но патріархъ Іовъ остался твердъ. Злодѣи во время литургіи, которую совершалъ самъ первосвятитель, ворвались въ храмъ и въ самый алтарь и стали рвать съ Іова святительскую одежду. Іовъ снялъ съ себя панагію, положилъ ее у чудотворной Владимірской иконы и со слезами молился въ слухъ всѣхъ: «Владычице Богородице! здѣсь возложена на меня панагія святительская, съ нею исправлялъ я слово Сына Твоего и Бога нашего и 12 лѣтъ хранилъ цѣлость вѣры. Нынѣ, ради грѣховъ нашихъ, какъ вижу, бѣдствуетъ царство, обманъ и ересь торжествуютъ. Спаси и утверди православіе молитвами къ Сыну Твоему». Святая молитва святителя только озлобила злодѣевъ—слугъ Лжедимитрія. Они надѣли на Іова рясу и клобукъ простаго монаха, позорно таскали по площадямъ и наконецъ, посадивъ въ телѣгу, послали въ Старицкій монастырь, прежнюю его обитель. Царь Ѳеодоръ убитъ вмѣстѣ съ матерью; сестра его царевна Ксенія обречена на горькую жизнь (к).

Едва успѣлъ воцариться самозванецъ, какъ всѣ лучшіе люди съ ужасомъ увидѣли въ пришлецѣ орудіе ляховъ и іезуитовъ, а не сына Іоаннова. На каѳедру низверженнаго патріарха возведенъ, безъ соборнаго избранія — Рязанскій архіепископъ Игнатій, хитрый грекъ, жившій долго въ Римѣ. Такой пастырь нуженъ былъ самозванцу и ляхамъ. Когда Игнатій для приличія просилъ благословенія у Іова, старецъ свободно отвѣчалъ: «по ватагѣ атаманъ, по овцамъ пастухъ.»

(к) **Царевна Ксенія сдѣлалась жертвою гнуснаго сладострастія самозванца, потомъ пострижена съ именемъ Ольги и заточена въ отдаленной обители.**

Новый патріархъ согласился вѣнчать на царство, помазать св. мѵромъ и сподобить причащенія Св. Таинъ еще до совершенія брака невѣсту мнимаго Димитрія, Марину Мнишекъ, папистку, дозволяя ей имѣть свою латинскую каплицу и наблюдать всѣ уставы Римской вѣры. Казанскій митрополитъ Гермогенъ и Коломенскій епископъ Іосифъ настоятельно требовали, чтобы невѣста, какъ царица Русская, торжественно приняла православіе, а иначе она не царица, и даже не можетъ быть заключенъ бракъ царя съ нею. Самозванецъ закипѣлъ гнѣвомъ, приказалъ немедленно выслать Гермогена изъ столицы въ Казанскій монастырь и грозилъ лишить его сана. Такая же участь ожидала и Іосифа. Но Господь защитилъ Церковь! Неистовства ляховъ, во время свадьбы Лжедимитріевой, возстановили всѣхъ противъ самозванца, и онъ погибъ смертію позорною. Тогда же и лжепатріархъ сведенъ съ престола и заключенъ въ Чудовомъ монастырѣ(л).

Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, первый дѣятель въ низверженіи Лжедимитрія и знатнѣйшій между боярами, былъ избранъ жителями столицы и занялъ престолъ царскій. Прежде всего желалъ онъ избрать законнаго первосвятителя (старецъ Іовъ, лишившійся зрѣнія, отказался). Освященнымъ Соборомъ единодушно избранъ и посвященъ Казанскій митрополитъ Гермогенъ, мужъ непоколебимой твердости и правоты, постигнутый опалою самозванца за ревность къ православію.

Бѣдствія еще только начинались Хотя самозванецъ убитъ былъ всенародно, хотя трупъ его обруганъ былъ на площади Кремлевской; но буря, поднятая именемъ царевича Димитрія, не утихла. Нѣкогда Василій Шуйскій не имѣлъ твердости

(л) Церковь не поставляетъ имени Игнатія въ числѣ десяти патріарховъ Московскихъ и всея Россіи, именуя его лжепатріархомъ.

открыть предъ царемъ Ѳеодоромъ объ умерщвленіи царевича Димитрія и низкимъ лжесвидѣтельствомъ, въ угодность Борису, затмилъ обстоятельства смерти закланнаго отрока. Теперь, избранный на престолъ, отдалъ онъ торжественную почесть царственному страстотерпцу перенесеніемъ мощей его въ Москву. Царь велѣлъ святителямъ: Филарету Ростовскому [м] и Ѳеодосію Астраханскому съ боярами княземъ Воротынскимъ, Петромъ Шереметевымъ, Андреемъ и Григоріемъ Нагими [н], перевезти въ Москву тѣло Димитрія изъ Углича, гдѣ оно, въ господствованіе самозванца, лежало уединенно въ опальной могилѣ, никѣмъ не посѣщаемой: іереи не смѣли служить паннихидъ надъ нею; граждане боялись приближиться къ тому мѣсту, которое безмолвно уличало мнимаго Димитрія въ обманѣ. Но паденіе обманщика возвратило честь гробу царевича: жители устремились къ нему толпами, лили слезы умиленія и покаянія, потому что лучше другихъ знали истину и молчали противъ совѣсти. Когда святители и бояре Московскіе, прибывъ въ Углич, объявили волю государя, народъ долго не соглашался выдать имъ драгоцѣнные останки юнаго мученика, взывая: «мы его любили и за него страдали! Лишенные живаго, лишимся ли и мертваго?» Когда же, вынувъ гробъ изъ земли и снявъ его крышу, увидѣли тѣло, въ пятнадцать лѣтъ неповрежденное сыростію земли: плоть на лицѣ и волосы на головѣ цѣлые, равно какъ и жемчужное ожерелье, шитый платокъ въ лѣвой рукѣ, одежду также шитую золотомъ и серебромъ, сапожки, горсть орѣховъ, найденныхъ у закланнаго отрока въ правой рукѣ и съ нимъ положенныхъ въ могилу: тогда въ единодушномъ восторгѣ, жители и пришель-

---

(м) Филаретъ (бывшій боярин Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ) по волѣ перваго самозванца, посвященъ въ санъ митрополита Ростовскаго, какъ свойственникъ мнимаго Димитрія.

(н) Родными дядями св. царевича Димитрія.

цы начали славить знаменіе святости! За чудомъ слѣдовали новыя чудеса, по свидѣтельству современниковъ: недужные, съ вѣрою и любовію касаясь мощей, исцѣлялись. Изъ Углича несли раку, перемѣняясь, люди знатнѣйшіе, воины, граждане и земледѣльцы. Василій, царица-инокиня Марѳа, патріархъ Гермогенъ, духовенство, синклитъ, народъ встрѣтили раку за городомъ (1606 г.); открыли мощи, явили ихъ нетлѣніе, чтобы «утѣшить вѣрующихъ и сомкнуть уста невѣрнымъ.» Василій взялъ святое бремя на рамена свои и несъ до собора Архангельскаго, какъ бы желая усердіемъ и смиреніемъ очистить себя передъ тѣмъ, кого онъ столь безстыдно оклеветалъ въ самоубійствѣ! Тамъ, среди храма, инокиня Марѳа, обливаясь слезами, молила царя, духовенство, всѣхъ Россіянъ простить ей грѣхъ согласія со Лжедимитріемъ для обмана [о]—и святители, исполняя волю царя, разрѣшили ее торжественно, «изъ уваженія къ ея супругу и сыну.» Народъ исполнился умиленія, и еще болѣе, когда церковь огласилась радостными кликами многихъ людей, внезапно исцѣленныхъ отъ болѣзней дѣйствіемъ вѣры къ мощамъ Димитрія, какъ пишутъ очевидцы. Хотѣли предать землѣ священные останки страстотерпца въ правомъ предъ олтаріи, гдѣ лежитъ царь Іоаннъ съ двумя сынами; но благодарность исцѣленныхъ и надежда болящихъ убѣдили Василія не скрывать «источникъ благодати»; вложили мощи въ деревянную раку, обитую золотымъ атласомъ, оставили ее на помостѣ и велѣли пѣть молебны новому угоднику Божію, вѣчно праздновать его память и вѣчно клясть Лжедимитріеву. Съ того времени нетлѣнныя мощи св. царевича Димитрія открыто почиваютъ въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ.

(о) Возвращенная Лжедимитріемъ изъ заточенія, царица-инокиня согласилась (вѣроятно изъ страха) признать въ обманщикѣ своего сына.

Вслѣдъ за тѣмъ Василій захотѣлъ загладить несправедливость современниковъ въ глазахъ потомства: снять опалу съ памяти вѣнценосца, хотя и ненавистнаго за многія дѣла злыя, но достойнаго хвалы за многія государственныя благотворенія: велѣлъ, пышно и великолѣпно, перенести тѣло царя Бориса, Маріи, юнаго Ѳеодора, въ знаменитую лавру Сергіеву. Торжественно огласивъ убіеніе и святость Димитрія, Шуйскій не смѣлъ приближить къ его мощамъ гробъ убійцы и снова поставить между царскими памятниками; но хотѣлъ симъ дѣйствіемъ уважить законнаго монарха въ Годуновѣ, будучи также монархомъ избраннымъ: хотѣлъ возбудить жалость, если не къ Борису виновному, то къ Маріи и Ѳеодору невиннымъ, чтобы произвести живѣйшее омерзѣніе къ гнуснымъ ихъ убійцамъ. Въ присутствіи безчисленнаго множества людей, всего духовенства, двора и синклита, открыли могилы: двадцать иноковъ взяли гробъ Бориса на плеча свои (царь Борисъ скончался инокомъ); гробъ Ѳеодора и Маріи несли знатные сановники, провождаемые святителями и боярами. Позади ѣхала, въ закрытыхъ саняхъ, несчастная Ксенія, громко вопила о гибели своего дома, жалуясь Богу и Россіи на изверга-самозванца. Зрители плакали, вспоминая счастливые дни ея семейства, счастливые и для Россіи въ первые годы Борисова царствованія [п].

(п) Тѣла царя Ѳеодора и матери его были преданы землѣ въ Дѣвичьемъ монастырѣ св. Варсонофія (теперь приходская церковь на Рождественкѣ). Здѣсь же зарыли и тѣло царя Бориса, извергнутое, по волѣ самозванца, изъ Архангельскаго собора. По перенесеніи трехъ царственныхъ гробовъ въ лавру, они погребены были въ притворѣ Успенскаго собора. Здѣсь же оставили мѣсто и для Ксеніи, которая прожила еще 16 горестныхъ лѣтъ въ дѣвичьемъ монастырѣ Владимірскомъ. Теперь этотъ притворъ уже не существуетъ и надгробницы Годуновыхъ прикрыты желѣзною кровлею.

Но еще не довольно смирился передъ Богомъ царь Василій, чтобы погасить гнѣвъ Божій на Россію за нечистоты сердечныя, за клятвопреступленія и цареубійство. Повсюду начались волненія, сначала только потому, что Василій избранъ одною Москвою; далѣе стали говорить, что нельзя нарушить клятву Димитрію, и что Димитрій спасся изъ Москвы во время возстанія народнаго; появились новые самозванцы (р).

Тогда царь и Соборъ положили принести всенародное покаяніе. Патріархъ Гермогенъ посланіемъ пригласилъ въ Москву бывшаго патріарха Іова, «для великаго государева и земскаго дѣла» (с). Іовъ пріѣхалъ и (20 февраля 1607 г.) явился въ соборномъ храмѣ Успенія, извнѣ окруженномъ и внутри наполненномъ несмѣтнымъ множествомъ людей. Онъ стоялъ у патріаршаго мѣста въ видѣ простаго инока, но возвышаемый въ глазахъ зрителей памятію его знаменитости и страданій за истину, смиреніемъ и святостію; отшельникъ, вызванный почти изъ гроба примирить Россію съ небомъ. Въ глубокой тишинѣ общаго безмолвія и вниманія поднесли Іову бумагу и велѣли патріаршему архидіакону читать ее на амво-

---

(р) Самозванцевъ было много, въ разныхъ концахъ Россіи; важнѣйшимъ изъ нихъ былъ вторый Лжедимитрій, извѣстный подъ именемъ «Тушинскаго вора». Онъ имѣлъ большое скопище Ляховъ, козаковъ и Русскихъ измѣнниковъ и долго держался въ с. Тушинѣ (близъ Москвы), угрожая столицѣ.

(с) Гермогенъ писалъ Іову: «молимъ со усердіемъ святительство твое и колѣна преклоняемъ: сподоби насъ видѣти благолѣпное лице твое и слышати пресладкій гласъ твой: презѣльне бо желаемъ тя чувственными очима зрѣти и Богомъ благословенныя десницы твоея лобзанія сподобитись, пачеже о сихъ, еже благосердие препослеши о насъ молитву твою къ Трисобственнаго Естества Владычеству, да сподобитъ премилостивый Богъ за молитвъ святыхъ твоихъ Россійское государство жити въ мирѣ и въ покоѣ и въ тишинѣ.» (Исторія Госуд. Росс. Карамз. т. XII, прим. 106.)

нѣ. Въ сей бумагѣ народъ (и только одинъ народъ, а не царь) молилъ Іова отпустить ему, именемъ Божіимъ, всѣ его грѣхи предъ закономъ, строптивость, ослѣпленіе, вѣроломство, и клялся впредь не нарушать присяги, быть вѣрнымъ государю; требовалъ прощенія живымъ и мертвымъ, дабы успокоить души клятвопреступниковъ и въ другомъ мірѣ; винилъ себя во всѣхъ бѣдствіяхъ, ниспосланныхъ Богомъ на Россію, но не винился въ цареубійствахъ, приписывая убіеніе Ѳеодора и Маріи одному самозванцу; наконецъ молилъ Іова благословить царя, бояръ, христолюбивое воинство и всѣхъ христіанъ, да торжествуетъ царь надъ мятежниками и да насладится Россія счастіемъ тишины. Іовъ отвѣтствовалъ грамотою, заблаговременно, но дѣйствительно имъ сочиненною, писанною извѣстнымъ его слогомъ, умилительно и краснорѣчиво. Тотъ же архидіаконъ читалъ ее народу. Изобразивъ въ ней величіе Россіи, произведенное умомъ и счастіемъ ея монарховъ, Іовъ соболѣзновалъ о гибельныхъ слѣдствіяхъ Димитріева закланія, но умолчалъ о виновникѣ злодѣйства, нѣкогда любивъ и славивъ Бориса (т), напомнилъ единодушное избраніе Годунова въ цари и народное къ нему усердіе; дивился ослѣпленію народа, прельщеннаго бродягою; говорилъ: «я давалъ вамъ страшную на себя клятву въ удостовѣреніе, что онъ самозванецъ: вы не хотѣли мнѣ вѣрить—и сдѣлалось то, чему нѣтъ примѣра ни въ священной, ни въ свѣтской исторіи». Описавъ всѣ измѣны, бѣдствіе отечества и Церкви, свое изгнаніе, гнусное цареубійство, если не совершенное, то по крайней мѣрѣ допущенное народомъ—воздавъ хвалу Василію, «царю святому и правед-

(т) О смерти царевича Димитрія Іовъ выражается такъ: «И Вел. Гос. нашего царевича Димитрія на Угличѣ не стало 99 (1591) году: пріялъ закланіе неповинно отъ рукъ измѣнниковъ своихъ».

ному», за великодушное избавленіе Россіи отъ стыда и гибели—Іовъ продолжалъ: «вы знаете убитъ ли самозванецъ; знаете, что не осталось на землѣ и мерзкаго тѣла его, а злодѣи дерзаютъ увѣрять васъ, что онъ живъ и есть истинный Димитрій! Велики грѣхи наши предъ Богомъ, «въ сіи лѣта послѣднія», когда вымыслы нелѣпые, когда сволочь гнусная тати, разбойники, бѣглые холопы могутъ столь ужасно возмущать отечество»! Наконецъ, исчисливъ всѣ клятвопреступленія, не исключая и данной Лжедимитрію присяги, Іовъ именемъ небеснаго милосердія, своимъ и всего духовенства объявлялъ народу разрѣшеніе и прощеніе, въ надеждѣ, что онъ не измѣнитъ снова царю законному, и добродѣтелію вѣрности, плодомъ чистаго раскаянія, умилостивитъ Всевышняго, да побѣдятъ враговъ и возвратятъ государству миръ съ тишиною (у).

Дѣйствіе было неописанное. Народу казалось, что тяжкія узы клятвы спали съ него, и что Самъ Всевышній устами праведника изрекъ помилованіе Россіи. Плакали, радовались—и тѣмъ сильнѣе тронуты были вѣстію, что Іовъ, едва успѣвъ доѣхать изъ Москвы въ Старицу, преставился. Мысль, что онъ, уже стоя на порогѣ вѣчности, бесѣдовалъ съ Москвою, умиляла сердца. Видѣли въ немъ мужа святаго, который въ послѣднія минуты жизни и въ послѣднихъ моленіяхъ души своей ревностно занимался судьбою горестнаго отечества, умеръ, благословляя его и возвѣстивъ ему умилостивленіе неба (ф)!

(у) Заключеніе грамоты: «И въ тѣхъ во всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ клятвахъ и въ преступленіи крестнаго цѣлованія, азъ Ермогенъ, патріархъ Московскій и всея Русіи и азъ смиренный бывый Іевъ патріархъ царствующаго града Москвы, по данной намъ благодати отъ Пресв. и Животв. Духа, и полагался на премилостивыя щедроты Божія, васъ вкупѣ всѣхъ правосл. христіанъ прощаемъ и разрѣшаемъ въ сій вѣкъ и въ будущій.»

(ф) Патріархъ Іовъ преставился 8 марта 1607 года. Въ «книгѣ о

Дальнѣйшія событія не соотвѣтствовали благопріятнымъ ожиданіямъ. Государство утопало въ пучинѣ крамолъ. На время возсіяла надежда въ лицѣ юнаго витязя, воздвигнутаго, повидимому, самимъ Провидѣніемъ для избавленія погибающаго отечества. Все благопріятствовало герою—князю Михаилу Скопину-Шуйскому: довѣренность царя и народа, усердіе и единодушіе своихъ, смятеніе и раздоръ непріятелей. Наконецъ Русскіе увидѣли, чего уже давно не видали: умъ, мужество, добродѣтель и счастіе въ одномъ лицѣ; видѣли мужа великаго въ прекрасномъ юношѣ, и славили его съ любовію, которая столь долго была жаждою, потребностію неудовлеряемою ихъ сердца, и нашла предметъ столь чистый и достойный. Но и эта надежда исчезла; князь Михаилъ, на 23-мъ

Росс. святыхъ» онъ причисленъ къ лику московскихъ чудотворцевъ По волѣ царя Алексія Михайловича, мощи перваго патріарха Русскаго перенесены въ Москву, поставлены въ Успенскомъ соборѣ поверхъ пола и надъ ними устроена каменная надгробница. Въ сборникѣ Румянц. Музея (скоропис. въ 4-ку, конца XVII и начала XVIII в. № 364), послѣ изложенія жизни патр. Іова описаны слѣдующія чудеса его: 1) при погребеніи была «великая роса» на лицѣ почившаго святителя. 2) Вскорѣ по преставленіи, блаж. Іовъ явился настоятелю обители, гдѣ онъ скончался, св. Діонисію, въ послѣдствіи знаменитому архимандриту Сергіевой лавры. 3) Въ 1609 году больной Иванъ Гуляповъ исцѣлился по молитвѣ надъ могилою святителя. 4) Мощи, вынутыя изъ могилы для перенесенія въ Москву, оказались нетлѣнными и благоуханными. 5) Тогда же исцѣлился бѣсноватый, посадскій человѣкъ Иванъ Александровъ. 6) Въ 13 верстахъ отъ Старицы въ селѣ Ильинскомъ исцѣлилась бѣсноватая дѣвица Улита Харитонова, приложившись къ мощамъ, несомымъ въ Москву. 7) На продолженіи пути, въ церкви села Латашина, исцѣлилась бѣсноватая женщина деревни Горохова, Агрипина Тарасова. 8) По принесеніи мощей въ Москву, исцѣлился въ Успенскомъ соборѣ крестьянинъ Устьянской волости Исаакій, глухой, страдавшій нарывомъ въ ухѣ и безпрестаннымъ шумомъ въ головѣ. На концѣ приписка: «Списана съ монастырскаго Успенскаго Старицкаго (?) исторія сія въ лѣто 7297 (т.-е. 1699) году слово въ слово.»

году стяжавъ безсмертіе въ исторіи, умеръ скоропостижно (x). Москва въ ужасѣ онѣмѣла Не находя словъ для изображенія общей скорби, лѣтописцы говорятъ, что Москва оплакивала князя Михаила столь же неутѣшно, какъ царя Ѳеодора Іоанновича. Кончина Михаила, столь неожиданная, казалась явнымъ дѣйствіемъ гнѣва небеснаго: думали, что Богъ осуждаетъ Россію на вѣрную гибель, лишивъ ее защитника, который одинъ вселялъ надежду и бодрость въ души, одинъ могъ спасти государство, снова ввергаемое въ пучину мятежей безъ кормчаго! Люди Русскіе имѣли государя, но плакали какъ сироты, безъ любви и довѣренности къ Василію, омраченному въ ихъ глазахъ несчастнымъ царствованіемъ. Самъ Василій лилъ горькія слезы о героѣ: ихъ считали притворствомъ, и взоры подданныхъ убѣгали царя, въ то время, когда онъ, знаменуя общественную и свою благодарность, оказывалъ необыкновенную честь усопшему: отпѣвали, хоронили его великолѣпно, какъ бы державнаго. Въ Архангельскомъ соборѣ, въ придѣлѣ Іоанна Крестителя, стоитъ уединенно гробница знаменитаго юноши, единственнаго добродѣтелію и любовію народною въ вѣкъ ужасный! Отъ древнихъ до новѣйшихъ временъ Россіи никто изъ подданныхъ не заслуживалъ ни такой любви въ жизни, ни такой горести и чести въ могилѣ.

Можетъ быть Василій, погребая юнаго героя подъ кровомъ того храма, гдѣ почіютъ наши вѣнценосцы, уже предчувство-

(x) Современники увѣряютъ, что кн. Михаилъ умеръ, сраженный внезапнымъ недугомъ во время обѣда у царскаго брата кн. Димитрія Шуйскаго, выпивъ чару вина, поднесенную хозяйкою княгинею Екатериною, дочерью того, кто жилъ смертоубійствами—Малюты Скуратова.... Думали, что и самъ царь Василій не былъ чуждъ участія въ зломъ умыслѣ, потому что душа его страдала подозрѣніями съ того времени, какъ голосъ народный сталъ предназначать Михаилу вѣнецъ царскій Истина въ этомъ дѣлѣ вѣдома единому Сердцевѣдцу.

валъ свою гибель. Она скоро свершилась. Въ Москвѣ зашумѣлъ мятежъ народный. Враги Василія требовали сверженія его съ престола; другіе надѣялись, что земля Сѣверская и всѣ бывшіе слуги Лжедимитрія немедленно возвратятся подъ сѣнь отечества, какъ скоро не будетъ Шуйскаго, для нихъ ненавистнаго и страшнаго; что государство безсильно только отъ раздѣленія силъ: соединится, усмирится— и враги исчезнутъ! Раздался одинъ голосъ въ пользу закона и царя злосчастнаго—голосъ Гермогена; съ жаромъ и твердостію, патріархъ изъяснялъ народу, что нѣтъ спасенія тамъ, гдѣ нѣтъ благословенія свыше; что измѣна царю есть злодѣйство, всегда казнимое Богомъ, и не избавитъ, а еще глубже погрузитъ Россію въ бездну ужасовъ. Весьма не многіе бояре, и весьма не твердо, стояли за Шуйскаго; самые искреннie и ближніе его уклонились, видя рѣшительную общую волю; самъ патріархъ съ горестію удалился, чтобы не быть свидѣтелемъ дѣла мятежнаго. Василій былъ сведенъ съ престола и невольно постриженъ [ц].

Никто не противился насилію нечестивому, кромѣ великаго святителя: патріархъ торжественно молился за Василія въ храмахъ, какъ за помазанника Божія, царя Россіи, хотя и въ темницѣ; торжественно проклиналъ бунтъ и не признавалъ Василія инокомъ. Но вопли страстей заглушали голосъ правды: дума боярская рѣшилась предложить престолъ Владиславу, сыну Польскаго короля Сигизмунда, хотя патріархъ убѣждалъ не жертвовать церковью для земныхъ выгодъ и совѣтовалъ возложить вѣнецъ на юнаго Михаила Романова

(ц) Царь Василій былъ сначала заключенъ въ Волоколамскомъ Іосифовомъ монастырѣ, а послѣ избранія Владислава, выданъ Ляхамъ и умеръ въ плѣну. Прахъ его, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, перевезенъ въ Москву и погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ. Супруга его царица Марія, въ иночествѣ Елена, окончила жизнь въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ.

(сына Филарета). Такъ богомудрый святитель предвѣстилъ отечеству волю небесъ, хотя далеко еще было до избавленія! Впрочемъ святѣйшій Гермогенъ успѣлъ устоять на томъ условіи, что Владиславъ до вступленія на престолъ обязанъ принять православіе, прекратить связи съ папою и поставить закономъ смертную казнь каждому, кто отступитъ отъ православія.

Между тѣмъ престолъ царскій все еще оставался праздным (ч). Наступили времена ужаса, безначалія, буйства народнаго. Дума боярская, присвоивъ себѣ верховную власть, не могла утвердить ее въ слабыхъ рукахъ своихъ, ни утишить народной тревоги, ни обуздать мятежной черни. Самозванецъ грозилъ Москвѣ нападеніемъ; Польскія войска къ ней приближались, народъ вольничалъ, холопы не слушались господъ и многіе люди чиновные, страшась быть жертвою безначалія и бунта, уходили изъ столицы, даже въ станъ къ Лжедимитрію, единственно для безопасности личной. Казалось, что Русскіе люди уже не имѣли ни отечества, ни души, ни вѣры; что государство, зараженное нравственною язвою Русскихъ измѣнниковъ, издыхало въ страшныхъ судорогахъ. По словамъ очевидца, добродѣтельнаго келаря Сергіевой лавры Аврамія Палицына, «Россію терзали свои болѣе, нежели иноплеменные: путеводителями, наставниками и хранителями Ляховъ были наши измѣнники, первые и послѣдніе въ кровавыхъ сѣчахъ: Ляхи, съ оружіемъ въ рукахъ, только смотрѣли и смѣялись безумному междоусобію. Въ лѣсахъ, въ болотахъ непроходимыхъ, Россіяне указывали или готовили имъ путь, и числомъ превосходнымъ берегли ихъ въ опаспостяхъ, уми-

(ч) Хотя королевичь Владиславъ былъ избранъ на царство, но отецъ его король Сигизмундъ, руководимый іезуитами, не утвердилъ условій избранія, желая получить Русскій престолъ для себя и ввести въ Россіи унію. Бѣдственная эпоха отъ низложенія царя Василія до избранія Михаила Романова носитъ въ нашей исторіи названіе «Междуцарствія» (съ 1610 до 1613 года).

рая за тѣхъ, которые обходились съ ними, какъ съ рабами. Вся добыча принадлежала Ляхамъ: они избирали себѣ лучшихъ изъ плѣнниковъ, красныхъ юношей и дѣвицъ, или отдавали на выкупъ ближнимъ—и снова отнимали, къ забавѣ Русскихъ измѣнниковъ.... Сердце трепещетъ отъ воспоминанія злодѣйствъ: тамъ, гдѣ стыла теплая кровь, гдѣ лежали трупы убіенныхъ, тамъ гнусное любострастіе искало одра для своихъ мерзостныхъ наслажденій.... Были женщины, прельщаемыя иноплеменниками и развратомъ; но другія смертію избавляли себя отъ звѣрскаго насилія. Уже не сражаясь за отечество, еще многіе умирали за семейства: мужъ за жену, отецъ за дочь, братъ за сестру вонзалъ ножъ въ грудь Ляху. Не было милосердія: добрый, вѣрный царю воинъ, взятый въ плѣнъ Ляхами, иногда находилъ въ нихъ жалость и самое уваженіе къ его вѣрности; но измѣнники называли ихъ за то женами слабыми и худыми союзниками царя Тушинскаго; всѣхъ твердыхъ въ добродѣтели предавали жестокой казни: метали съ крутыхъ береговъ въ глубину рѣкъ, разстрѣливали изъ луковъ и самопаловъ: въ глазахъ родителей жгли дѣтей, носили головы ихъ на сабляхъ и копьяхъ; грудныхъ младенцевъ, вырывая изъ рукъ матерей, разбивали о камни. Видя такую неслыханную злобу, Ляхи содрогались и говорили: «что же будетъ намъ отъ Россіянъ, когда они и другъ друга губятъ съ такою лютостію?» Сердца окаменѣли, умы омрачились: вблизи свирѣпствовало злодѣйство, а мы думали: оно минуетъ насъ! или искали въ немъ личныхъ для себя выгодъ. Въ общемъ круженіи головъ всѣ хотѣли быть выше своего званія: рабы хотѣли быть господами, чернь—дворянствомъ, дворяне—вельможами. Не только простые простыхъ, но и знатные знатныхъ, и разумные разумныхъ обольщали измѣною, въ домахъ и въ самыхъ битвахъ; говорили: «мы блаженствуемъ, идите къ

намъ отъ скорби къ утѣхамъ»!... Гибли отечество и Церковь: храмы истиннаго Бога раззорялись, подобно капищамъ Владимірова времени; скотъ и псы жили въ алтаряхъ; воздухами и пеленами украшались копи; злодѣи пили изъ св. потировъ, на иконахъ играли въ кости; въ ризахъ іерейскихъ плясали блудницы. Ппоковъ, священниковъ палили огнемъ, допытываясь сокровищъ; отшельниковъ, схимниковъ заставляли пѣть срамныя пѣсни, а безмолвствующихъ убивали.... Люди уступили свои жилища звѣрямъ; медвѣди и волки, оставивъ лѣса, витали въ пустыхъ городахъ и весяхъ; враны плотоядные сидѣли стаицами на тѣлахъ человѣческихъ; малыя птицы гнѣздились въ черепахъ. Могилы, какъ горы, вездѣ возвышались. Граждане и земледѣльцы жили въ дебряхъ, въ лѣсахъ и въ пещерахъ невѣдомыхъ, или въ болотахъ, только ночью выходя изъ нихъ обсушиться. И лѣса не спасали: люди, уже покинувъ звѣроловство, ходили туда съ чуткими псами на ловлю людей; матери, укрываясь въ густотѣ древесной, страшились вопля своихъ младенцевъ, зажимали имъ ротъ и душили ихъ до смерти. Не свѣтомъ луны, а пожарами озарялись ночи: ибо грабители жгли, чего не могли взять со собою—домы и скирды хлѣба—да будетъ Россія пустынею необитаемою [m]»!

При этомъ страшномъ кипѣніи необузданныхъ страстей, только одни пастыри словеснаго стада Христова оставались вѣрными своему долгу. Они видѣли, какъ дѣйствовалъ патріархъ Гермогенъ, непоколебимый столпъ православія, несокрушимый адамантъ Церкви и отечества, и всѣ ревностно подражали первосвятителю. Въ слѣдующей главѣ увидимъ доблестные подвиги святителей, іереевъ, иноковъ и отшельниковъ.

(m) Лѣтопись о мятежахъ 32—47.

ГЛАВА VII.

Подвиги духовенства въ „смутное время“.—Свитители: Филаретъ Ростовскій,—Сергій Смоленскій,—Сильвестръ Вологодскій.—Преп. Галактіонъ.—Преп. Иринархъ, затворникъ Ростовскій.—Исидоръ, митрополитъ Новгородскій.—Открытіе мощей св. князя Ѳеодора.—Преп. Антоній Леохновскій.—Затворникъ Іоаннъ.—Свитители: Геннадій Псковскій, Ѳеоктистъ Тверскій, Іосифъ Коломенскій, Галактіонъ Суздальскій. — Протоіереи Димитрій и Амосъ.—Преп. Евфросинъ Синозерскій.—Разореніе Пафнутьева монастыря. — Знаменитая осада лавры Сергіевой. — Архимандриты лавры Іоасафъ и Діонисій, и келарь Аврамій Палицынъ.—Ляхи въ Москвѣ.—Послѣдніе подвиги и страдальческая кончина патріарха Гермогена.—Троицкія грамоты.—Постъ и покаяніе народа.—Возстаніе городовъ. — Явленіе преп. Сергія Козьмѣ Минину. — Очищеніе Москвы. — Избраніе на царство Михаила Романова.

Посреди ужасовъ «смутнаго времени», православное русское духовенство, одушевляемое сознаніемъ священныхъ своихъ обязанностей и руководимое примѣромъ своего неустрашимаго первосвятителя, сіяло доблестію и совершало подвиги, достойные первыхъ вѣковъ христіанства. Постараемся изложить эти подвиги въ томъ видѣ, какъ сохранились они въ бытописаніяхъ современниковъ.

Первое мѣсто принадлежитъ родоначальнику грядущаго поколѣнія царей, будущему патріарху Московскому. Филаретъ (Романовъ), въ санѣ митрополита Ростовскаго, показалъ въ лицѣ своемъ образецъ добраго пастыря. Когда (въ 1608 г.) Сапѣга съ Ляхами возмутили Суздаль и Переславль, вѣрные Ростовцы, не имѣя крѣпкихъ стѣнъ для защиты,

предложили митрополиту удалиться вмѣстѣ съ ними въ Ярославль; но Филаретъ сказалъ, что не бѣгствомъ, а кровію должно спасать отечество; что великодушная смерть лучше жизни срамной; что есть другая жизнь и вѣнецъ мучениковъ для христіанъ, вѣрныхъ царю и Богу. Видя бѣгство народа, Филаретъ съ немногими усердными воинами и гражданами заключился въ соборной церкви: всѣ исповѣдались, причастились Святыхъ Таинъ и ждали непріятеля или смерти. Не Ляхи, а братья единовѣрные, Переславцы, дерзнули осадить святый храмъ, стрѣляли, ломились въ двери и дикимъ ревомъ ярости отвѣтствовали на голосъ митрополита, который молилъ ихъ не быть извергами. Двери пали: добрые Ростовцы окружили Филарета и бились до совершеннаго изнеможенія. Храмъ наполнился трупами. Злодѣи ограбили святыню [(а)], а митрополита повезли въ Тушинскій станъ, какъ узника, босаго, въ изорванномъ польскомъ платьѣ и татарской шапкѣ. Тамъ самозванецъ готовилъ ему новое безчестіе и посрамленіе: встрѣтилъ его съ знаками чрезвычайнаго уваженія, какъ племянника Іоанновой супруги Анастасіи и жертву Борисовой ненависти; величалъ какъ знаменитѣйшаго, достойнаго архипастыря, далъ ему златый поясъ и святительскихъ чиновниковъ для наружной пышности, но держалъ его въ тѣсномъ заключеніи, какъ непреклоннаго въ вѣрности къ царю Василію. Уже послѣ двухлѣтняго плѣна Филаретъ отнятъ былъ у непріятеля подъ стѣнами Волоколамской обители отрядомъ Скопина-Шуйскаго.

Во время междуцарствія, Филаретъ былъ отправленъ во

(а) При ограбленіи собора, единственная въ своемъ родѣ, «золотая» рака святителя Леонтія была разсѣчена на части грабителями. Съ того времени мощи св. Леонтія почиваютъ подъ спудомъ.

главѣ посольства [б] къ королю Сигизмунду для предложенія вѣнца царскаго сыну его Владиславу на условіяхъ, заключенныхъ въ Москвѣ. Въ этомъ трудномъ дѣлѣ, Филаретъ дѣйствовалъ какъ вѣрный сынъ отечества; ни хитрыя обольщенія, ни льстивыя обѣщанія, ни угрозы не могли поколебать его. Въ восемь лѣтъ плѣна, среди страданій и лишеній всякаго рода, онъ не уступилъ ни шагу врагамъ, не согласился ни на сдачу Смоленска Сигизмунду, ни на измѣненіе московскихъ условій.

Достойнымъ сподвижникомъ его былъ Смоленскій архіепископъ Сергій. Когда Сигизмундъ, съ сильною арміею осадилъ Смоленскъ и требовалъ сдачи города, архипастырь, вмѣстѣ съ доблестнымъ воеводою Шеинымъ, отвѣчалъ королю: «мы въ храмѣ Богоматери дали обѣтъ не измѣнять государю нашему Василію Іоанновичу, а тебѣ, литовскому королю, и твоимъ панамъ не раболѣпствовать во вѣки.» Добрый пастырь одушевлялъ защитниковъ родины, раздѣлялъ съ ними лишенія и опасности въ продолженіи двухлѣтней осады. Когда въ городѣ изъ 80 тысячъ жителей осталось едва 8 тысячъ, когда наконецъ всѣ средства геройской защиты истощились и городъ былъ взятъ приступомъ, тогда и Сергій сдѣлался плѣнникомъ Ляховъ и окончилъ жизнь свою въ темницѣ.

И до отдаленной Вологды достигало буйство Ляховъ и Русскихъ измѣнниковъ. Въ 1609 году Вологда уцѣлѣла невредимою по молитвамъ преп. Димитрія Прилуцкаго [в]; по

(б) Вторымъ посломъ назначенъ былъ бояринъ князь В. В. Голицынъ. Въ числѣ посольства были и духовныя лица: Новоспасскій архимандритъ Евѳимій, келарь лавры Сергіевой Аврамій Палицынъ, Угрѣшскій игуменъ Іона и протоіерей Вознесенскаго монастыря Кириллъ.

(в) Воевода Вологодскій доносилъ царю Василію: «чудотворецъ Димитрій явилъ намъ свою милость, обѣщался стоять съ нами

три года спустя и она пострадала отъ враговъ и мятежниковъ.

Въ Вологдѣ подвизался тогда замѣчательный затворникъ преп. Галактіонъ. Когда Грозный царь умертвилъ боярина князя Ивана Бѣльскаго, семилѣтній сынъ убіеннаго, Гавріилъ былъ укрытъ родственниками и друзьями отца, которые отправили ребенка въ городъ Старицу, чтобы спасти его отъ ярости царской. Тамъ юный князь скрывался въ неизвѣстности и кормился сапожнымъ мастерствомъ, а пришедши въ зрѣлый возрастъ, постригся съ именемъ Галактіона, пришелъ въ Вологду, выпросилъ у жителей мѣстечко для кельи на берегу ручья Содемки и наложилъ на себя тяжкій подвигъ затворничества въ оковахъ. Онъ приковалъ себя къ стѣнѣ цѣпью. Богобоязненные люди подавали ему въ окошко пищу; когда склонялъ его сонъ, онъ становился на колѣни и держась за цѣпь, засыпалъ сномъ легкимъ и прерывистымъ; пищею его былъ только сухой хлѣбъ съ водою. Подвижнику Божію открыто было о наступающихъ для Вологды бѣдствіяхъ. Онъ вышелъ изъ кельи въ цѣпяхъ своихъ, явился въ земскую избу и объявилъ: «грѣхи призвали на насъ Ляховъ и Литву: пусть начнутъ постъ и молитву и поспѣшатъ построить храмъ Знаменія Богоматери. Царица небесная избавитъ Вологду, какъ нѣкогда Новгородъ, отъ гнѣва Божія». Но одинъ изъ именитыхъ гражданъ Нечай Щелкуновъ сказалъ: «не о насъ, а о себѣ хлопочетъ старецъ: ему хочется только имѣть храмъ вблизи себя; а что

противъ враговъ государевыхъ. Онъ явился духовному старцу у своей гробницы и велѣлъ перенесть чудотворный свой образъ въ Вологду. Мы встрѣтили тотъ образъ съ великою честію, поставили его со слезами и съ молебнымъ пѣніемъ въ церковь Всемилостиваго Спаса и рѣшились смѣло стоять противъ враговъ государя и всего православнаго христіанства.» (Акт. археограф. экспед. II. 196).

будетъ съ храмомъ, прибавилъ онъ съ насмѣшкою, когда умрешь ты старецъ?» Старецъ отвѣчалъ строго: «гнѣвъ близокъ къ Вологдѣ; что же до меня, то на моемъ мѣстѣ прославится Богъ,—построена будетъ обитель». За тѣмъ объявилъ, что Троицкій храмъ, построенный Нечаемъ, будетъ сожженъ и домъ Нечая—запустѣетъ. Проходя мимо храма св. Димитрія Прилуцкаго, онъ громко сказалъ: «чудотворецъ Димитрій молилъ Спасителя за городъ, но его оскорбили тѣмъ, что вокругъ его храма настроили лавокъ и завели шумъ торговый; вотъ увидите, что и этотъ храмъ раззоренъ будетъ.»

Предсказаніе труженика скоро исполнилось: 22 сентября 1612 года Ляхи напали на Вологду, и, по сказанію современника, «городъ взяли и людей всякихъ посѣкли, и церкви Божіи поругали, и городъ и посады выжгли до основанія.» Злодѣи не пощадили и смиренной кельи Галактіона; а его самого жестоко избили и истерзали, такъ что онъ чрезъ три дня скончался мучепикомъ. Воложане погребли тѣло страдальца въ бывшей его келліи [г]. Лютость враговъ особенно пала на духовенство вологодское, вѣроятно за то, что лица духовныя поддерживали вѣрность жителей при первомъ нападеніи Ляховъ. Епископа Сильвестра держали подъ стражею

(г) Спустя нѣсколько лѣтъ, надъ могилою страдальца поставленъ деревянный храмъ Знаменія Богородицы и возникъ монастырь называемый Духовымъ, по соборному храму Сошествія Св. Духа, построенному въ 1654 году. Здѣсь почиваютъ подъ спудомъ мощи преп. Галактіона. При ракѣ преподобно-мученика находится шапка, сдѣланная изъ двухъ желѣзныхъ полосъ, крестообразно сложенныхъ съ обручемъ вокругъ головы, и желѣзныя вериги, соединенныя съ одной стороны такимъ же аналавомъ, а съ другой крестомъ. На аналавѣ вырѣзана надпись: «рабъ Божій Гавріилъ во имя Отца и Сына и Св. Духа обѣщался терпѣти до конца.»

четыре ночи, подвергали истязаніямъ и едва отпустили живымъ (д). Множество священниковъ и иноковъ умерщвлено (е).

Почти въ то же время, когда Ляхи не попадили въ Вологдѣ дряхлаго старца—отшельника, наставникъ этого стар-

---

(д) Епископъ Сильвестръ писалъ въ Москву: «нынѣшняго 1612 г. сентября 24 д. въ послѣднемъ часу ночи разорители нашей чистой, православной вѣры и ругатели креста Христова, Поляки и Литовцы съ Черкасами и Русскими измѣнниками нечаяннымъ набѣгомъ пришли въ Вологду, взяли городъ, умертвили людей, осквернили церкви Божіи, сожгли городъ и посады; воевода князь Иванъ Одоевскій ушелъ, а окольничій и воевода кн. Григорій Долгорукій и дьякъ Истома Карташевъ убиты; меня грѣшнаго взяли въ плѣнъ, держали у себя 4 ночи и не разъ присуждали къ казни, но Господь умилостивился надо мною,—едва живаго отпустили. Когда Ляхи и Литва пришли къ Вологдѣ, то по грѣхамъ нашимъ, по нерадѣнію воеводъ, не было ни разъѣзжихъ карауловъ, ни сторожей на башняхъ, на городской стѣнѣ и въ крѣпости; у воротъ было нѣсколько человѣкъ на карауле, да и тѣ не слыхали, какъ Литовцы вошли въ городъ, а большія ворота не были заперты.—Съ 25 сентября непріятели оставили Вологду. Воевода Григорій Образцовъ съ своимъ полкомъ прибылъ съ Бѣлаозера и занялъ Вологду: но никто не слушаетъ его, другъ друга грабятъ.... Все — отъ пьянства: воеводы пропили Вологду.»—Это донесеніе напечатано въ словарѣ Щекатова I, 988

(е) Въ синодикѣ Софійскаго собора записано слѣдующее: «121 (1612) году, сентября 22 день, вторникъ, въ первомъ часу дни. Помяни, Господи, иже во градѣ Вологдѣ избіенныхъ и пожженныхъ священниковъ и діаконовъ отъ польскихъ и литовскихъ людей и отъ русскихъ воровъ».... За тѣмъ поименно исчисляются 68 человѣкъ, убитыхъ и сгорѣвшихъ во время нашествія: 3 протоіерея, 34 священника, 6 діаконовъ, 6 иноковъ (въ числѣ иноковъ упомянутъ «іерей инокъ Галактіонъ», т.-е. преподобный затворникъ-страдалецъ). Въ то время всѣхъ церквей въ Вологдѣ, градскихъ и посадскихъ, было около пятидесяти; а священниковъ при нихъ, вѣроятно, около шестидесяти, которыхъ слѣдовательно погибло, при нашествіи враговъ, болѣе половины. (Свѣдѣнія объ іерархахъ Вологод. епархіи, Н. П. Суворова, стр. 51 и 52.)

ца преп. Иринархъ, затворникъ Борисоглѣбскаго монастыря (ж) безтрепетно говорилъ правду врагамъ и мятежникамъ. Въ 1609 году Ляхи завладѣли Ростовомъ; свирѣпый панъ Микульскій пришелъ къ затворнику (з) и спросилъ: кого признаешь ты царемъ?—«Я живу на Руси, отвѣчалъ старецъ, и знаю Русскаго царя, а другихъ не знаю». Слыша угрозы

(ж) Въ рукописномъ сборникѣ Моск. Дух. Академіи 1657 года подъ № 217 (святцы № 1.) исчислены ученики блаженнаго Иринарха, подвизавшіеся въ затворѣ. Вотъ имена ихъ: 1) затворникъ Іоакимъ подвизался въ Николаевскомъ-Шартомскомъ монастырѣ въ Суздальскомъ уѣздѣ; 2) затворникъ Діонисій—въ Переславлѣ-Залѣсскомъ въ Никольскомъ монастырѣ, что на болотѣ; 3) препод. схимонахъ Корнилій, затворникъ Переславскаго Борисоглѣбскаго монастыря (Русскіе святые, іюль, стр. 123 - 126); 4) преп. Галактіонъ, о которомъ мы сейчасъ говорили: «сіи вси—сказано въ томъ же сборникѣ—единъ образъ имуще житія, желѣза тяжкая на себѣ ношаху и къ стѣнѣ чѣпями прикованы бяху, пищею сухою питахуся, рыбыжъ и масла, ни скорому, и мягкихъ ѣствъ не прикасахуся. И житіе ихъ единому Богу вѣдомо. Людіе мнози къ нимъ прихождаху, и житіе ихъ ублажаху, и пользу отъ нихъ, сказываютъ, велію пріимаху».

з) Преп. Иринархъ, въ мірѣ Илья, былъ сынъ крестьянина деревни Кандаковой, Ростовскаго округа, постригся на тридцатомъ году отъ роду въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ (въ 15 верст. отъ Ростова), и началъ подвижничество свое тѣмъ, что сталъ ходить босой и въ рубищѣ, съ тяжелыми веригами на плечахъ и съ оковами на ногахъ, затворился безвыходно въ кельѣ и приковалъ себя цѣпью къ стулу. Съ того времени Иринархъ постепенно увеличивалъ тяжести, носимыя на тѣлѣ; спалъ только два часа въ сутки и бичевалъ тѣло свое желѣзною палкою. Такъ подвизался онъ тридцать лѣтъ. Тяжкими и долгими подвигами очистилось духовное зрѣніе блаженнаго старца. Однажды заснувъ въ затворѣ, онъ увидѣлъ Москву въ огнѣ и во власти Ляховъ, и голосъ сказалъ ему: «иди, скажи объ этомъ царю». Преп. Иринархъ явился къ царю Василію Ивановичу (Шуйскому) и разсказалъ о видѣніи; царь принялъ его съ честію и отвезъ назадъ въ своей повозкѣ.

Ляховъ, онъ сказалъ спокойно: «Вѣрѣ своей я не измѣню, и Русскаго царя не отвергнусь. Не много вамъ во мнѣ крови: вашего меча тлѣннаго я не боюсь, а у моего живаго Бога есть такой мечъ, что всѣхъ васъ погубитъ и ввергнетъ въ геенну огненную».—Послѣ того и самъ вождь грабителей, Сапѣга посѣтилъ преп. Иринарха. «Благослови, батько, сказалъ онъ, какъ терпишь ты эту муку въ такой темницѣ?»— «Для Бога терплю, отвѣчалъ старецъ. А ты, панъ, возвратись въ твою землю; полно тебѣ раззорять Русь. Если не выйдешь изъ Руси, или опять придешь, то Богомъ тебя увѣряю — убьютъ тебя въ Русской землѣ.» Сапѣга прислалъ старцу пять рублей и строго запретилъ Ляхамъ тревожить обитель. Спустя три года снова явились Ляхи въ Ростовѣ; преп. Иринархъ остался въ своемъ затворѣ. Сюда пришелъ къ нему одинъ изъ пановъ съ извѣстіемъ, что Сапѣга, по предсказанію затворника, убитъ подъ Москвою. «И вамъ не быть живыми, сказалъ старецъ, если не уйдете въ свою землю». На этотъ разъ Ляхи оставили Ростовъ, не тронувъ никого по уваженію къ преподобному Иринарху (*).

Въ Великомъ Новгородѣ, митрополитъ Исидоръ претерпѣлъ много притѣсненій, но успѣлъ своими увѣщаніями удержать народъ отъ измѣны царю Василію, призвать на помощь героя

(*) Блаж. подвижникъ преставился на 69 году отъ рожденія, 13 января 1616 года, оставивъ при себѣ подражателей дивнаго своего житія, и погребенъ въ ископанной имъ самимъ могилѣ. При гробницѣ его совершилось нѣсколько исцѣленій; особенно бѣсноватые боятся креста его.—Тяжести или «праведные труды» преп. Иринарха, сохранившіеся въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, состоятъ изъ 142 крестовъ, тяжелаго камня, множества цѣпей, желѣзнаго кольца на голову, желѣзнаго пояса, желѣзной палки и толстаго кнута. Все это составляетъ вѣсъ въ 9 пуд. 34 фунт. (Жизнь преп. Иринарха, сост. о. архим. Амфилохіемъ, съ рисунками).

Скопина-Шуйскаго и сохранить единеніе съ Москвою. Можно сказать, что одинъ онъ отклонилъ Новгородцевъ отъ намѣренія покориться Шведамъ и призвать къ себѣ Шведскаго королевича Густава-Адольфа. Когда Шведы, прежде союзники а потомъ враги Московскаго государства, завладѣли Новгородомъ, самая жизнь архипастыря была въ опасности. Тогда же открыты были мощи св. князя Ѳеодора, вынутыя шведскими солдатами изъ могилы въ соборномъ храмѣ Юрьева монастыря [i]. Митрополитъ Исидоръ, услышавъ о томъ, выпросилъ у вождя Шведовъ Делагардія дозволеніе перенесть гробъ въ Новгородскій Софійскій соборъ; въ это время не только оказались нетлѣнными мощи дѣвственнаго князя, но многимъ источили исцѣленія. Съ того времени св. мощи покоятся открыто при входѣ въ предѣлъ св. Предтечи. При владыкѣ находился тогда старецъ—подвижникъ, преп. Антоній Леохновскій, Тверской урожденецъ, изъ боярскаго рода Вельяминовыхъ. Принявъ иночество въ молодости, Антоній основалъ пустынную обитель съ храмомъ Преображенія Господня. Здѣсь отшельникъ служилъ для братіи образцомъ строгаго подвижничества и почтенъ былъ саномъ игумена.—Всего прожилъ онъ въ иноческой жизни 56 лѣтъ—и столько успѣлъ въ жизни духовной, что въ послѣдніе годы извѣстенъ былъ по опытамъ духовной прозорливости. Когда Шведы стали въ 1611 г. опустошать окрестности Новгорода, митрополитъ Исидоръ вызвалъ къ себѣ уважаемаго старца съ учениками его. Антоній былъ тогда уже 85 лѣтъ.—Въ праздникъ Воздвиженія креста Господня причастился онъ Св. Таинъ;

(i) По извѣстію 1634 года, «нѣмцы въ церкви великомученика Георгія, въ монастырѣ, ищуще поклажи, обрѣли человѣка цѣла и не разрушена въ княжескомъ одѣяніи и вынявъ изъ гробницы яко жива, поставили у церковной стѣны». Чтен. Общ. Истор. и Древн. 1862. кн. 4.

тогда же сказалъ онъ въ слухъ другихъ, что тѣло его будетъ покоиться въ пустынной его обители. Октября 17 мирно предалъ онъ духъ свой Господу. Тѣло его, по опасностямъ военнымъ, предано было землѣ въ Новгородѣ у церкви св. евангелиста Луки (к).

Псковъ, еще недавно выдержавшій со славою знаменитую осаду Баторія, въ пагубные дни безначалія сдѣлался вертепомъ разбойниковъ и душегубцевъ. Духовенство, дворяне, гости были вѣрны; но лазутчики и письма Тушинскаго злодѣя взволновали мелкихъ гражданъ, чернь, стрѣльцовъ, казаковъ, исполненныхъ ненависти къ людямъ сановитымъ и богатымъ. Они присягнули Лжедимитрію; расхитили достояніе святительское и монастырское. Добродѣтельный архипастырь Геннадій старался усовѣстить неистовыхъ силою слова Божія, вооружалъ крестьянъ своихъ и монастырскихъ для сопротивленія мятежу и разбоямъ въ окрестностяхъ Пскова, и не могъ пережить измѣны своего города: онъ умеръ отъ горести (л). Не успѣлъ образумить измѣнниковъ и дивный затворникъ Іоаннъ, который совершалъ изумительные свои подвиги въ городской стѣпѣ. Въ 1592 г. осаждали Псковъ Шведы; съ 1608 г. семь лѣтъ сряду рыскалъ около Пскова съ разбойничьими шайками своими Ляхъ Лисовскій. Блаж. Іоаннъ во все это время только молился и постился; среди шума, брани и битвъ, среди волненій гордаго ума и малодушнаго маловѣрія онъ жилъ какъ въ пустынѣ, бесѣдуя съ Господомъ и для Него каждый день распиналъ плоть свою, каждый день твердилъ приходив-

(к) Мощи прп. Антонія въ 1620 году перенесены изъ Новгорода на мѣсто подвиговъ его и почиваютъ подъ спудомъ въ храмѣ бывшей обители его (въ 45 верст. отъ Новгорода). Монастырь упраздненъ въ 1764 году.

(л) «Преставися епископъ Геннадій отъ кручины». Псков. лѣтоп. 77.

шимъ къ нему людямъ о вѣрности къ Богу и погибающему отечеству (м).

Въ томъ же духѣ дѣйствовали святители русскіе. Іосифъ Коломенскій, сопротивлявшійся первому самозванцу, схваченъ былъ воинами втораго, которыхъ напрасно хотѣлъ вразумить, и привязанный къ пушкѣ, влачимъ былъ бродягами; его паства, при немъ, осталось вѣрною долгу. Тверской архіепископъ Ѳеоктистъ, еще въ началѣ смятеній отъ Тушинскаго самозванца, явился бодрымъ стражемъ своего стада, ополчилъ духовенство, людей приказныхъ, собственныхъ дѣтей боярскихъ, гражданъ и разбилъ многочисленную шайку злодѣевъ. До послѣдняго издыханія боролся онъ съ измѣною, и взятый въ плѣнъ мятежниками, удостоился мученическаго вѣнца. Ляхи, захватившіе Суздаль, принуждали архіепископа Галактіона, чтобы онъ призналъ втораго Лжедимитрія и разослалъ паствѣ своей грамоты о молитвахъ за него. Святитель не согласился; его отправили въ заточеніе, гдѣ онъ и преставился (н).

Тою же ревностію и сознаніемъ долга одушевлялось и бѣлое духовенство; городскіе и сельскіе священники вездѣ противились бунту и безначалію; немногіе изъ нихъ уцѣлѣли (о).

(м) «Октября 24 (1616) преставися Иванъ, что въ стѣнѣ жилъ 22 лѣта; ядь же его рыба сырая, а хлѣбъ не ѣлъ, а жилъ во радѣ, якоже въ пустыни, въ молчаніи великомъ». Полн. Собр. лѣтоп. IV. 332.

(н) «Тверскаго архіепископа Ѳеоктиста обезчестивше, и по многихъ мукахъ на пути къ царствующему граду въ бѣгствѣ смерти предаша. Такожде и Суздальской архіепископъ Галактіонъ во изгнаніи скончася; епископа же Коломенскаго Іосифа на пушкѣ привязавше, не единою подъ грады водяще, и симъ страшаще многихъ.» Аврамій Палицынъ, стр. 44.

(о) «И мали отъ священнаго чина тѣхъ бѣдъ избѣгоша, память же тѣхъ язвъ многихъ и до смерти остася.» Тамъ же.

Особенно отличился ревностный протопопъ Зарайскаго Никольскаго собора Димитрій, достойный сподвижникъ князя Пожарскаго въ защитѣ роднаго города; онъ укрѣплялъ гражданъ въ вѣрности законному царю, не допустилъ до присяги второму самозванцу и всѣхъ благословлялъ на смерть за правое дѣло (п).

Другой протоіерей въ Великомъ Новгородѣ запечатлѣлъ пастырскую вѣрность собственною кровію. Когда Шведы ворвались въ западную часть города, и закипѣла сѣча на улицахъ, одинъ домъ на торговой сторонѣ казался неодолимою твердынею: Шведы приступали и не могли взять его. Тамъ мужествовалъ протоіерей Софійскаго собора Амосъ съ своими друзьями, въ глазахъ митрополита Исидора, который на стѣнахъ крѣпости пѣлъ молебны, и видя такую доблесть, издали давалъ ему благословеніе крестомъ и рукою. Шведы наконецъ сожгли и домъ и хозяина, послѣдняго славнаго Новгородца!

Смиренные отшельники не щадили жизни своей за Бога и отечество; обители иноческія оказывались несокрушимыми твердынями вѣры и вѣрности. Преп. Евфросинъ подвизался въ основанной имъ пустынной обители на берегу Синичьяго озера (р). Сюда спѣшили укрыться многіе изъ окрестныхъ мѣстъ, когда ватаги Ляховъ проникли въ округъ Устюжны для грабежа и разбоя. Прозорливый отшельникъ увѣщевалъ всѣхъ твердо стоять въ вѣрѣ православной и не соблазняться обольщеніями измѣнниковъ, а 19 марта объявилъ, что скоро придутъ враги и въ пустыню его. Онъ совѣтовалъ бѣжать

(п) Никон. лѣтоп. 137 и 138.

(р) Синозерская пустынь, основанная преп. Евфросиномъ въ 1603 году, находилась въ 60 верстахъ отъ Устюжны желѣзнопольской, на берегу Синичьяго озера. Она упразднена въ 1764 году и храмъ ея обращенъ въ приходскій для Синозерскаго погоста. Здѣсь почиваютъ подъ спудомъ мощи преп. Евфросина.

кто куда можетъ; о себѣ же сказалъ, что онъ долженъ остаться здѣсь по обѣту.—Инокъ Іона въ страхѣ хотѣлъ бѣжать вмѣстѣ съ другими. «Зачѣмъ допускать въ душу страхъ малодушія? говорилъ безтрепетный праведникъ. Когда настаетъ брань, тогда-то и нужно мужество. Мы дали обѣтъ жить и умереть въ пустынѣ. Надобно быть вѣрнымъ слову данному предъ Господомъ. Въ такомъ случаѣ смерть вводитъ въ покой. Другое дѣло—мірскіе люди: они не связаны обѣтомъ и имъ надобно беречь себя и для дѣтей.» Укрѣпленный словами игумена, Іона остался съ святымъ старцемъ. Въ слѣдующій день Ляхи явились въ Евфросинову пустынь. Преп. Евфросинъ въ схимѣ молился у креста, который поставилъ онъ, какъ только пришелъ сюда. Наглые грабители потребовали у Евфросина монастырскихъ сокровищъ, а пустынникъ указалъ на храмъ Богоматери, какъ на единственное сокровище пустыни. Тогда одинъ изъ кровопійцъ ударилъ по шеѣ преподобнаго и разсѣкъ ему голову. Старецъ упалъ полумертвымъ. Поляки ворвались въ храмъ Божій, но въ немъ ничего не нашли и возвратились къ своей жертвѣ. Одинъ ударилъ чеканомъ по головѣ Евфросина и разбилъ черепъ до самаго мозга. Новый страдалецъ предалъ душу свою въ руки Господу. Съ нимъ вмѣстѣ убитъ былъ и инокъ Іона.

Многія обители были разорены и иноки умерщвлены за ревность въ вѣрѣ и правдѣ [c]. Знаменитый Боровскій монастырь преп. Пафнутія былъ осажденъ врагами. Здѣсь былъ

(c) Такъ въ Николаевскомъ Малоярославецкомъ монастырѣ избита врагами вся братія, такъ что онъ болѣе 10 лѣтъ стоялъ въ запустѣніи (Истор. Рос. іерарх. VI, 702); въ Колязинской обители преп. Макарія умерщвлено 68 иноковъ; въ двухъ Костромскихъ монастыряхъ Богоявленскомъ и Крестовоздвиженскомъ—болѣе 20, а въ Спасоприлуцкомъ близь Вологды — до 200 человѣкъ, изъ числа которыхъ захвачено въ трапезѣ и сожжено 59 монаховъ.

главнымъ воеводою неустрашимый князь Михаилъ Константиновичъ, по прозванію Хромой, изъ доблестнаго и вѣрнаго рода князей Волконскихъ. Когда младшіе воеводы (т) измѣнили и тайно впустили Ляховъ и измѣнниковъ въ заднія ворота монастыря, князь Михаилъ бился съ врагами во вратахъ церковныхъ и палъ покрытый ранами близъ раки чудотворца (у), оставивъ память своей доблести въ гербѣ г. Боровска (ф). Иноки и всѣ защитники обители были умерщвлены.

Лучезарнымъ вѣнцемъ подвиговъ доблестныхъ, незыблемымъ оплотомъ Москвы и всего отечества въ «смутное время» была знаменитая обитель великаго чудотворца Сергія. Въ 1608 году Троицкій монастырь окруженъ былъ мятежными полчищами, которыя поддерживали втораго Лжедимитрія (Тушинскаго). Самозванецъ хотѣлъ овладѣть монастыремъ; его побуждали къ тому и сокровища монастыря, собран-

---

(т) Яковъ Змѣевъ и Аѳанасій Челищевъ — имена, достойныя омерзенія въ потомствѣ.

(у) «Литовскіе люди и Русскіе воры внидоша.... К. Михайло жь Волконской, видя свое неизможеніе, побѣже въ церковь. Тѣ же воеводы зваху его на встрѣчу; онъ же имъ отказа, умереть-де мнѣ у гробу Пафнутія чудотворца.... ста въ дверяхъ церковныхъ и.... бился много и изнемогъ отъ великихъ ранъ и паде въ церкви у крилоса лѣваго. Веліе жь чудо Богъ показалъ надъ тѣми убіенными: того жь К. Михаилова кровь прыснула на лѣвой крылосъ на камень, и многажды тое кровь скребляху и мыша, но не можаху тое крови ни соскресть, ни смыти.» Никон. лѣтоп. 136. Прахъ князя Михаила покоится въ обители преп. Пафнутія, подъ церковью Всѣхъ Святыхъ, сооруженною потомками его, князьями Волконскими въ 1837 году.

(ф) Въ память геройской кончины кн. Михаила Волконскаго, императрица Екатерина II пожаловала г. Боровску гербъ, въ которомъ серебряное поле изображаетъ непорочность, червленое сердце—вѣрность, а находящійся посреди его крестъ—усердіе къ закону Божію; сердце окружено лавровымъ вѣнкомъ—символомъ славы.

ныя вѣками, и усилія иноковъ Троицкихъ, вмѣстѣ съ патріархомъ, поддержать въ Москвѣ вѣрность народа царю Шуйскому, и мѣстная важность Троицкой обители, которая стояла на пути къ Москвѣ отъ сѣверныхъ и восточныхъ городовъ, откуда могли придти вѣрные сыны отечества для освобожденія его отъ иноземцевъ и мятежниковъ.

Защитою обители было, вопервыхъ, упованіе на всесильную помощь Божію и ходатайственное заступленіе безсмѣннаго начальника монастыря, которому сама Матерь Божія дала обѣтованіе быть неотступною отъ его обители; потомъ благоразуміе и попечительность ея временныхъ правителей. Архимандритъ Іоасафъ вездѣ являлъ себя сердобольнымъ отцемъ для нуждающихся, усерднымъ молитвенникомъ, вѣрнымъ до смерти блюстителемъ святыни. Келаремъ лавры тогда былъ знаменитый въ лѣтописяхъ отечества Аврамій Палицынъ. Во время осады его не было въ лаврѣ; но тѣмъ не менѣе болѣлъ онъ душею за нее, и дѣлалъ все, что могъ, въ ея пользу въ Москвѣ.

Обитель Троицкая имѣла тогда болѣе 300 человѣкъ братіи; въ числѣ ихъ были такіе, которые въ мірѣ служили отечеству, на полѣ брани, и въ настоящихъ обстоятельствахъ могли быть полезными для обители своимъ мужествомъ и искусствомъ. Сверхъ того для защиты монастыря были присланы царемъ воеводы съ отрядомъ войска, вооружены слуги монастырскіе и жители окрестныхъ селеній. Число всѣхъ защитниковъ монастыря простиралось, въ началѣ осады, до 2.500.

Стѣны и башни монастыря снабжены были принадлежностями, нужными для осадныхъ случаевъ. Но непрочность укрѣпленій видна была еще прежде осады, особенно западная стѣна была ветха и непадежна. Запасовъ хлѣбныхъ было немного. Такимъ образомъ обыкновенныя человѣческія средства

защиты не обезпечивали обители: она не могла положиться ни на число воиновъ, ни на крѣпость стѣнъ, ни на довольство запасовъ—и, еслибы Господь, по молитвамъ угодника Своего, не сохранилъ града, конечно всуе бдѣли бы стрегущіе.

Враги явились подъ стѣнами лавры 25 сентября. Со слезами встрѣтили въ обители праздникъ памяти преп. Сергія, но не унывали. Принесши моленіе Господу Богу о защитѣ отъ супостатовъ, воеводы, дворяне, дѣти боярскіе, слуги монастырскіе, стрѣльцы, всѣ собравшіеся здѣсь, въ самый день праздника, обязались присягою сидѣть въ осадѣ безъ измѣны. Число непріятельскаго войска, по показаніямъ захваченныхъ въ плѣнъ, простиралось до 30.000 человѣкъ. Предводителями были Янъ-Петръ Сапѣга, командовавшій польскими войсками, и Лисовскій, съ отрядомъ, славившимся дерзостію; къ нимъ присоединились русскіе измѣнники, Татары и казаки. Сапѣга и Лисовскій хотѣли склонить архимандрита и воеводъ къ добровольной сдачѣ монастыря, для чего 29 сентября прислали боярскаго сына съ грамотою, обѣщая милости мнимаго Димитрія, и грозя истребленіемъ въ случаѣ упорства. Осажденные не поколебались. «Надежда наша и упованіе, говорили они,—Пресвятая живоначальная Троица; стѣна и покровъ нашъ — Пренепорочная Владычица наша Богородица и Приснодѣва Марія; помощники наши и молитвенники о насъ къ Богу—преподобные отцы наши Сергій и Никонъ.» И въ семъ упованіи писали къ Полякамъ и измѣнникамъ: «да будетъ извѣстно вашему темному царству, что напрасно прельщаете вы стадо Христово; и десятилѣтнее отроча въ Троицкомъ монастырѣ смѣется вашему безумному совѣту. Не измѣнимъ ни вѣрѣ, ни царю, хотя бы предлагали вы намъ и всего міра сокровища.»

Начались приступы враговъ и вылазки защитниковъ мо-

настыря. Такъ 13 октября Сапѣга выступилъ изъ таборовъ съ полками, окружилъ монастырь и съ наступленіемъ ночи двинулся на приступъ. Осажденные мужественно встрѣтили нападающихъ и отразили; а наутро, увидѣвъ оставленныя ими осадныя орудія, предали ихъ огню, и благодарили Бога за избавленіе отъ враговъ, ходя со святыми иконами по стѣнамъ монастырскимъ.

Защищая обитель свою отъ враговъ, «великій чудотворецъ явился въ чинѣ Взбраннаго Воеводы, который приписуется ему въ церковномъ пѣснопѣніи (акаѳистѣ). Онъ ободрялъ и охранялъ подвизающихся за вѣру и отечество, устрашалъ враговъ и умножалъ свои чудеса, дабы, при умноженіи опасностей, не изнемогла надежда спасенія» (x). Октября 23 преп. Сергій, явившись во снѣ пономарю Прпарху, предувѣдомилъ осажденныхъ о новомъ приступѣ враговъ и велѣлъ сказать воеводамъ, чтобы они дерзали съ надеждою. Въ подкрѣпленіе сей надежды преподобный прошелъ по стѣнѣ, кропя ее и зданія монастырскія святою водою. Ночью дѣйствительно послѣдовало нападеніе, но отражено съ урономъ враговъ. Вскорѣ узнали, что подъ монастырь ведется подкопъ. Какъ мѣсто и направленіе подкопа было неизвѣстно: то опасеніе сдѣлалось всеобщимъ. Осажденные начали готовиться къ смерти; исповѣдывались, пріобщались св. Таинъ, съ каждымъ часомъ ждали взрыва. Въ это скорбное время явился настоятелю преп. Сергій, молящійся предъ храмовою иконою Пресв. Троицы, и по окончаніи молитвы, сказалъ: «бдите и молитеся: Всесильный Господь, по множеству щедротъ Своихъ, еще милуетъ васъ, и даетъ вамъ время на покаяніе.»—Осажденные ободрились и непріятель, возобновившій нападеніе, отраженъ съ урономъ.

(x) «Житіе преп. Сергія послѣ смерти», составленное Филаретомъ митр. московскимъ (стр. 60).

Въ день архистратига Михаила, во время вечерни, ядро ударило въ полуденныя желѣзныя двери Троицкаго собора и оставило слѣдъ на дскѣ образа св. чудотворца Николая. Народъ пришелъ въ ужасъ; слезы орошали церковный помостъ; пѣніе замедлялось отъ плача. Но во время той же вечерни изнемогшему отъ уныніи архимандриту явился архангелъ Михаилъ, съ лицемъ сіяющимъ, съ скипетромъ въ рукахъ и грозя врагамъ, говорилъ: «Вскорѣ Всесильный Богъ воздастъ вамъ отмщеніе.» Сіе видѣніе тогда же возвѣщено народу, и архимандритъ совершилъ молебное пѣніе ко Пресвятой Троицѣ и архангелу Михаилу.

Упованіе на помощь Божію еще болѣе укрѣпилось, когда вечеромъ, во время правила, архимандритъ услышалъ новое ободреніе изъ устъ преп. Сергія; а на другой день старцы Геннадій, Гурій и Кипріанъ, съ нѣкоторыми мірянами, видѣли предъ утреннею преподобнаго Сергія ходящаго по монастырю и зовущаго братію въ церковь, гдѣ видѣнъ былъ также св. архіепископъ Серапіонъ, молящійся предъ образомъ Божіей Матери.

Ободренные защитники обители вышли, за три часа до свѣта, въ трехъ отрядахъ, разными путями; именемъ Сергія и быстрымъ нападеніемъ привели непріятеля въ смятеніе, опрокинули и преслѣдовали по восточной и южной сторонѣ монастыря. Это дало случай найти устье подкопа, веденнаго подъ монастырь. Двое крестьянъ монастырскихъ взорвали его и сами сдѣлались жертвою сего подвига.

Сраженіе продолжалось весь день, при возобновляемыхъ съ обѣихъ сторонъ усиліяхъ, въ разныхъ направленіяхъ и при обоюдныхъ утратахъ; но кончилось тѣмъ, что воины монастырскіе захватили многочисленные туры непріятелей на Красной горѣ, взяли восемь большихъ пушекъ, много мелкаго оружія, пуль и пороху, укрѣпленія сожгли и истребили, заставили

Сапѣгу удалиться въ свои таборы. Побѣдители возвратились съ тѣлами падшихъ своихъ братій и добычею, уже поздно. Первымъ дѣломъ было благодареніе Господу, даровавшему побѣду. Звонъ до полуночи возвѣщалъ ихъ торжество. Быстро разнесшаяся по Россіи вѣсть о семъ славномъ боѣ послужила сильнымъ ободреніемъ для вѣрныхъ сыновъ отечества.

Между тѣмъ внутри лавры открылось новое, гибельное зло. Отъ тѣсноты, сырости, недостатка чистой воды и пряныхъ зелій, съ 17 ноября появилась цынготная болѣзнь. Сначала въ сутки умирало человѣкъ по десяти, потомъ по пятидесяти, даже иногда по сту. Наконецъ некому стало ходить за болящими. Монастырь наполнился смрадомъ отъ зараженныхъ и умирающихъ. Успенскій соборный храмъ каждый день наполнялся умершими. Оскудѣли священники отъ непрестаннаго хожденія за больными и умирающими Не столько война, сколько эта губительная болѣзнь до того уменьшила число защитниковъ, что нельзя уже было думать по-прежнему о частыхъ вылазкахъ. Помощи ниоткуда не было. Положеніе осажденныхъ становилось весьма затруднительнымъ.

Въ мартѣ осажденные получили нѣкоторый отдыхъ со стороны враговъ. Лисовскій отлучился; оставшіеся враги, не тревожа монастыря, заключились въ лагерѣ. Но во время отдыха многіе слишкомъ забылись. Недостойные воины, предавались невоздержанію и другимъ безчиніямъ; пользуясь трапезою монастырскою, они требовали еще себѣ урочнаго хлѣба для продажи, и ссорились съ трезвенными иноками, которые, сами довольствуясь на трапезѣ только хлѣбомъ и водою, отказывали въ удовлетвореніи ихъ прихотей. Напрасны были увѣщанія архимандрита Іоасафа. Стрѣльцы жаловались на него царю, что не даетъ имъ продовольствія, и отказывались выходить на вылазки.

Спасительнымъ исправителемъ неустройствъ явился преп. Сергій. Однажды, когда воины, побѣжденные страстями, съ робостію шли на брань противъ Поляковъ, приступавшихъ къ стѣнамъ, встрѣтилъ ихъ мужъ святолѣпный, идущій отъ надворотной церкви чудотворца Сергія и грозно сказалъ имъ: «что вы трепещете! Если и никто изъ васъ не останется въ живыхъ, Господь не предастъ святаго мѣста сего. Не будетъ услышано во вразѣхъ, яко плѣнихомъ обитель Пресвятыя Троицы. Скажите въ обители, что нечисто живущіе во святомъ мѣстѣ семъ погибнутъ; Господь не нечестивыми спасетъ мѣсто сіе, но имени ради своего безъ оружія избавитъ.»

Архимандритъ Іоасафъ, для прекращенія смертоноснаго недуга, 8 мая положилъ устроить въ храмѣ Пресвятыя Богородицы придѣлъ по древнему обычаю—для испрошенія чрезвычайной помощи Божіей строить обыденныя церкви. И 9 мая, въ день святителя и чудотворца Николая, освященъ новый престолъ, во имя сего чудотворца; дѣйствіе болѣзни примѣтно сократилось. Еще не оправившись и не собравшись съ силами, осажденные должны были вынести новый сильный приступъ: 28 іюня они замѣтили въ лагерѣ Сапѣги и Лисовскаго необыкновенное движеніе, и готовились отразить непріятеля. Будучи скудны числомъ и средствами, они кипятили варъ, сѣру, смолу, таскали известь и камни на стѣну, и вечеромъ всѣ стали на стѣнѣ для стражи и защиты, мужчины и женщины. Иноки Аѳанасій Ощеринъ, Паисій Литвинъ, Гурій Шишкинъ приняли начальство надъ горстію оставшихся защитниковъ. Когда смерклось, непріятель сталъ подвозить лѣстницы и стѣнобитныя орудія, и пальбою изъ пушекъ на Красной горѣ открытъ былъ жестокій приступъ. Поляки и Литовцы лѣзли на стѣну, но вездѣ были отбиваемы оружіемъ, камнями, известію, смолою, варомъ. Приступъ продолжался съ перваго часа ночи до перваго часа дня. Въ то время, какъ

одни сражались на стѣнахъ, другіе въ храмахъ молились. И къ утру враги со стыдомъ и съ потерею стѣнобитныхъ орудій и множества людей принуждены были отступить, хотя въ обители оставалось уже весьма мало защитниковъ [п].

Около того же времени преп. Сергій исцѣлилъ одного больнаго старца въ обители, и притомъ сказалъ ему: «Не такъ гнусенъ мнѣ смрадъ мірянъ согрѣшающихъ блудомъ, какъ иноковъ, нерадящихъ о своемъ обѣщаніи; и подъ стѣнами обители моея всѣхъ пришедшихъ враговъ истреблю; и во обители моей печисто и двоемысленно живущихъ погублю же, и со осквернившимися управлюсь».

Примѣтимъ здѣсь, какъ многообразно вдругъ дѣйствовалъ чудотворецъ Сергій: и враговъ устрашалъ, и находящихся въ опасности ободрялъ, и болящихъ врачевалъ, и маловѣрныхъ исправлялъ, и всѣхъ иноковъ поучалъ такимъ поученіемъ, которое и нынѣ должно еще звучать въ ушахъ нашихъ [ч].

При слухѣ объ успѣхахъ Скопина-Шуйскаго, Сапѣга удалился отъ монастыря, оставивъ подъ стѣнами нѣсколько ротъ для наблюденія. Но послѣ несчастной битвы подъ Калязиномъ, разбитый еще разъ княземъ Михаиломъ подъ Александровымъ 18 октября, принужденъ былъ возвратиться въ свой лагерь. Въ это время спаситель отечества Скопинъ-Шуйскій, для охраненія монастыря, послалъ отрядъ въ 900 человѣкъ. Наконецъ Валуевъ, посланный княземъ Михаиломъ съ 500 человѣкъ, для обозрѣнія непріятеля, соединясь съ прежде присланнымъ отрядомъ, ударилъ на Сапѣгу; Поляки и Литовцы опрокинуты въ свои таборы и лагерь ихъ зажженъ. Много было пролито крови на Красной горѣ, на прудѣ Келарскомъ,

---

(п) По увѣренію келаря Аврамія, во время этого послѣдняго приступа «въ обители чудотворца болѣе 200 человѣкъ не бяше».

(ч) Подлинныя слова изъ «Житія преп. Сергія послѣ смерти» (стр. 62).

на Волкушѣ и Клементьевскомъ полѣ; но это уже въ послѣдній разъ.

Наконецъ 12 января 1610 г. Сапѣга обратился въ бѣгство, почти 16 мѣсяцевъ державъ монастырь въ осадѣ безъ успѣха; въ продолженіе недѣли иноки еще не рѣшались вѣрить, что враги оставили ихъ навсегда; но 20 числа отправили старца Макарія въ Москву къ царю съ извѣщеніемъ о милости Божіей,—и съ святою водою, окропивъ ею напередъ стѣны монастыря [m].

Архимандритъ Іоасафъ, старецъ, теплыми молитвами и попечительностію содѣйствовавшій спасенію обители, утомленный бѣдами и опасностями, вскорѣ послѣ окончанія осады удалился въ Пафнутіевъ монастырь, изъ котораго взятъ былъ въ настоятели лавры. Но когда Пафнутіевъ монастырь взятъ былъ врагами, тогда вмѣстѣ съ прочими иноками умерщвленъ и сей доблестный старецъ, которому напрасно грозилъ смертію Сапѣга въ стѣнахъ Сергіева монастыря [m]. Преемникомъ его былъ преп. Діонисій. Урожденецъ города Ржева, онъ въ мірѣ именовался Давидомъ; по желанію родителей вступилъ въ супружество: «за благочестіе» удостоенъ сана священства: но вскорѣ лишился супруги, и вступилъ въ Старицкій Богородичный монастырь; около 1605 г. возведенъ въ санъ архимандрита того монастыря. Въ смутное время царя Василія Іоанновича Шуйскаго, онъ особенно обратилъ на себя вниманіе патріарха Гермогена, такъ что въ послѣ-

(m) Освобожденіе лавры отъ осады торжествовала съ нею вся Россія. Въ обители память благодѣянія Божія увѣковѣчена установленіемъ крестнаго хода по стѣнамъ монастыря въ тотъ день, когда Сапѣга бѣжалъ отъ монастыря.

(m) Въ одномъ изъ синодиковъ лаврскихъ, при имени архимандрита Іоасафа отмѣчено: «убитъ въ Пафнутьевѣ». О взятіи обители преп. Пафнутія Лахами и измѣнниками мы уже говорили въ этой главѣ.

нее время неотлучно при немъ находился [ъ]. Царь имѣлъ въ немъ одного изъ ревностныхъ защитниковъ своего престола. Когда Іоасафъ оставилъ Троицкую обитель, царь и патріархъ ввѣрили ея управленіе преп. Діонисію.

Обитель Сергіева, послѣ продолжительной осады, требовала отъ своихъ властей ревностныхъ заботъ для возстановленія ея благосостоянія, но бѣдствующее отечество призывало ихъ еще къ новымъ усиліямъ и пожертвованіямъ. Обитель предлагала кровъ, пищу и врачеваніе лишеннымъ крова и изувѣченнымъ отъ враговъ. Архимандритъ Діонисій убѣждалъ братію и слугъ монастырскихъ служить бѣдствующимъ, кто чѣмъ можетъ; приказалъ устроить странноприимные дома и больницы въ подмонастырныхъ слободахъ и селѣ Клементьевѣ. Братія согласилась довольствоваться на трапезѣ овсянымъ хлѣбомъ и водою, чтобы сберечь пшеницу и ржаной хлѣбъ для раненыхъ. По окрестнымъ лѣсамъ и дорогамъ разсылаемы были люди, собирать изнемогшихъ отъ ранъ и мученій, и приводить въ обитель, или погребать умершихъ. Старецъ Дороѳей, келейникъ преп. Діонисія, днемъ и ночью разносилъ отъ него больнымъ и раненымъ платье, полотенца, деньги. Такое пособіе страждущимъ оказывала обитель во все то время, около полутора года, пока Москва боролась съ Поляками. Келарь Симонъ полагаетъ въ это время болѣе 7.000 умершихъ, и до 500 оставшихся при обители во мно-

---

(ъ) Патріархъ Гермогенъ ставилъ Діонисія въ примѣръ другимъ. «Смотрите—говорилъ онъ—на Старицкаго архимандрита; никогда онъ отъ соборной церкви не отлучается, на царскихъ и всемірныхъ соборахъ всегда тутъ». Подъ всемірными соборами патріархъ разумѣлъ эти шумныя собранія народа, гдѣ противники царя Василія, требовали его низверженія, гдѣ патріархъ защищалъ царя, а Діонисій былъ подлѣ патріарха и увѣщевалъ народъ, несмотря на оскорбленія, которымъ подвергались увѣщатели отъ буйной толпы. (Исторія Россіи Соловьева VIII, 439.)

гихъ службахъ: по сему можно судить, какъ велико было число всѣхъ воспользовавшихся пособіями отъ обители.

Такъ дѣйствовали служители православной Церкви Русской въ тяжкую годину искушенія и гибели! Чистая и пламенная молитва, твердая вѣра, единодушные подвиги самоотверженія и мученичества могли ли не привлечь къ себѣ всесильной помощи Бога—Спасителя, который изрекъ нѣкогда Своими устами: «гдѣ двое или трое соберутся во имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ»! Безъ сомнѣнія, Самъ Господь — человѣколюбецъ невидимо присутствовалъ посреди вѣрныхъ рабовъ Своихъ, когда они жертвовали всѣмъ, даже жизнію, для сохраненія православія, для спасенія отечества. И теперь, при преобладаніи Ляховъ и измѣнниковъ, какъ нѣкогда подъ игомъ Монголовъ, не человѣческія силы удержали Россію отъ гибели: теперь, какъ и тогда, Церковь спасла государство!

Чтобы вполнѣ убѣдиться въ этой непреложной истинѣ, бросимъ бѣглый взглядъ на продолженіе событій, описанныхъ нами въ предыдущей главѣ. По избраніи Владислава на Русскій престолъ, Дума Боярская рѣшилась призвать гетмана Жолкѣвскаго съ польскими войсками и поручить врагамъ охраненіе столицы. Среди бояръ, частію измѣнниковъ, передавшихся Ляхамъ, частію робкихъ и своекорыстныхъ, среди черни, объятой безначаліемъ и развратомъ, бодрствовалъ на стражѣ Церкви и отечества только одинъ старецъ, ветхій и слабый тѣломъ, но несокрушимотвердый духомъ — первосвятитель Гермогенъ. Зная (чрезъ Филарета и Голицына) намѣренія Сигизмунда и козни іезуитовъ, онъ разрѣшилъ всѣхъ отъ присяги польскому королевичу и разослалъ грамоты по городамъ, призывая православныхъ на защиту вѣры и государства. Первый возсталъ, по зову патріарха, и пошелъ къ Москвѣ съ своею дружиною,

Рязанскій воевода Прокопій Ляпуновъ. Но не ему, прежнему слугѣ самозванца и заклятому врагу царя Василія, судилъ Промыслъ Божій спасти отечество: чистое дѣло требовало людей чистыхъ [ы].

Боярская Дума убѣждала патріарха успокоить народъ, сильно взволнованный вѣстію о походѣ Рязанцевъ. Въ особенности наглый измѣнникъ Михайло Салтыковъ требовалъ, чтобы Гермогенъ не велѣлъ ополчаться Ляпунову. «Не велю—отвѣчалъ патріархъ—если увижу крещеннаго Владислава и Ляховъ выходящихъ изъ Москвы; велю, если не будетъ того, и разрѣшаю всѣхъ отъ данной королевичу присяги». Салтыковъ въ бѣшенствѣ выхватилъ ножъ; Гермогенъ осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и сказалъ громогласно: «Сіе знаменіе противъ ножа твоего и да взыдетъ вѣчная клятва на главу твою!» И обратясь къ князю Мстиславскому, который, по знатности рода, занималъ первое мѣсто въ Думѣ, тихо примолвилъ: «ты начальный; тебѣ первому должно пострадать за вѣру и правду; но если соблазнишься кознями сатанинскими, то истребитъ Господь корень твой отъ земли живыхъ и христіанской кончины не сподобишься» [ь]. Между тѣмъ, по грамотамъ первосвятителя, одинъ за другимъ поднимались города Русскіе; народъ Московскій съ нетерпѣніемъ ждалъ избавителей и замышлялъ гибель Ляховъ. Еще разъ бояре заклинали Гермогена удалить бурю, спасти Россію отъ междоусобія и Москву отъ крайняго бѣдствія: писать къ ополчившимся воеводамъ, чтобы они шли назадъ и распустили войско. «Ты далъ имъ оружіе въ руки—говорилъ Салтыковъ—ты можешь и смирить ихъ». «Все смирится—отвѣтствовалъ

(ы) Ляпуновъ былъ убитъ подъ Москвою казаками.

(ь) Проклятіе первосвятителя видимо отяготѣло надъ измѣнникомъ и его потомствомъ; предсказаніе о прекращеніи рода Мстиславскихъ также вскорѣ исполнилось.

патріархъ—когда вы, измѣнники, съ своею Литвою исчезнете; но въ царственномъ градѣ видя ваше злое господство, въ святыхъ храмахъ Кремлевскихъ оглашаясь латинскимъ пѣніемъ (Ляхи въ домѣ Годунова устроили себѣ божницу), благословляю достойныхъ вождей христіанскихъ утолить печаль отечества и Церкви». Дерзнули наконецъ приставить воинскую стражу къ непреклонному іерарху: не пускали къ нему ни мірянъ, ни духовенства; обходились съ нимъ то жестоко и безчинно, то съ уваженіемъ, опасаясь народа. Въ недѣлю Ваій велѣли или дозволили Гермогену священнодѣйствовать и взяли мѣры для обузданія жителей, которые въ этотъ день обыкновенно стекались изъ всѣхъ частей города и ближнихъ селеній въ Китай-городъ и Кремль, быть зрителями великолѣпнаго обряда церковнаго. Ляхи и Нѣмцы, пѣхота и всадники, заняли Красную площадь съ обнаженными саблями, пушками и горящими фитилями. Но улицы были пусты! Патріархъ ѣхалъ между уединенными рядами иновѣрныхъ воиновъ; узду его осляти держалъ, вмѣсто царя, одинъ изъ бояръ; за нимъ шло нѣсколько сановниковъ, унылыхъ, мрачныхъ видомъ. Граждане не выходили изъ домовъ, воображая, что Ляхи умышляютъ внезапное кровопролитіе и будутъ стрѣлять въ толпы народа безоружнаго. День прошелъ мирно; такъ же и слѣдующій. Но во вторникъ на Страстной недѣлѣ вспыхнуло народное возстаніе, кровь полилась рѣкою, запылалъ пожаръ. Ляхи, обративъ въ пепелъ Бѣлый и Земляной городъ и предмѣстія, заперлись въ Китай-городѣ и Кремлѣ. Тамъ вмѣстѣ съ боярами-измѣнниками, праздновали Свѣтлое Воскресеніе и молились за царя Владислава, съ іерархомъ, достойнымъ такой паствы—Игнатіемъ, котораго вывели изъ Чудовской обители, гдѣ онъ пять лѣтъ жилъ опальнымъ инокомъ, и снова назвали патріархомъ, свергнувъ и заключивъ Гермо

гена на Кирилловскомъ подворьѣ. Одинъ среди враговъ неистовыхъ и гнусныхъ измѣнниковъ—между памятниками нашей славы, въ оградѣ священной для вѣковъ могилами Димитрія Донскаго, Іоанна III, Михаила Шуйскаго—великій святитель Божій въ темной кельи сіялъ добродѣтелію какъ лучезарное свѣтило отечества, готовое угаснуть, но уже воспламенивъ въ народѣ жизнь и ревность къ великому дѣлу. Еще пытались склонить старца, изнуреннаго постомъ и тѣснымъ заключеніемъ, чтобы онъ отмѣнилъ возстаніе городовъ на защиту Москвы. Отвѣтъ святителя былъ тотъ же: «пусть удалятся Ляхи!» Грозили ему злою смертію: старецъ указывалъ имъ на небо, говоря: «боюся Единаго, тамъ живущаго!» Невидимый для паствы своей, великій іерархъ сообщался съ нею молитвою; слышалъ звукъ битвъ за свободу отечества, и тайно, изъ глубины сердца, пылающаго неугасимымъ огнемъ добродѣтели, слалъ благословеніе вѣрнымъ подвижникамъ! Наконецъ, видя непреклонность старца—первосвятителя, Ляхи и измѣнники заключили его въ Чудовомъ монастырѣ и уморили голодомъ (ѣ). Страдалецъ—святитель, истаявая и угасая, подобно догорающей лампадѣ предъ ликомъ Господнимъ, до послѣдняго вздоха возсылалъ крѣпкую молитву къ Богу о избавленіи отечества и предалъ духъ свой Небесному Пастыреначальнику 17 февраля 1612 года, оставивъ

(ѣ) О кончинѣ святѣйшаго патріарха Гермогена въ одной рукописи (Сборникъ Румянц. Музея въ 4-ку, XVII в., № 364, л. 324 об.) сказано такъ: «Немилостивіи приставники измѣнничьи заморища его гладомъ. Меташа бо страдальцу Христову не человѣческую пищу—на недѣлю снопъ овса и мало воды. И тако претерпѣ близъ годичнаго времени и скончася о Христѣ, предаде честную свою душу въ руцѣ Божіи въ лѣто 7121 (1613) февраля въ 7 д. и погребенъ бысть тамо въ чюдовѣ монастырѣ». — Эти подробности о страдальческой кончинѣ святѣйшаго патріарха Гермогена здѣсь въ первый родъ являются въ печати.

въ наслѣдіе раззоренной Москвѣ свои нетлѣнныя, священномученическія мощи (э).

Умолкъ голосъ пастыря, призывавшій вѣрную паству на защиту отечеству. Но оплотомъ Россіи была лавра Сергіева: оттуда разсылались по всѣмъ городамъ и полкамъ увѣщательныя грамоты, призывающія къ очищенію земли. Въ одной изъ этихъ грамотъ, архимандритъ Діонисій и келарь Аврамій Палицынъ писали такъ: «Вспомните истинную православную христіанскую вѣру, что всѣ мы родились отъ христіанскихъ родителей, знаменались печатію, святымъ крещеніемъ, обѣщались вѣровать во св. Троицу; возложите упованіе на силу креста Господня и покажите подвигъ свой, молите служилыхъ людей, чтобъ быть всѣмъ православнымъ христіанамъ въ соединеніи и стать сообща противъ предателей христіанскихъ, Михайлы Салтыкова и иныхъ, и противъ вѣчныхъ враговъ христіанства, польскихъ и литовскихъ людей. Сами видите конечную отъ нихъ погибель всѣмъ христіанамъ, видите, какое раззоренье учинили они въ Московскомъ государствѣ; гдѣ святыя Божіи церкви и Божіи образы? гдѣ иноки сѣдинами цвѣтущіе, инокини добродѣтелями украшенныя? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? Не пощажены ни старцы, ни младенцы грудные. Помяните и смилуйтесь надъ видимою общею смертною погибелью, чтобъ васъ самихъ та же лютая смерть не постигла. Пусть служи-

(э) Мощи священномученика Гермогена, въ 1653 году, при перенесеніи ихъ въ Успенскій соборъ, были обрѣтены нетлѣнными и потому положены поверхъ помоста, въ ящикѣ, обитомъ фіолетовымъ бархатомъ, подлѣ мѣднаго шатра, построеннаго для Ризы Господней. Въ 1812 году враги-грабители извлекли ихъ изъ ящика, думая, что тамъ скрыты сокровища; по изгнаніи Наполеоновыхъ полчищъ изъ Москвы, мощи святителя Божія найдены на полу храма, въ прежнемъ полномъ нетлѣніи. Онѣ почиваютъ и теперь на томъ же мѣстѣ, въ томъ же ящикѣ.

лые люди безъ всякаго мѣшканія спѣшатъ къ Москвѣ, въ сходъ къ боярамъ, воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Сами знаете, что всякому дѣлу одно время надлежитъ, безвременное же всякому дѣлу начинаніе суетно и бездѣльно бываетъ; хотя бы и были въ вашихъ предѣлахъ какія неудовольствія, для Бога отложите все это на время, чтобъ всѣмъ вамъ сообща потрудиться для избавленія православной христіанской вѣры, пока къ врагамъ помощь не пришла. Смилуйтесь, сдѣлайте это дѣло поскорѣе, ратными людьми и казною помогите, чтобы собранное теперь здѣсь подъ Москвою войско отъ скудости не разошлось.»

Дружины изъ 25 городовъ стояли уже подъ Москвою, но, къ несчастію, между защитниками отечества господствовало несогласіе: воеводы не слушались другъ друга, и ратныя дѣйствія безъ общей цѣли, единства и связи, не могли имѣть важнаго успѣха (ю).

Но Троицкія грамоты не оставались безъ дѣйствія: народъ былъ готовъ встать какъ одинъ человѣкъ; непрерывный рядъ смутъ и бѣдствій не сокрушилъ могучихъ силъ юнаго народа, но очистилъ общество, привелъ его къ сознанію необходимости пожертвовать всѣмъ для спасенія вѣры, угрожаемой врагами внѣшними, и наряда государственнаго, которому грозили враги внутренніе, «воры.» Явились признаки сознанія и необходимости нравственнаго очище-

---

(ю) Въ станѣ Русскихъ, осаждавшихъ Москву, по смерти Ляпунова, было два главныхъ начальника: люди чиновные и пришельцы изъ Тушинскаго стана выбрали князя Димитрія Трубецкаго, а грабители казаки—атамана Заруцкаго. Трубецкій, сверхъ знатности, имѣлъ еще и нѣкоторыя благородныя свойства, усердствуя оказать себя достойнымъ высокаго сана; Заруцкій же, вмѣстѣ съ нимъ выслуживъ боярство въ Тушинѣ, имѣлъ одну смѣлую предпріимчивость для удовлетворенія своимъ гнуснымъ страстямъ, не зная ничего святаго, ни Бога, ни отечества.

нія людей для подвига очищенія земли отъ враговъ, признаки того, что народъ, не видя никакой внѣшней помощи, обратился всѣмъ сердцемъ къ высшему духовному міру, чтобъ оттуда извлечь средства спасенія. По областямъ промчалось слово, города переслали другъ другу грамоты, гдѣ писалось, что въ Нижнемъ-Новгородѣ было откровеніе Божіе какому-то благочестивому человѣку, именемъ Григорію, велѣно ему Божіе слово проповѣдывать во всемъ Россійскомъ государствѣ; говорили, что этотъ Григорій сподобился страшнаго видѣнія въ полуночи: видѣлъ онъ, какъ снялась съ его дома крыша, и свѣтъ великій облисталъ комнату, куда явились два мужа съ проповѣдію о покаяніи и очищеніи всего государства. Во Владимірѣ было подобное видѣніе. Вслѣдствіе этого, по совѣту всей земли Московскаго государства, во всѣхъ городахъ, всѣмъ православнымъ народомъ приговорили поститься, отъ пищи и питья воздерживаться три дня, даже и съ грудными младенцами; и по приговору, по своей волѣ православные христіане постились: три дня — въ понедѣльникъ, вторникъ и среду ничего не ѣли, и не пили, въ четвергъ и въ пятницу ѣли одинъ хлѣбъ. Такъ при господствѣ религіознаго чувства, выразилась въ народѣ мысль о необходимости очищенія всей земли, отдѣленія себя отъ настоящаго смутнаго и оскверненнаго общественнымъ развратомъ времени. Мы видѣли, что еще царь Василій (Шуйскій) думалъ объ этомъ очищеніи, и два патріарха произнесли отпущеніе народу отъ грѣха недавнихъ клятвопреступленій; но тогда покаяніе совершалось по предначинанію правительства, а не по всеобщему убѣжденію; теперь же народъ, путемъ испытаній, самъ пришелъ къ мысли о необходимости очищенія. «Православные христіане постились, говоритъ грамота, по своему изволенію.»

Одна изъ грамотъ Троицкихъ получена была въ Нижнемъ-

Новгородѣ. Когда прочли ее въ соборѣ, земскій староста Козьма Мининъ-Сухорукій объявилъ, что онъ удостоенъ былъ явленія великаго чудотворца Сергія. Бывшее ему видѣніе состояло въ слѣдующемъ: однажды, въ уединенной храминѣ, куда Козьма удалялся по временамъ для молитвы, «явился ему преп. Сергій и повелѣвалъ собирать казну для военныхъ людей, и идти для очищенія государства Московскаго отъ враговъ. Пришедъ въ себя, Козьма былъ въ великомъ страхѣ: но ни на что не рѣшился, думая, что устроеніе войска не его дѣло. Видѣніе повторилось: но онъ опять остался въ бездѣйствіи. По краткомъ времени преподобный явился ему въ третій разъ; возобновилъ свое повелѣніе съ прещеніемъ, и присовокупилъ, что есть изволеніе праведныхъ судебъ Божіихъ помиловать православныхъ христіанъ, и отъ великаго смятенія привести въ тишину; что старѣйшіе въ городѣ не столько войдутъ въ поручаемое Козьмѣ дѣло, сколько младшіе, и что начинаніе ихъ приведется къ доброму окончанію. Сіе послѣднее видѣніе оставило Козьму не только въ трепетѣ, но и въ нѣкоторой болѣзни; почему онъ раскаялся въ своемъ небреженіи, рѣшился приступить къ исполненію повелѣннаго и думалъ, какъ начать дѣло [а]. На сходѣ гражданъ Нижегородскихъ, Мининъ предложилъ: «Если захотимъ помочь Московскому государству, такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть ничего, дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать, и бить челомъ—кто бы вступился за истинную православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ». Послѣ того начались частыя сходки; Мининъ продолжалъ свои увѣщанія: «Что же намъ дѣлать»? спрашивали его.—«Ополчаться», отвѣчалъ Мининъ: «сами мы не искусны въ ратномъ дѣ-

(а) «Нѣкоторыя черты житія препод. Сергія послѣ смерти». Мы приводимъ здѣсь подлинныя слова нашего незабвеннаго архимандрита, покойнаго митр. Филарета (стр. 69).

лѣ, такъ станемъ кличъ кликать повольныхъ служилыхъ людей». —«Будь такъ, будь такъ»! закричали всѣ. Начался сборъ, всякій жертвовалъ, что могъ; иные отдавали послѣднее «для великаго земскаго дѣла.» Пришла одна вдова и сказала: «осталась я послѣ мужа бездѣтна и есть у меня 12000 рублей, 10.000 отдаю въ сборъ, 2000 оставляю себѣ.» Но прежде чѣмъ скликать ратныхъ людей, надобно было найти воеводу. Въ это время въ Суздальскомъ уѣздѣ жилъ стольникъ и воевода, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, который долечивался отъ ранъ, полученныхъ при раззореніи Москвы. Мининъ снесся съ нимъ, уладилъ дѣло, и сказалъ народу, что не за кѣмъ больше посылать, кромѣ князя Пожарскаго. Посланы были къ нему Печерскій архимандритъ Ѳеодосій, дворянинъ Жданъ Петровичъ Болтинъ, да изо всѣхъ чиновъ лучшіе люди. Пожарскій отвѣчалъ посланнымъ: «Радъ я вашему совѣту, готовъ хотя сейчасъ ѣхать, но выберите прежде изъ посадскихъ людей, кому со мною у такого великаго дѣла быть и казну собирать». Посланные отвѣчали, что у нихъ въ городѣ такого человѣка нѣтъ. Пожарскій сказалъ имъ на это: «Есть у васъ Кузьма Мининъ, бывалъ онъ человѣкъ служилый, ему это дѣло за обычай».

Когда посланные возвратились и объявили Нижегородцамъ слова Пожарскаго, тѣ стали бить челомъ Козьмѣ, чтобъ принялся за дѣло. «Соглашусь, говорилъ онъ, если напишете приговоръ, что будете во всемъ послушны и покорны и будете ратнымъ людямъ давать деньги». Нижегородцы согласились, и Мининъ написалъ въ приговорѣ свои прежнія слова, что не только отдавать имѣнія, но женъ и дѣтей продавать. Когда приговоръ былъ подписанъ, Козьма взялъ его и отправилъ къ Пожарскому.

Собранное ополченіе двинулось къ Ярославлю, чтобы забрать по пути дружины другихъ городовъ. Проходя съ кня-

земъ Пожарскимъ и съ воинствомъ къ Москвѣ мимо Сергіевой обители и совершая въ ней молебное пѣніе, Мининъ самъ объявилъ архимандриту Діонисію о бывшихъ ему явленіяхъ преп. Сергія. 18 августа 1612 года, на горѣ Волкушѣ (въ 4 верст. отъ лавры), архимандритъ Діонисій, благословилъ христолюбивое воинство на брань за вѣру и отечество. Къ успокоенію не довѣрявшихъ успѣху дѣла, вѣтеръ, дотолѣ противный, сдѣлался попутнымъ воинству, и всѣ двинулись съ надеждою къ Москвѣ. Келарь Аврамій пошелъ вмѣстѣ съ ними.

Но и соединившіеся подъ Москвою князья Трубецкій и Пожарскій, дѣйствовали не единодушно, потому что послѣдній не могъ вполнѣ довѣриться первому, а еще болѣе Заруцкому съ его козаками. Изъ обители писали къ нимъ о мирѣ. Келарь Аврамій переходилъ изъ стана въ станъ, то склоняя несогласныхъ воеводъ ко взаимному вспоможенію, то ободряя въ самыхъ сѣчахъ именемъ Сергія, то убѣждая козаковъ не отдѣляться отъ воинства. Чтобы удовлетворить корыстолюбивыхъ, обитель предложила козакамъ послѣднія свои сокровища—священныя ризы, низанныя жемчугомъ. Но никто не дерзнулъ коснуться святынѣ, и всѣ единодушно обѣщались не отступать отъ столицы, доколѣ не освободятъ ее.

Не станемъ исчислять подробностей очищенія Москвы отъ враговъ: Ляхи, запертые въ Китай-городѣ, не получая помощи отъ своего короля (ѳ), томимые голодомъ, стали ѣсть человѣческое мясо и трупы; 22 октября Русскіе сдѣлали сильный приступъ на Китай-городъ. Голодные Поляки не могли обороняться и заперлись въ Кремлѣ. Пожарскій и Трубецкой вошли въ Китай-городъ съ Казанскою иконою Богородицы,

(ѳ) Король, поздно рѣшившись идти къ Москвѣ, дошелъ только до Волока-Ламскаго, и потерявъ надежду завладѣть столицею, пустился обратно въ Польшу.

которая находилась въ Русскомъ станѣ и тогда же дали обѣщаніе построить въ память этого дня церковь во имя иконы Пресвятыя Богородицы Казанскія [в]. Взявъ Китай-городъ, Русскіе окружили Кремль, но Поляки уже не думали защищаться. На другой же день, они прислали просить милости и пощады, сдавались военноплѣнными, вымаливали себѣ только жизнь. Пожарскій далъ отъ себя обѣщаніе, что ни одинъ плѣнникъ не погибнетъ отъ меча. Наконецъ наступило время освобожденія Москвы: ночью подъ 25 октября великій заступникъ земли Русской, преп. Сергій чудотворецъ явился Арсенію, архіепископу Елассонскому [а], томившемуся отъ голода и болѣзни въ осажденномъ Кремлѣ, среди враговъ, и сказалъ ему: «Встань и иди во срѣтеніе православному воинству: молитвами Пресвятыя Богородицы, Господь очистилъ царствующій градъ отъ враговъ.» [б] Въ слѣдующее утро вѣрная Русская рать торжественно вступила въ Кремль. Земское войско, предводимое Пожарскимъ и Мининымъ, собралося подлѣ церкви Іоанна Милостиваго, на Арбатской площади, а войско Трубецкаго за Покровскими воротами. Съ двухъ этихъ концовъ пошло впереди духовенство съ крестами, иконами и хоругвями; за нимъ двигались войска. Оба крестные хода сошлись въ Китай-городѣ на Лобномъ мѣстѣ.

(в) Въ память взятія Китай-города учреждено второе празднованіе 22 октября въ честь Казанской иконы Богоматери. Обѣтный храмъ сооруженъ въ 1630 году иждивеніемъ князя Д. М. Пожарскаго, на углу Никольской улицы и Красной площади. Онъ извѣстенъ подъ названіемъ Казанскаго собора.

(а) Арсеній, ученый грекъ, бывшій архіепископомъ города Елассона въ Ѳессаліи, оставался въ Москвѣ, какъ кажется, съ 1589 года. Въ 1613 году онъ получилъ каѳедру въ Суздалѣ, гдѣ и скончался въ 1625 году. Тѣло его погребено въ Суздальскомъ соборѣ.

(б) Прологъ подъ 22 октября.

Во главѣ духовенства былъ преп. архимандритъ Діонисій, прибывшій изъ своей обители нарочно для такого великаго торжества вѣры и земли Русской. Изъ воротъ Флоровскихъ вышло духовенство, сидѣвшее въ Кремлѣ, съ архіепископомъ Арсеніемъ, получившимъ исцѣленіе отъ преп. Сергія. Духовенство вошло въ Кремль, за нимъ посыпала туда ратная сила и въ Успенскомъ соборѣ совершено было благодарственное молебствіе о избавленіи царствующаго града, очищеннаго отъ враговъ чистою вѣрою и любовію къ отечеству.

Припомнимъ слова нашего приснопамятнаго святителя: «Прославляютъ любовь къ отечеству. Прославленіе справедливое и полезное! Богъ да умножитъ въ отечествѣ нашемъ людей достойныхъ таковаго прославленія! Но славя любовь къ отечеству, не забудемъ отдать должную славу благочестію, помощи Божественной, молитвамъ небесныхъ гражданъ о земномъ отечествѣ. Любовь къ отечеству возбуждается, дѣйствуетъ и преуспѣваетъ только тогда, когда она одушевляется благочестіемъ, когда руководствуется и утверждается помощію свыше.» (в)

Москва была очищена, но престолъ царскій оставался еще празднымъ; буйныя ватаги Ляховъ, козаковъ-грабителей и Русскихъ измѣнниковъ еще неистовствовали по городамъ и селеніямъ. Разосланы были грамоты по городамъ съ приглашеніемъ прислать властей и выборныхъ въ Москву для великаго дѣла; писали, что «Москва отъ польскихъ и литовскихъ людей очищена, церкви Божіи въ первую лѣпоту облеклись и Божіе имя славится въ нихъ по прежнему; но безъ государя Московскому государству стоять нельзя, печься объ немъ и людьми Божіими промышлять некому; и по-

(в) Слова приснопамятнаго митрополита Филарета. («Нѣкоторыя черты житія преп. Сергія послѣ смерти,» стр. 71.)

тому бояре и воеводы приглашали, чтобъ всѣ духовныя власти были къ нимъ въ Москву, и изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, по скольку человѣкъ пригоже, для земскаго совѣта и государскаго избранія всѣ города прислали бы въ Москву». Когда съѣхалось довольно много властей и выборныхъ, назначенъ былъ трехдневный постъ, послѣ котораго начались соборы. Прежде всего стали разсуждать о томъ, выбирать ли изъ иностранныхъ королевскихъ домовъ, или своего природнаго Русскаго? И порѣшили: «Литовскаго и Шведскаго короля и ихъ дѣтей и иныхъ нѣмецкихъ вѣръ и ни которыхъ государствъ иноязычныхъ не христіанской вѣры греческаго закона на Московское государство не избирать, потому что Польскаго и нѣмецкаго королей видѣли на себѣ неправду и крестное преступленье и мирное нарушенье. Литовскій король Московское государство раззорилъ, а Шведскій король Великій Новгородъ взялъ обманомъ». Стали выбирать своихъ; тутъ начались козни, смуты и волненія. Однажды, говоритъ хронографъ [г], какой-то дворянинъ изъ Галича принесъ на соборъ письменное мнѣніе, въ которомъ говорилось, что ближе всѣхъ по родству съ прежними царями Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, его и надобно избрать въ цари. Раздались голоса недовольныхъ: «кто принесъ такую грамоту, кто, откуда?» Въ это время выходитъ Донской атаманъ и также подаетъ письменное мнѣніе. «Что это ты подалъ, атаманъ?» спросилъ его князь Дмитрій Михайловичъ Пожарской. «О природномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ», отвѣчалъ атаманъ. Одинакое мнѣніе, поданное дворяниномъ и Донскимъ казакомъ сильно подѣйствовало на избирателей.

(г) Исторія Россіи, проф. Соловьева, т. VIII, стр. 460.

Но еще не всѣ выборные находились въ Москвѣ. Знатнѣйшихъ бояръ не было: князь Мстиславскій съ товарищами тотчасъ послѣ своего освобожденія разъѣхались изъ Москвы; имъ неловко было оставаться въ ней подлѣ воеводъ-освободителей; теперь послали звать ихъ въ Москву для общаго дѣла, и окончательное рѣшеніе отложили на двѣ недѣли. Наконецъ Мстиславскій съ товарищами пріѣхали, пріѣхали и запоздавшіе выборные. 21 февраля 1613 года, въ недѣлю Православія, т. е. въ первое Воскресенье Великаго поста, былъ послѣдній соборъ: каждый чинъ подалъ письменное мнѣніе, и всѣ эти мнѣнія найдены сходными, всѣ чины указывали на одного человѣка—Михаила Ѳеодоровича Романова. Тогда Рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, Троицкій келарь Аврамій Палицынъ, Новоспасскій архимандритъ Іосифъ и бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ пошли на Лобное мѣсто и спросили у народа, наполнявшаго Красную площадь: кого они хотятъ въ цари?—Народъ единогласно воскликнулъ: «Михаила Ѳеодоровича Романова!»—Тогда Аврамій Палицынъ сказалъ: «Сіе бысть по смотрѣнію Всевышняго Бога!»

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ГЛАВА I. Малолѣтство царя.—Изгнаніе двухъ митрополитовъ.—Внезапное исправленіе молодаго самодержца.—Вѣнчаніе Іоанна на царство и первый бракъ его.—Соборы 1547 1554 года.—Стоглавъ.—Ересь Башкина и Косаго.—Дѣло о дьякѣ Висковатомъ.—Покореніе Казани и учрежденіе Казанской епархіи.—Болѣзнь Іоанна.—Кончина царицы Анастасіи 3

ГЛАВА II. Святители, современные первой половинѣ царствованія Іоанна IV: митрополиты св. Іосифъ и Макарій; святитель Гурій Казанскій и сотрудники его Варсонофій и Германъ. Преп. иноки-подвижники: Даніилъ Переяславскій, Герасимъ Болдинскій, Арсеній Комельскій, Адріянъ Ондрусовскій, Геннадій и Никифоръ Важеозерскіе, Антоній Сійскій, Нилъ Столбенскій. Св. Василій, юродивый Московскій . . . 27

ГЛАВА III. Вторая половина царствованія Іоанна IV.—Послѣдніе дни св. Германа Казанскаго.—Священномученикъ Филиппъ митрополитъ.—Разгромъ Новгорода; преп. Арсеній затворникъ и прав. Никола Салосъ.—Преподобномученикъ Корнилій Псково-печерскій.—Прославленіе мощей св. Никиты Новогородскаго и чудо въ Нарвѣ.—Явленіе Богородичной иконы въ Казани.—Заступленіе Богоматери во время достославной осады Пскова.—Антоній Поссевинъ и происки папизма.—Сыноубійство.—Смерть Грознаго царя. 67

ГЛАВА IV. Царь Ѳеодоръ и правитель Борисъ Годуновъ.—Установленіе патріаршества.—Права и преимущества патріарха.—Убіеніе царевича Димитрія.—Прославленіе мощей преп. Антонія Римлянина и св. князя Романа Углицкаго.—Крымскій ханъ подъ Москвою.—Достопамятное слово Ѳеодора Годунову.—Бѣдствіе Нижегородскаго Печерскаго монастыря.—Кончина Ѳеодора.—Воцареніе Бориса. 103

ГЛАВА V. Состояніе Церкви Кіевской митрополіи въ XVI вѣкѣ.—Церковная унія.—Состояніе Церкви Мосвовской митрополіи.—Упадокъ иноческой жизни.—Угодники Божіи: преподобные Никандръ Псковскій, Адріанъ и Ферапонтъ Монзенскіе; юродивые: Симонъ Юрьевецкій и Іоаннъ Московскій. 126

ГЛАВА VI. Смутное время.—Царь Борисъ.—Попеченіе патріарха Іова о распространеніи вѣры.—Гоненіе на Романовыхъ.—«Великій гладъ» и прав. Юліанія Лазаревская.—Смерть Бориса и гибель его семейства.—Лжедимитрій.—Заточеніе патріарха Іова.—Лжепатріархъ Игнатій.—Воцареніе Василія Шуйскаго.—Патріархъ Гермогенъ.—Перенесеніе изъ Углича въ Москву мощей св. царевича Димитрія.—Погребеніе Годуновыхъ въ лаврѣ Сергіевой.—Смятенія.—Всенародное покаяніе.—Преставленіе патріарха Іова.—Низверженіе Шуйскаго съ престола.—Твердость патріарха Гермогена.—Междуцарствіе.—Ужасы безначалія и разврата 154

ГЛАВА VII. Подвиги духовенства въ «смутное время».—Святители: Филаретъ Ростовскій, Сергій Смоленскій, Сильвестръ Вологодскій.—Преп. Галактіонъ.—Преп. Иринархъ, затворникъ Ростовскій.—Исидоръ, митрополитъ Новогородскій.—Открытіе мощей св. князя Ѳеодора.—Преп. Антоній Леохновскій.—Затворникъ Іоаннъ.—Святители: Геннадій Псковскій, Ѳеоктистъ Тверскій, Іосифъ Коломенскій, Галактіонъ Суздальскій.—Протоіереи Димитрій и Амосъ.—Преп. Евфросинъ Синозерскій.—Разореніе Пафнутьева монастыря.—Знаменитая осада лавры Сергіевой.—Архимандриты лавры Іоасафъ и Діонисій, и келарь Авраамій Палицынъ.—Ляхи въ Москвѣ.—Послѣдніе подвиги и страдальческая кончина патріарха Гермогена.—Троицкія грамоты.—Постъ и покаяніе народа.—Возстаніе городовъ.—Явленіе преп. Сергія Козьмѣ Минину.—Очищеніе Москвы.—Избраніе на царство Михаила Романова. 177

МОСКОВСКАЯ ЕПАРХІАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

2007043335